

В. А. БУЛАТОВА

ДРЕВНЯЯ КУВА

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. А. БУЛАТОВА

ДРЕВНЯЯ КУВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН»
УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ—1972

Монография посвящена одному из наименее изученных периодов истории материальной и городской культуры Средней Азии — VII—VIII вв.

В результате раскопок в предместьях Кувы — крупного городского центра Ферганы накануне арабского завоевания — были вскрыты жилые кварталы с буддийским храмом. Весь комплекс дает право говорить о большой роли Ферганы в общем развитии культуры Средней Азии.

Книга рассчитана на историков, археологов, студентов и читателей, интересующихся прошлым Узбекистана.

Ответственный редактор
акад. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ

ВВЕДЕНИЕ

Ферганская долина — один из древнейших земледельческих оазисов Средней Азии — расположена в верхнем течении Сырдарьи и замкнута в сердце гор. С юга она ограничена Туркестанским и Алайским хребтами, с востока — Ферганским, с севера — Чаткальскими горами и их юго-западными отрогами — Кураминским хребтом и грядой Могол-тау. Горные хребты опускаются к долине предгорьями и системой адыров (молодых поднятий), окаймляющих самую пониженную пустынно-степную часть долины.

Ниже адыров, вытекающие с гор реки — Исфара, Сох, Исфайрамсай — образуют конусы выносов. В средней их части сложились наиболее благоприятные условия для земледелия.

Земледельческие оазисы образовали зеленое кольцо вокруг песков и солончаков центральной части долины. Плодородные почвы, обилие воды и оптимальные климатические условия послужили основой для раннего появления и развития оседлого земледелия.

Фергана, наряду с Бактрией, Согдом и Хорезмом, известна как одна из культурных областей древней земледельческой ойкумены. Скучные сведения письменных источников о древней Фергане широко пополняются археологическим материалом. Советскими археологами в 60-е годы открыты и исследованы памятники палеолита, неолита и бронзы. Названия Кайрак-кум, Капчигай, Чуст, Дальверзин — ко II и началу I тыс. до н. э., Эйлатан, Шурабашат, Актан и Кунгай в VI—III вв. до н. э. — твердо вошли в научную литературу.

Последующие этапы истории Ферганской долины исследовались не менее широко и полно. Городища Мархамат, Сим-тепе и поселения Керкидона, Гайрат-тепе, Мунчак-тепе, Калаи-боло, большие многослойные города Калаи Кяхкаха, Касан, Ахсыкет, Кува, Узген — вот далеко не полный перечень исследовавшихся памятников материальной культуры Ферганы.

Кувинский район — это лишь одна семнадцатая часть Ферганской области, которая в свою очередь является небольшой частью Ферганской

долины. Он занимает самую восточную окраину Ферганской области и граничит с севера и востока с Андижанской областью, а с юга — Киргизской ССР. Кувинский район орошается Кува-саем, который подпитывается водами Кара-Су. Кува-сай течет в ущелье между адырами Тал-мазар и Керкидон и по выходе в оазис разбирается многочисленными каналами.

Ферганский канал проложен у Тал-мазара по южной окраине оазиса; веер каналов как бы исходит из ущелья, где протекает Кува-сай. Этот маленький оазис также изобилует памятниками материальной культуры различных категорий: тут и могильники, и тепа-замки, и тепа-поселения и город Кува.

Целевое обследование памятников Кувинского района было сделано в 1956 г. археологом В. Д. Жуковым, составившим археологическую карту¹. В последующие годы (1957—1958 гг.) обследование района со сбором материала повторил И. Ахраров, который нанес на карту 4 античных и 22 средневековых с античной основой памятника. В 1964—1965 гг. в связи с установлением новых границ района были проведены новые обследования с целью фиксации памятников на плане района, глазомерной съемки их планов и установления датировок с помощью зачисток, разведочных шурфов и раскопок².

В результате этих работ удалось установить, что в новых границах район имеет 33 памятника, делящихся на три хронологические группы: однослойные (I вв. до н. э. и I вв. н. э.); однослойные раннесредневековые (IV—VII вв.); многослойные (с I в. до н. э. до начала XIII в.).

К первой группе относятся: Чилля-мазар, Чильтан-тепе, Безымянное (по дороге на Андижан), Буистан-ата, тепе Кувинской МТС, Такьян-тепе, Ходжа-Чилик-тепе, тепе в кишлаке Ура-Баши, Мулладжан-тепе, Кош-тепе, Бектемир.

Вторая группа включает в себя Яманджар-тепе, тепе у ст. Федченко, Ох-тепе, Джар-тепе, Кизил-кетмен-тепе, Урус-мазар-тепе.

К третьей группе относятся Зиндан-тепе, Кувинское городище с рабадами, Ак-ата-бува-тепе, Зенгишт-тепе, Чарбобо.

На восьми объектах сделаны шурфы и зачистки, а на семи тепе не проводилось археологических вскрытий и они не определены во времени. Раскопки, произведенные на ряде объектов, выявили замки кушанского времени из кирпича-сырца, раннефеодальные кешки и поселения, многослойные поселения и города с большим хронологическим диапазоном.

Период, наиболее насыщенный археологическими памятниками, — первые века до н. э. и первые века н. э., когда воды Кува-саея орошали поля поселений, расположившихся на веере отводов питающего источника. Куба была в это время крупным поселением, а может быть городом.

¹ В. Д. Жуков. Обследование городища Старая Кува в 1956 г., ҚСИИМК, вып. 80, 1960, стр. 80; Сообщение на заседании отдела, взятое из протокола.

² Работы проводились В. А. Булатовой и Д. П. Вархотовой.

Второй этап — сложение раннефеодальных поселений и городов. Одним из наиболее крупных поселений было Зиндан-тепе. Но главенствующее положение в оазисе заняла Куба. После арабского нашествия Куба оправилась и пережила свой третий подъем, заняв по величине второе место в Фергане.

Она издавна была экономическим и политическим центром оазиса. К этому располагали благоприятные климатические и географические условия — обилие воды, мягкий климат, соседство степей с их потенциальным рынком, близость от караванных путей и т. д. Все это способствовало развитию ремесел, земледелия и торговли, было импульсом для ранней урбанизации района.

Исторические этапы расцвета и подъема культуры отмечаются во всех областях Средней Азии, в том числе и в Фергане. Кувинский оазис — это словно бы капля в общем потоке истории, отразившая все закономерности исторического процесса.

Глава I

ГОРОДИЩЕ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУБЫ

Среди многочисленных средневековых поселений Средней Азии большой интерес представляет многослойное городище старой Кувы—Кубы (в транскрипции древних авторов), находящееся на северо-западной окраине Кувы — современного районного центра Ферганской области.

Город Куба лежал на древнем торговом пути, связывающем Фергану с Кашгаром. Он был некогда вторым по значимости после Ахсыкета. Источники (Макдиси, ибн Хаукаль) сообщают, что город имел хорошее водоснабжение и развитое садоводство. Он стоял на реке того же названия, которая впадала в Сырдарью. В настоящее время река эта разбивается на орошение и бесследно исчезает среди полей.

К восточной окраине современной Кувы по дороге Андижан—Маргилан примыкает большое средневековое городище подквадратное в плане. Его средневековое название Куба, донесенное до нас источниками VIII и Хвв., почти не изменилось до сегодняшнего дня, если не считать смягчения звука «б».

Сейчас трудно судить о внешнем облике городища, так как его исказили долговременные земляные выработки, производившиеся как окрестными жителями, так и кирпичным заводом, расположившимся в центре городища, и за его восточным фасом на территории рабада. Особенно сильно пострадали восточный, западный и южный фасы шахристана, где почти полностью уничтожен естественный рельеф и края городища выглядят как отвесные обрывы.

У восточного края находятся кирпичеобжигательные печи и ямы для примитивного изготовления асфальта, у западного — жилые постройки окрестных жителей; у южного — жилые и производственные постройки промкомбината, строительная контора, здания райгаза и склада. Кроме того южная окраина шахристана рассечена шоссейной дорогой, ведущей к Маргилану, а часть городища за дорогой была застроена в годы войны жилыми зданиями.

Таким образом, наименее пострадавшим оказался северный фас. Это объясняется тем, что прилегающее к нему мелководное озеро, заросшее камышом, было неудобно для хозяйственного освоения.

Территория подквадратного в плане городища общей площадью около 12 га имеет поверхность с явным понижением у внутреннего фаса цитадели. Даже если учесть насильственное искажение рельефа, тенденция к понижению прослеживается примерно с середины городища в направлении с юго-запада на северо-восток. У самой цитадели оно достигает 2 м.

Холм двухъярусной цитадели высотой в 10 м возвышается над шахристаном и занимает его северо-восточный несколько выступающий угол. Он расположен на площади около 2 га и имеет ясно выраженную вершину (может быть, развалины дворца). На внутреннем фасе цитадели читаются оплывы восточной и северной башен и остатки стены.

Холм шахристана имеет общее превышение над уровнем окружающей местности в 7—8 м. По остаткам рельефа можно предполагать наличие восточных ворот, которые находились в стыке стен шахристана и цитадели и были под контролем восточной башни цитадели. На северном фасе нетронутыми остались оплывы стены и северо-западной башни.

Вся поверхность городища в его южной и юго-западной части покрыта колючкой и отвалами древней керамики. Ее было особенно много вокруг кирпичного завода, который разместился в середине пониженной котловины. К заводу с запада подходит грунтовая дорога, под которую использован рельеф, видимо, отражающий наличие дороги и в древности. В обрывах городища возле этой дороги видны остатки кладки из крупномерного сырцового кирпича. Возможно, это остатки башен, фланкировавших подступы к воротам.

Трудно сказать что-либо определенное о южной части городища, разрушенной дорогой. При опросе жителей, поселившихся на его остатках, выяснилось, что они часто при земляных работах находят симоб-кузачи, поливную и неполивную керамику, стекло. Судя по ареалу распространения этих находок, они заняли узкую полосу, не превышающую 10 м, вдоль шоссе, которая, очевидно, и была продолжением шахристана. Рельеф этой полоски подсказывает границу, ибо он резко снижается по линии полей, прилегающих к городу с юга. Восточный фас городища, сильно изрытый, также не сохранил башен и стены.

Рабады средневековой Кубы были богаты и обширны. Они окружали шахристан с трех сторон — с запада, востока и юга — радиусом до 1,5 км. Об этом свидетельствуют средневековое кладбище по дороге в Андижан¹ и повсеместные находки археологического материала — на западе это кварталы керамистов, специализировавшихся на поливной художественной керамике, на востоке, — изготовлявших неполивную керамику и

¹ В. Д. Жуков. Указ. соч., стр. 80.

симоб-кузача², на юге и западе — плотно заселенные кварталы, среди которых отмечено крупное производство симоб-кузача³.

Уже в X в. в городе были цитадель, шахристан и рабад. Причем в рабаде размещались: базар, дворец и тюрьма, а в разрушенной к тому времени цитадели была соборная мечеть⁴. Имелся в Кубе X в. и свой монетный двор, что впервые удалось установить Е. А. Давидович. Наличие монетного двора — важное свидетельство экономического и политического значения города, хотя, как указывает Е. А. Давидович, он и выступает в качестве феодального удела. Саманидские эмиры, осуществляя верховную власть, фактическое владение и монетную регалию доверили своим сановникам⁵.

Но Куба была известна не только в X в. Сведения о ней встречаются и в более ранних источниках, характеризующих такое важное политическое событие VIII в., как борьбу народов Средней Азии за свою независимость. Так, Табари и Балами, описывая антиарабское движение в Согде (720—722), упоминают имя Тара — царя Ферганы, который фактически предал согдийцев арабам, разыграв комедию покровительства. Но это предательство не избавило Фергану от вторжения арабов и гибели ее городов. Впоследствии, чтобы оградить Фергану от захватчиков, Тару пришлось, отбросив хитроумную дипломатию, встать во главе антиарабской коалиции и поднять оружие. Куба упоминается при этом как резиденция наследника престола⁶.

Таким образом, в первой четверти VIII в. Фергана с ее городами стала военным ристалищем и претерпела все превратности вражеских нашествий. Однако в дальнейшем экономика этой цветущей области была восстановлена и с IX в. вплоть до монгольского нашествия Куба славились своими ремеслами и торговлей⁷.

² Обследования И. Ахрарова, сделанные в 1956—1968 гг.

³ Обследования В. А. Булатовой 1959—1970 гг.

⁴ В. В. Бартольд. Географический очерк Мавераннахра, т. I, М., 1963, стр. 214—217—220; Он же. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 159; Е. К. Бетгер. Извлечения из книги «Пути и страны» Абуд Касыма ибн Хаукаля, Труды САГУ, «Археология Средней Азии», вып. IV, Ташкент, 1957, стр. 26.

⁵ Е. А. Давидович. Саманидские монеты Кубы, «Советская археология», № 2, 1960, стр. 256.

⁶ A. R. Gibb. *Arabe conquest in Central Asia*, London, 1923, s. 91. (указано М. Н. Федоровым); С. Г. Кляшторный. Из истории борьбы народов Средней Азии против арабов, эпиграфика Востока, вып. IX, М.—Л., 1954, стр. 64; А. Джадилов. Согд накануне арабского нашествия и борьба согдийцев против арабских завоевателей в первой половине VIII в., Сталинабад, 1961, стр. 137; Т. Кадырова. Мавераннахр и восстание Хариса ибн Сулеймана, ОНУ, № 6, 1962, стр. 45.

⁷ Археологические материалы, добытые при исследовании шахристана археологом И. Ахраровым в 1956—1959 гг., позволяют дополнить В. В. Бартольда, который указывал, что после X в. Куба не упоминается в источниках. Археологические данные дают возможность утверждать, что Куба вплоть до XIII в. не утратила значения крупного экономического центра Ферганы.

Монгольское нашествие нанесло ей тяжкий и непоправимый удар. Город погиб в огне пожара, обезлюдел шахристан и его печальные развалины еще долго напоминали о кровавой драме. Очевидно, была разрушена и ирригационная система.

В последующие века жизнь не вернулась на пепелище. В XV в. лишь кратко упоминается заболоченное заурядное селение Куба, где даже мост был неисправен⁸.

Находки подъемного материала этого периода были обнаружены на территории западнее и юго-восточнее основного городища и его домонгольского рабада (обследования 1956—1957 гг. произведены археологом И. Ахраровым). Исходя из этого, можно заключить, что жизнь города в XV в. переместилась в рабады, но трудно судить об ее полноте и объеме. Во всяком случае, скудость археологического материала и характер письменных сообщений свидетельствуют об ее спаде. Что касается заболоченности, то она сохранилась до наших дней, вплоть до 1965 г., когда была произведена мелиорация.

Уже много лет городище привлекает внимание исследователей. Упоминания о Кубе как о древнейшем поселении встречаются у В. И. Масальского при описании Туркестана, у В. Н. Вебера и А. Вознесенского в связи с геологическими исследованиями Туркестанского края⁹.

Но начало глубокому, целенаправленному и систематическому изучению Ферганской долины положила археологическая экспедиция Государственной академии истории материальной культуры (1930—1934 гг.). Археологи поставили своей задачей изучение древней ирригации — ключа к истории земледельческих культур Средней Азии. Они составили схему для периодизации культур Ферганы. Конкретный материал по уточнению этой периодизации дали археологические исследования на трассе Большого Ферганского канала¹⁰, где были получены комплексы, характеризующие эпоху бронзы и железа (I в. до н. э.), раннего и развитого средневековья. Тогда же были собраны данные к археологической характеристике городища Кубы с прилегающим к нему районом и отмечен ряд

---

⁸ Бабур-наме, Ташкент, 1958, стр. 26, 93, 122; В. В. Бартольд. Сырдарья, т. I, М., 1963, стр. 212; С. А. Азимджанова. К истории Ферганы второй половины XV в., Ташкент, 1957, стр. 27.

⁹ В. И. Масальский. Туркестанский край, т. XIX, СПб., 1913, стр. 708; В. Н. Вебер. Полезные ископаемые Туркестана, 1913, стр. 114; А. Вознесенский. Месторождение калийной селитры в Ферганской области, «Геологический вестник», № 2, 1916, т. 2, стр. 76—82 (приложен план городища); Б. А. Латынин. Вопросы истории ирригации древней Ферганы, КСИИМК, вып. 64, М., 1956, стр. 17; Он же. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г., Археологический сборник, вып. 3, Л., Госэрмитаж, 1961, стр. 128, 169, 170.

¹⁰ Статьи Я. Г. Гулямова, В. Д. Жукова, Т. Г. Оболдуевой, помещенные в Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. IV, Ташкент, 1951.

памятников, датируемых I в. н. э. Это — Кувинский могильник, поселения Зиндон или Караул-тепе и Буистан.

Основываясь на достаточно богатом археологическом материале, В. Д. Жуков делает предположение, что, начиная с VII в., в Ферганской долине происходит процесс образования крупных поселений, который находит свое завершение в ярко выраженном феодальном городе XII—XIII вв. — Кубе¹¹.

Следующим этапом стали работы Памиро-алайской экспедиции, возглавляемой А. Н. Бернштамом.

Прослеживая линию последовательного развития общественных форм, ученый указывает на то, что в результате отмирания кушанских и даваньских теппе в Фергане возникают крупные феодальные центры с развитой системой обороны оазиса, среди которых выделяется Куба со своей округой¹².

Визуальное обследование городища во время строительства БФК дважды проводил В. Д. Жуков, уточнив местоположение средневековой Кубы. Первое археологическое обследование с закладкой шурфа было проведено в 1951 г. отрядом Памиро-ферганской экспедиции (начальник отряда Ю. А. Заднепровский).

В итоге разведочных исследований установлено, что «город Кува относится к числу таких городов, как Ахсыкет, Касан, Муг-пашо и т. д., которые возникли в кушанское время I—III вв., переживая вторичный расцвет в средние века»¹³.

Все эти работы стали как бы преддверием широкого и систематического изучения города, начатого в 1956 г. Институтом истории и археологии АН УзССР. Изучение древней Кубы было частью обширной программы исследований по формированию и генезису городов на территории Узбекистана. Возглавили эти работы Я. Г. Гулямов и В. А. Шишкин.

Весной 1956 г. в Кубе были заложены раскопы на шахристане и цитадели. На цитадели работали археолог В. Д. Жуков, Х. Мухамедов и А. М. Мухамеджанов¹⁴. В результате раскопок были обнаружены гребень

---

¹¹ В. Д. Жуков. Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала, «Известия УзФАН», 1940, № 1, стр. 27; Он же. Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве БФК, Труды Института истории и археологии АН УзССР, 1951, стр. 70, 78; Он же. Обследование городища Старая Кува в 1956 г., Краткие сообщения Института истории материальной культуры, вып. 80, 1960, стр. 84.

¹² А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, М.—Л., 1952, Материалы исследования по археологии СССР, вып. 26, стр. 249.

¹³ Ю. А. Заднепровский. Раскопки, шурфы на Кувинском городище (рукопись хранится в архиве Ферганского музея).

¹⁴ Общее научное руководство исследованиями в Кубе осуществлял академик АН УзССР проф. Я. Г. Гулямов.

западной стены толщиной 5,8 м и северо-западная угловая башня. Кое-где отмечены фигурные выстилки полов (кирпич размером 28 × 14 × 3 см) и очажки—остатки жилья предмонгольского периода. В шурфе, заложенном у подножья замка с севера, был обнаружен фрагмент стенки юсуария с зубчатым краем и внутренним выступом для крышки. Насколько нам известно, это первая находка такого рода в Ферганской долине.

На шахристане работали В. Д. Жуков, И. Ахраров и М. Аминджанова. Они исследовали северную стену шахристана и внутреннюю часть города, примыкающую к стене. Был сделан разрез городской стены и вскрыта часть территории с внутренней стороны шахристана, где расчищены остатки жилых и производственных помещений X в. со стенами из пахсы. Слой под полом датируется монетами саманидского чекана. Комплекс керамики и стекла не противоречит этой датировке. Белофонная бытовая керамика с эпиграфическим, растительным и геометрическим орнаментом, выполненным в темнокоричневой, желтой, красной гамме, находит себе аналогии в Шаше, Хорезме и Афрасиабе¹⁵.

В восточной части южного фаса В. Д. Жуковым было обнаружено погребение в хуме, продатированное им серединой второй половины первого тысячелетия н. э. В. И. Козенкова на более массовом материале—ее проанализированы три погребения в хумах на территории Ферганской долины и привлечены аналогичные погребения из других пунктов Средней Азии (Маргиана, Согд, Шаш, Усрушана, Фергана, Семиречье)—сделала вывод, что несмотря на длительное существование захоронений в хумах (I—XIII вв.), наибольшее их число падает на VII—VIII вв.¹⁶

В результате археологических работ 1956 г. участники отряда сделали следующие выводы:

до возникновения средневекового города около кешка находилось поселение, которое в последующие годы превратилось в цитадель;

наиболее интенсивными периодами в жизни города являлись: первая половина первого тысячелетия, конец первого начало второго тысячелетия, когда на территории города были широко распространены гончарное, стеклодувное и металлургическое производство¹⁷.

Для определения стратиграфии и генезиса города чрезвычайно важным представляется разрез городской стены на северном ее фасае. Работы

¹⁵ Ю. Ф. Буряков. Художественная керамика городища Тункет. Научные труды и сообщения, кн. II, Ташкент, 1961; Ш. С. Ташходжаев. Поливная керамика Афрасиаба X—XIII вв., Ташкент, 1967; Н. Н. Вактурская. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XIII вв.), Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, АН СССР, т. IV, М., 1959, стр. 261—289.

¹⁶ В. И. Козенкова. К вопросу о хумах с захоронениями костей, СА, 1961, № 3, стр. 258—259.

¹⁷ В. Д. Жуков. Указ. работа, стр. 84.

на разрезе велись в 1956—1957 гг. археологами М. Аминджановой и И. Ахраровым (ответственный И. Ахраров)¹⁸.

Археологические исследования показали, что ядро стены — это очень плотный пахсовый монолит. Ширина стены по низу достигает 10 м, сохранившаяся высота 5 м. Ее внешняя плоскость имеет уклон, характерный для всех глинобитных сооружений. Внутри городища стена отвесна. К ее внешней плоскости примыкают четыре ремонтных «рубашки». Причем последняя сделана в начале XIII в. из кирпича размером $48 \times 26 \times 10$; $50 \times 25 \times 10$ см. Основание стены покоится на остатках стены V—VII вв., обнаруженных при закладке шурфа. Под ней залежали культурные наслоения, в которых встречались фрагменты бытовой керамики с красным плотным ангобом хорошего лощения. Найдено также донце, на котором была выцарапана стрела. Эти слои можно датировать I—III вв.

Основная пахсовая стена шахристана, как и подобная ей стена цитадели, может быть датирована VIII—X вв., но покоится она на городской стене более раннего периода, что красноречиво свидетельствует о сложении городской жизни в Куве под защитой стен уже в V—VII вв. На чертеже хорошо просматриваются уровни поверхностей земли у внешнего фаса стены, совпадающие с соответствующими по времени стенами. Самый нижний — V—VII вв., выше — уровень IX—X вв., еще выше — XI в. и самый верхний — XIII вв. Каждый из них располагался на осыпях предыдущих стен.

В 1956—1957 гг. в юго-восточной части шахристана был заложен и завершен стратиграфический шурф (ответственный И. Ахраров). Как показали исследования, толща культурных наслоений городища достигает 9 м. Характер археологических материалов из нижних слоев позволяет заключить, что поселение возникло не позднее первых веков н. э.¹⁹

В западной и восточной частях шахристана вдоль городских стен были вскрыты жилые кварталы самого верхнего слоя (1957—1959 гг.). Планировка зданий прослеживается здесь очень четко. Понятно и функциональное назначение помещений — жилые комнаты, коридоры, хозяйственные помещения с закромами для хранения зерновых продуктов, внутренний дворик. Стены домов — каркасные, с заполнением тонкоплиточным сырцовым кирпичом ($18 \times 9 \times 3$ м), полы в некоторых помеще-

¹⁸ Здесь и далее приводятся суммарные итоги работ 1957—1959 гг. на шахристане, так как без связи с основным городищем и его стратиграфией трудно понять сложение и развитие кварталов предместья VII—VIII вв. с храмом, о которых пойдет речь ниже. Подробный анализ материалов из раскопок на шахристане и городской стене будет сделан И. Ахраровым.

¹⁹ В. А. Шишкин. Узбекская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.), История материальной культуры Узбекистана, вып. 2. Ташкент, 1961, стр. 34.

ниях выстланы жженым кирпичом. Предметы домашнего обихода, изготовленные из металла и стекла, позволяют датировать жилой комплекс XII — началом XIII вв.²⁰

В этот же период были продолжены раскопки на северо-западной башне цитадели (ответственные — В. А. Булатова, Х. Мухамедов). Обнаружены южный и северо-западный фасы башни. Сама она имеет прямоугольные очертания и сложена в верхней части из кирпича-сырца размером 50×25×10 см и в нижней — из пахсы. К башне на уровне первого этажа примыкала стрелковая галерея. Имелись помещения для стрелков и оружия и в самой башне. Несколько архаичная фортификация (прямоугольные закрытые башни, закрытые стрелковые галереи, большая толщина стен, редкое расположение башен) шахристана является конкретным выражением эллинистических реминисценций и в оборонном строительстве²¹.

Следует отметить, что на городских стенах Кубы (северный фас) визуально регистрируется только 2 башни — одна угловая, западная и вторая — башня цитадели. Причем расстояние между ними — 170 м. Очевидно, безопасность стены обеспечивалась стрелковой галереей и искусственным заболачиванием низины. Приемы обороны в Кубе оправданы недоступностью города с северной стороны и свидетельствуют об остроумии и экономичности инженерных решений.

Бадрабные ямы, нарушившие кладку башни, содержат материал первой половины XIII вв. Возле южного фаса башни у ее основания (с XXIV яруса) заложен шурф, который на глубине 1,50 м дал очертания крепостного рва, заполненного булыжниками, глиняными ядрами диаметром 10—15 см, фрагментами жженого кирпича и средневековой керамики. Дальнейшее углубление шло в твердом лессе, где встречались фрагменты невыразительной керамики и линзы золы. На глубине 3 м (XXX ярус) был найден бронзовый черешковый наконечник стрелы, трехлопастной с опущенными жальцами. Общая его длина 3,5 см²². Вместе с наконечником обнаружено несколько фрагментов бытовой керамики с ангобом и лощением. Длительное бытование трехперых бронзовых и железных наконечников допускает их сосуществование²³, но не далее I в. до н. э., когда железо вытеснило бронзу²⁴. На основании этих находок, даже если допу-

²⁰ В. А. Шишкин. Узбекская археологическая экспедиция АН УзССР (полевые работы 1956—1959 гг.), История материальной культуры Узбекистана, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 34.

²¹ В. Л. Воронина. Из истории среднеазиатской фортификации, СА, 1964, №2, стр. 47.

²² Такой же наконечник был найден И. Ахраровым на раскопе у западной городской стены в шурфе на глубине 6 м.

²³ В. М. Массон. Проблема древней Бактрии и новый археологический материал, СА, 1958, № 2, стр. 57; Б. А. Литвинский. Среднеазиатские железные наконечники стрел, СА, № 2, 1965, стр. 80.

²⁴ А. М. Хазанов. Очерки военного дела сарматов, М., 1971, стр. 37.

стать, что материал переотложен, можно предположить на шахристане наличие слоев I в. до н. э. — I в. н. э.

Раскопки на цитадели Кувы были продолжены в 1965 г. и имели своей целью выяснение стратиграфии и устройства «вышки». Для этого была заложена траншея на ее восточном краю (археологи В. А. Булатова и Д. П. Вархотова) и шурф (К. Абдуллаев) у подножья. Траншея площадью 4×15 м прорезала культурные наслоения, содержащие керамику, стекло, металлические изделия и архитектурные детали (плитки из кашина с голубой поливой и слаборельефным «бантиком», кусок бордюрной плитки), датирующиеся по аналогии с материалами предыдущих раскопок XII — начало XIII вв., и строительный мусор — обломки жженого тонкоплиточного кирпича, куски штукатурки и резинового ганча. В краях обреза прослеживаются массивы пахсы, промежутки между которыми забиты гуваялками и боем жженого кирпича. Похоже, что это «карьеры» добытчиков кирпича и других строительных материалов, которые основательно перемешали все культурные горизонты.

С глубины 2,5 м мы вышли на плотную платформу из пахсы. После препарировки хорошо читался ступенчатый стилобат замка, сложенный из пахсы и кирпича-сырца. Кирпич размером $50-57 \times 38 \times 9-10$ см в виде обкладки шириной до 2 м образует нижнюю ступень стилобата, выше идет пахса. В средней части разреза также есть кирпичный массив из сырца того же размера. Это могли быть остатки фундамента дворцового помещения. Есть основания предполагать, что на «вышке» было монументальное сооружение с богатым декором, включавшим резной ганч и майолику с голубой и синей поливой. Шурф у юго-восточного края «вышки» прошел в культурных слоях XI—XIII вв.

В 1970 г. на западном крае цитадели для уточнения стратиграфии была заложена траншея (В. А. Булатова) размером $15,5 \times 4$ м. Начата траншея с отметки — 11,74 (отсчет ведется от триангуляционной вышки), т. е. с XIV яруса. Склон, на котором заложена траншея, имеет резкое падение в сторону шахристана, что можно объяснить хищнической выборкой земли на кирпич. Падение рельефа составляет 5—4,5 м. Уже на глубине до 40 см под аморфным слоем пушонки обнаружены остатки жилых сооружений из пахсы с толщиной стен в 1 м. Возле стен сохранилась вымостка пола из кирпича размером $30 \times 15 \times 2-3$ см. Это в пределах первых четырех метров, а далее по склону идет довольно рыхлый слой завала с большим количеством булыги и кирпичного боя из тонкоплиточного кирпича $30 \times 15 \times 3$ см. Встречались и декоративные детали — круги, выточенные из кирпича, диаметром 9 и 12 см, толщина их — 3—3,5 см. Как видно, это строительный мусор от разрушенных зданий, находившихся на западной окраине цитадели до монгольского нашествия.

Верхний горизонт (XIV—XV и XVI ярус) содержит в себе большое количество остатков материальной культуры предмонгольского периода,

здесь же были и мусорные ямы того времени. Хорошо представлено стекло: ножки тонкостенных рюмок, горловины «графинов» — колб, венчики цилиндрических бокалов из прозрачного, чуть зеленоватого стекла с обилием воздушных пузырьков и свилеватостью.

Для этого периода характерна поливная керамика, описанная И. Ахраровым, работавшим на шахристане Кубы в 1956—1959 гг.²⁵ Это открытые белофонные чаши приземистых пропорций с орнаментом из перлов или растительных элементов, выполненных обычно в 2—3 цвета. Желтый, красный, зеленый, черный — вот основные компоненты, составлявшие палитру кувинского художника. Тут же неперменные спутники быта — чираги с белой и зеленой поливой, с рифленным или гладким резервуаром и чернильницы. Превалировала, конечно, неполивная посуда, как наиболее обиходная — это хумы для воды и сыпучих продуктов, кувшины и кувшинчики для переноски и кипячения воды, для вина и масла, горшки и котлы, предназначенные для приготовления пищи.

Наиболее интересной среди них была группа лепных сосудов с ангобной росписью по светлоохристому фону. Роспись выполнена черным и красным ангобом. Сюжет ее несложен — это линейный орнамент с сеткой и штриховкой. Сосуды имеют шаровидное тулово и две горловины между которыми находится ручка. Одна горловина в виде раструба служила для наливания воды, а вторая — заканчивалась стилизованной головой зверя, из носика которого лилась жидкость²⁶. Расписные сосуды имели и другую форму — в виде кувшина с высокой горловиной и энохеовидным сливом. Ручка сосуда начиналась от венчика и доходила до плечика.

Эти сосуды имеют своеобразную орнаментацию, но по технологическим приемам сходны с керамикой, найденной в других областях Ферганской долины²⁷. Нельзя не согласиться с Ю. А. Заднепровским, что лепная расписная керамика имела локальные очаги производства и сбыта и не зависела от притока сельского таджикского населения, якобы, принесшего с собой домашнее ремесло и излюбленные формы и мотивы²⁸.

Разнообразны по форме и декору сероглиняные тонкостенные кувшины. Очень изящные с высокой горловиной и тонкой пластинчатой ручкой, с фигурным навершием, они имеют то грушевидное, то шарообразное тулово. Гравированный орнамент покрывает сосуд сложно плетеными

---

²⁵ И. Ахраров. Керамика Ферганы IX—XII вв., Автореферат канд. дисс., Изд-во «Фан», Ташкент, 1966.

²⁶ Е. М. Пещерева. Гончарное производство Средней Азии, Труды Института этнографии АН СССР, т. XLII, 1959, стр. 274—275. Автор отмечает, что зооморфные кувшины служили обычно для подачи вина к столу.

²⁷ Ю. А. Заднепровский. Средневековая расписная керамика Ферганы. КСИА АН СССР, вып. 120, 1969, стр. 39—41.

²⁸ Там же, стр. 41—42.

фризами, начиная с горловины. Один кувшин вместо обычного поддона имеет три конусообразные ножки.

Выпадает из общего плана кувшин с орнаментацией, как бы позаимствованной из архитектуры. Переход к горловине завершается скульптурным венцом ступенчатых зубцов с прорезями, имитирующими бойницы крепостных стен. Под этим фризом два пояса штампованного орнамента. Один поясок дает мотив резного кирпичика с «бантиком», знакомого нам по памятникам архитектуры XII в., а другой — напоминает мотив в декоре тимпана восточной арки мавзолея Исмаила Самани в Бухаре. Это пример того, как тесно переплетаются и легко переходят из одной области приложения в другую изобразительные приемы. Архитектурные мотивы в оформлении керамики встречаются и в других областях Мавераннахра — Согде и Шаше²⁹.

Наряду с керамикой, характеризующей быт и культуру предмонгольской Кувы, встречается довольно много фрагментов с красным, коричневым ангобом и лощением. Форма венчиков, тонкость стенок и тщательная технология свидетельствуют о том, что эта керамика относится к более раннему времени, вероятнее всего, к V—VII вв. Очевидно, стены цитадели делались из лесса, содержавшего культурные остатки прошлых веков. Эта группа керамики полностью совпадает с теми формами и техникой отделки, что фиксируется в слое храмового комплекса VII в. и в слоях под ним.

Уже на краю склона, под слоем плотного пахового завала был расчищен внутренний обрыв крепостной стены (5, 6, 7 квадраты, ярус XVII—XVIII) из пахсы.

В XVIII ярусе фиксируется более плотный завал пахсы от разрушения оборонительной стены цитадели, сопровождающийся все большим числом находок раннесредневековой керамики³⁰.

Представляется вероятным предположение, что западная, т. е. внутренняя по отношению к шахристану стена цитадели в X—XII вв. уже утратила свое фортификационное значение, была разрушена, а площадь над ней застроена жилыми домами. Вот почему зафиксировано такое большое количество мусорных и ретирадных ям на всем протяжении стены (раскопки В. Д. Жукова — 1956 г., Х. Мухамедова — 1957 г.). Эти ямы дали материал XI—XII вв., т. е. предмонгольского периода.

Видимо, внутренняя стена цитадели, возведенная где-то в VIII—IX вв., к XI в. была разрушена и территория цитадели административно объединилась с шахристаном. Археологические факты подтверждают сведения письменных источников, которые сообщают, что в X в. такие

²⁹ Раскопки на Афрасиабе, коллекция ИА АН УзССР (сообщено Г. А. Шишкиной). Раскопки шахристана Бинкета, коллекция ИА АН УзССР (Ташкентский археологический отряд).

³⁰ Об этом см. в главе III.

общественные сооружения, как тюрьма, дворец и базар, были в рабаде, в цитадели же, разрушенной (видимо, речь идет о стенах. — В. Б.) к X в., оставалась лишь соборная мечеть.

Шурф в шахристане (Ш-р-4) заложен под западной стеной цитадели несколько южнее траншеи. Площадка, на которой располагался шурф, использовалась кирпичным заводом для сушки кирпича и потому выровнена и утрамбована. Уровень этой площадки искусственно понижен в связи с выборкой земли на поделку кирпичей и поэтому современный рельеф юго-западной части шахристана выше на 4—4,5 м. Площадь шурфа 4×5 м. Начат он с отметки — 12,34 м (XXV ярус).

До глубины 0,59 м шел очень плотный утрамбованный грунт, подававшийся только кирке и лому. В этом же ярусе была прослойка золы, фиксировавшаяся на всей площади шурфа. Первые три яруса (XXV, XXVI и XXVII) дали смешанный археологический материал — современный кирпич, керамика XIX—XX вв., караханидская, саманидская керамика и стекло. Поздний материал, судя по его облику и условиям залегания, мог принадлежать гончарам, работавшим в XIX в. на площадке уже заброшенного шахристана Кубы.

Последующие ярусы (XXVIII, XXIX и XXX) отличались однородностью археологического материала — это была только неполивная керамика без ангоба (хумы, кувшины) и ангобированная черная, красная, коричневая, полосчатая. Культурные остатки залегали в очень плотном лессе, и судя по всему, их можно сопоставить с теми, которые были обнаружены на территории буддийского храма и поселения VII в.

В южном и западном обрезах шурфа в этих горизонтах отмечается сильно гумусированный слой лесса, с ним же связаны и находки керамики.

Ниже (ярусы XXXI, XXXII, XXXIII) идет плотный лесс с тонкими прослойками песка повышенной влажности (особенно XXXIII ярус). И в верхних ярусах находки были довольно скудными, но в нижних они встречаются единицами. Та фрагментная керамика, которая составляет содержание нижних культурных горизонтов, может быть датирована III—IV вв.

В XXXIV ярусе проступила грунтовая вода и стала накапливаться в пониженной части шурфа. Из-за этого мы были лишены возможности опуститься ниже, до стерильного слоя, хотя скудость находок уже предвещала его близость.

Сопоставляя результаты раскопок нашего шурфа с выводами И. Ахарова, полученными после вскрытий на восточном краю шахристана, можно сделать вывод: слои III—VII вв. составляют солидную основу городища и потому дают возможность с большей долей уверенности говорить о существовании города в V—VII вв., по-видимому, в тех же границах, что и в IX—XII вв.

Глава II

ЖИЛОЙ КВАРТАЛ VII В. В ПРЕДМЕСТЬЯХ КУБЫ

Данная глава посвящена результатам археологических исследований холма в предместье Кубы с объектами VII в. (поселение и буддийский храм)¹.

Этот небольшой холм расположен севернее основного городища на заболоченной низине. Его местоположение не случайно — оно диктовалось необходимостью обороны. Как удалось выяснить, холм с буддийским поселением VII в. входил в сложную фортификационную систему. Ее основным ядром являлось большое городище (позднее, средневековая Куба), расположенное на юге по отношению к холму. Перед ним на расстоянии 60 м от северного фаса лежит дуга оборонительной стены с двумя башнями в средней части. Концы дуги замыкаются на востоке большой башней, а на западе — холмом средневекового рабада. Кольцо образует пониженную затопляемую чашу, в середине которой и находится этот холм. К нему с запада и востока ведут дороги — дамбы, охраняемые башнями. Все это четко прослеживается в рельефе местности, а в промоинах и обрезах зафиксированы паховые стилобаты и кирпичная кладка башен (кирпич-сырец размером 50×25×8—10 см)². Как видим, этот холм представляет собой важный объект для археологических исследований.

¹ Предварительные публикации об этом см.: В. А. Булатова. Буддийский храм в Кубе, СА, 1961, № 3, стр. 241; Она же. Бронзовый штамп из жилого комплекса VII в., ИМКУз, вып. VI, Ташкент, 1963; Она же. Некрополь X—XI вв. в Кубе, ИМКУз, вып. VI, 1965, Ташкент, 1963; Она же. Жилой комплекс VII в. в Кубе, ИМКУз, вып. VII, Ташкент, 1966; Д. П. Вархотова. Такьян-тепе, ИМКУз, вып. V, Ташкент, 1964; Она же. Об одном керамическом блюде VII—VIII вв. из Кубы, СА, М., 1964, № 3.

² Наблюдения велись в процессе планировки местности, прилегающей к нашему холму. Планировка производилась кирпичным заводом Кувинского местпрома. В настоящее время от вала оборонительной стены сохранился северо-западный конец, примыкающий к остаткам холма средневекового рабада, см.: В. А. Булатова. Жилой комплекс VII в. в Кубе, ИМКУз, вып. VII, Изд-во «Фан», Ташкент, 1966, стр. 82—83, рис. 1.

Фактический материал, накопленный в процессе археологических исследований³, позволяет сделать вывод о том, что оборонительная система района, включавшая в себя довольно большую территорию, функционировала в какой-то своей части вплоть до X в.⁴. Правда, в этот период пределы рабадов раздвинулись еще больше на юг и юго-запад и холм с храмом и жилым комплексом VII в., разрушенный арабами, превратился к этому времени в кладбище⁵.

Основное городище — шахристан Кубы — продолжало существовать, достигнув большого расцвета в X—XII вв.

Монгольское нашествие превало жизнь города и рабада. Разрушенная ирригационная система привела к заболачиванию местности. Холм с храмом стал почти недосыгаем — только тонкая нить дамбы связывала повышенную по рельефу западную и восточную окраины рабадов. Это обстоятельство сослужило большую службу — хоронить там больше не стали и холм сохранился до наших дней.

Археологические исследования холма начались в 1957 г. Тогда была заложена первая разведочная траншея.

Внимание археологов привлек рельеф северо-восточного выступа холма своими явно выраженными оплывами массивного здания с впадиной двора или зала посередине. К югу от предполагаемого здания находилась пониженная площадка, ограниченная валом и как бы изолированная от остальной части городища. Южная часть городища за валом была несколько понижена и не имела резко выраженного рельефа, если не считать приподнятого южного склона.

Холм с запада на восток прорезывала современная проселочная дорога, которая, видимо, совпадала с древней, так как имела значительное углубление. Ее продолжением с запада и востока являются оплывшие дамбы.

Археологические исследования велись на двух объектах: по времени первым вскрывался храм (площадка *P-p-2*); вторым — жилой комплекс (площадка *P-p-3*). На обеих площадках раскопки велись по сетке зашифрованных квадратов с поярусной (через 0,5 м) фиксацией материалов и горизонтов.

---

³ Материалы VII в. и более ранние, как уже говорилось выше, обнаружены на территории средневекового шахристана и рабада.

⁴ Территория на юго-восток и юг от шахристана настолько изменена различными постройками, дорогами, вновь спланированными садами и пашнями, что невозможно было восстановить древний рельеф.

⁵ Кладбище X—XI вв. обследовалось антропологической группой в составе: кандидата антропологических наук В. Я. Зезенковой, лаборантов С. Фаязовой и Л. Букиннич (1963 гг.).

Археологические вскрытия и графическая фиксация велись В. А. Булатовой и Д. П. Вархотовой, см.: В. А. Булатова. Некрополь X—XI вв. в Кубе, стр. 139—147.

Стратиграфия наслоений прослеживалась как на обрезах раскопа, так и на специально оставляемых бровках. При переходе к нижним ярусам, когда выявился план помещений, регистрация материала производилась по комнатам с обозначением яруса.

Верхние горизонты составлены переотложенными материалами разрушенных построек (кирпич-сырец).

В западной части холма велись исследования жилого комплекса. Верхний горизонт культурных наслоений представляет собой переотложенный слой с тремя ярусами мусульманских погребений X—XI вв. в ящиках из кирпича-сырца. Встречается средневековый жженный кирпич в фрагментах, шлаки, неполивная и поливная керамика того же и более позднего времени. Могилы зачастую врезаны друг в друга или расположены очень близко. Это свидетельствует о том, что захоронения были не наземными, а впускными. Могилы находятся в слое пожара (зольники, пережженная земля, угли) третьего, нижнего яруса.

На глубине 1—0,7 м от современной поверхности отмечается слой разрушенной пахсовой и кирпичной кладки (кирпич размером $40 \times 29 \times 10$ см), перемежающейся со следами пожара.

За период с 1959 по 1969 гг. вскрыто 80 помещений, пять улиц, площадь и западный пандус, выходящий на дорогу — дамбу. Вскрытая территория четко делится на шесть кварталов различной конфигурации. Они группируются вокруг площади, на которую выходят узенькие улочки, две с запада, две с юга, а одна, самая протяженная, — с севера. Их ширина допускала передвижение лишь пешеходов и конников. Площадь подпрямоугольной формы. Ее размер — около 200 м^2 . Но она не является геометрическим центром поселения, ибо заметно смещена к западу, а была скорее всего разгрузочной площадью у западного въезда в поселение⁶.

Одна из западных улочек между кварталами 2 и 3 выходит на дорогу — дамбу и покрыта гравийной прослойкой толщиной до 15 см. Ширина улочки — 2 м. При выходе на дорогу — дамбу, она сужается до 1,20 м. На ее поверхности отмечены зеленоватые пятна гумусного происхождения. Видимо, как и во всех средневековых городах, нечистоты здесь вы-

---

⁶ Научный руководитель — проф. Я. Г. Гулямов, руководитель работ — археолог канд. ист. наук В. А. Булатова, участницы работ — научный сотрудник Д. П. Вархотова (1959—1965 гг.), лаборанты: И. Салахутдинова, С. Фаязова, К. Бирюлина (1963 г.), А. Абдулхамидов (1962), У. Алимов, А. Букиннич (1964 г.), Л. Букиннич, К. Абдуллаев (1965 г.), фотограф Е. Н. Юдицкий.

В 1960 г. археологические исследования не проводились.

В 1966 г. руководила работами В. А. Булатова, участницы: Д. П. Вархотова, Г. А. Михалева.

В 1967 г. в связи с началом исследований в Ташкенте, в Куве работы не проводились. В 1968 г. руководила работами В. А. Булатова, участницы: Д. П. Вархотова, Г. А. Михалева, лаборант Г. Джалилова. В 1969 г. состав был тот же.

ливались на улицу. От улицы к дамбе переход осуществлен через площадку пандуса, шириной 16 м, который несколько смещен от оси улицы к югу и в большей своей части проходит под стенами комнат 36, 37 и 39. Возможно, площадка пандуса служила для разгрузки арб или даже торговли сельскохозяйственными продуктами.

На площади пандуса под кирпичным завалом собрано большое количество бытовой керамики: хумча, лепные кухонные горшки, двуручная корчага для молока (диаметр ее венчика 56 см, сохранившаяся высота — 38 см), каменные грузила, керамические пряслица, плоские круглые камни—наковаленки, крышки сосудов. Поверхность пандуса испорчена впускными погребениями в кирпичных ящиках. Пандус, насколько можно было проследить, сложен из паховых блоков.

Вторая западная улочка расположена между кварталами 1 и 2. Она имеет сильный уклон на запад с перепадом в восточной части и завершается выходом на северную улицу. На западном склоне холма улица заканчивается подпорной стенкой с лестницей и пандусом, спускающимися к основанию холма. На улице вынесены какие-то печи и возвышения из кирпича-сырца.

Северная улочка отделяет кварталы 1 и 2 от 6 — самого большого (начаты раскопки в 1965 г.). На всем протяжении улочка имеет перепады из-за повышения рельефа в северной части. Ширина ее различна — у площади 1,70 м, в месте пересечения с западной улицей 3 м, а дальше 2,20 м и меньше. Южная улочка между кварталами 3 и 4 имеет ширину у площади 1,20 м, а на склоне 2 м. Южный конец улицы ниже северного, с перепадом рельефа до 0,5—0,7 м. Он очень взрыхлен и содержит в слое и в ямах большое количество керамики (хумов и кухонной посуды). Там же найден слив сосуда, выполненный в виде головы быка.

Шесть уже исследованных кварталов составляют около 3000 м² сплошной застройки, разделенной только улицами. Размеры кварталов колеблются в пределах от 570 до 210 м². Количество помещений, размещенных в них, весьма различно — самый крупный квартал содержит 18 жилых и производственных помещений, самый малый — 4 явно жилых.

Кварталы нумеровались по мере их вскрытия с севера на юг. Квартал 1 занимает площадь 440 м² в северо-западном углу городища. Северная его часть лежит на склоне и потому ряд помещений и ограждающая их стена размыты. Сохранившаяся высота стен не превышает 10—15 см.

В квартале объединено 14 помещений. Среди них обособлены и имеют самостоятельный выход на улицу дом, состоящий из одной комнаты (2), дом из трех комнат с коридором (1, 13, 15, 21), а дома, имеющие по одной комнате, выходят непосредственно на склон. Семь комнат (3, 4, 5, 6, 7, 22 и 24) не имеют выходов на улицу. Некоторые из них сообщаются между собой, но есть и совершенно изолированные (22). Они отделены с юга

мощной стеной от трехкомнатного и однокомнатного домов. Уровень полов в этих помещениях на 1,40 м выше, чем в остальных домах квартала.

По мощности смежной стены и по наличию глинобитной лесенки в комнате 13 можно заключить, что над комнатами 1, 2, 13, 15, 21 был второй этаж.

В трехкомнатном доме центральным помещением была комната 15. Ее размеры — 5,46 × 3,60 м. Южная часть комнаты образует карман. Вдоль ее стен П-образно расположены низенькие суфы различной ширины — 1,25, 1,15 и 0,77 м. В северной части комнаты — узкие проемы (1—0,70 м), объединяющие помещения 13 и 21. Пространство комнат 15 и 21 увеличено за счет толщины северной стены, которая имеет поэтому уступчатый план.

На полу ясно фиксируются места двух столбов перекрытия (площадь — 57 × 60; 57 × 58 см), заполненные углем от горизонтальных плах. На суфе найден венчик хума диаметром 50 см и кобур длиной 49 см, имеющий вид усеченного конуса (диаметром 11 и 16 см).

По линии проемов примерно на поперечной оси вкопан хум (диаметр его венчика 52 см, высота — 90 см). В хуме обнаружены небольшой кувшинчик с энохоеподобным сливом, железная обкладка, несколько фрагментов от декоративного настенного блюда, покрытого красным ангобом, и сосуд типа солонки — три миниатюрные чашечки, соединенные между собой.

Здесь же обнаружены наковаленки гончаров в форме приземистого гриба. Наковаленки такого же типа зафиксированы на городище средневековой Кубы в слоях XI—XII вв. и у современных гончаров⁷.

Стены комнат сохранились на высоту до 1,5 м, их штукатурка обожжена докрасна. Пол имеет сравнительно ровную поверхность. Над полом и суфами был довольно рыхлый слой (до 50 см толщины) пережженной земли, кирпича-сырца и угля от деревянных частей перекрытия. На остальной высоте фиксировался завал кирпича-сырца необычайной плотности.

Комната 21 примыкает с западной стороны. Ее площадь на всю глубину была заполнена плотным сырцовым завалом. Следов пожара на полу не обнаружено. находки скудны: несколько фрагментов керамики и одна маленькая (диаметр — 7 мм) монетка из меди без надписей с подквадратным отверстием, литая в одностороннюю форму.

С восточной стороны обнаружена комната 13. Между ней и 15 комнатой — проем 80 см шириной. Проем имеет раму-обвязку и порог. Рама-обвязка состоит из двух стоек, утопленных в плоскость стены, сечением 10—15 см. Они заглублены ниже уровня пола на 9—12 см и лежат на

---

⁷ Е. М. Пещерова. Гончарное производство Средней Азии, Труды Института этнографии им. Я. М. Миклухо-Маклая (новая серия), т. XLII, АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 215, рис. 55.

плоских гальках, которые, очевидно, являлись гидроизоляцией. Ниже уровня пола находятся гнезда от балочек порога, заполненные углем (балочки того же сечения). В проеме на уровне пола — бараньи астргалы и монета с квадратным отверстием.

В комнате имеются две глинобитные лесенки. Одна — у западной стены, другая — у северной. Западная лесенка из трех ступеней вела на массивную площадку, примкнутую к стене. Возможно, это был переход ко второму маршу, который вел на второй этаж. В центральной части комнаты на полу лежали циновки, на них — кошма. Все это представляло собой спекшийся рыхлый пласт толщиной 1,5 см со следами переплетения соломы. У западной лесенки была обнаружена горловина хума диаметром 45 см. На полу найдены две подставки из алебастра для лучины или курительных свечей. Они имеют форму усеченного конуса диаметром внизу 8 см, наверху 4,3 см и высоту 6 см. На верхней плоскости имеется углубление до 4,5 см. Там же обнаружены фрагменты штукатурки с плоской лицевой и бугристой обратной стороной. Толщина штукатурки 1,4 см. Бугорки в виде маленьких конусов (1,1 см) правильными рядами покрывают всю плоскость, образуя сетку квадратов (2,3×2,3 см). Возможно, это был слой подготовки под роспись в центральной комнате.

Над полом — рыхлый слой пожара, где отмечаются обуглившиеся стойки и балки перекрытия.

Комната 1 (собственно, коридор с выходом на улицу) — узкая, ширина ее 1 м. Она примыкает к комнате 13, имея с ней единую южную стену. Их разделяет узкий (70 см) проем, который с северной стороны стены выступает на 30 см, образуя заплечико. Порог оформлен двумя деревянными балочками. Уровень пола в комнате 1 на 25 см выше, чем в комнате 13. Поэтому пол в комнате 13 несколько приподнят в восточной части. Комната 1, так же как и 21, по всей вероятности, имела хозяйственное назначение. В ней обнаружены очаги из булыжников, подставки для котлов в виде четырехгранной пирамидки с углублениями для пальцев, слой золы. На одном из очагов — узкогорлый кувшин, раздавленный обвалом. Несколько булыжников, вмазанных в пол, как видно, были стационарными очагами, или подставками для хумов.

Комната, по-видимому, была покрыта сволом, так как в ней, так же как и в 21, обуглившихся жердей и балок от перекрытия не обнаружено.

Дом 2 невелик по площади — 3,80 × 3,30 м². В нем планировочно ясно выделена входная часть (ширина 1 м), где четко читается место проема, пазы для дверной коробки и порога. Входная часть, расширяясь до 1,55 м в глубине, служила, очевидно, тамбуром, где можно было снять грязную обувь и верхнюю одежду. Остальная часть комнаты выше по уровню на 10—15 см и представляет, собственно, жилую площадь. Там вокруг примитивного обогревателя, выделенного канавкой для сброса

зола, раскладывались циновки и кошмы. Археологические находки свидетельствуют о том, что никакой другой мебели у обитателей этих помещений не было и вся их жизнь проходила на возвышении — суфе возле обогревателя.

Среди керамики, найденной в этом помещении, было довольно много кухонных сосудов ручной лепки — широкогорлые горшки типа крынок из глины с большими примесями дресвы. Здесь же были обнаружены кувшины для воды с округлым туловом, коротким горлышком, энохоеподобным сливом и плоской ручкой. На тулове заметны следы гончарного круга и остатки черной краски (ангобирование). Представляет большой интерес хум сферoidalной формы с четырьмя маленькими отверстиями под венчиком для подвешивания и дном, равномерно покрытым такими же отверстиями. Этот хум, небольшой по величине, как видно, предназначался для изготовления молочных продуктов (творога, сыра).

Помещение 3 ($3,5 \times 3,6$ м) расположено значительно выше первых двух (разность уровней 30 см) и отделено от комнаты 2 толстой стеной (ширина ее 1,58 м), сохранившейся по высоте на 15—20 см. У самой стены обнаружена обуглившаяся камышовая циновка, на которой находился фрагмент деревянного, выдолбленного цилиндрического сосуда. В глубине комнаты, также на циновке, лежали остатки двух предметов из кошмы или кожи. Трудно сказать, что это были за предметы, так как они слишком фрагментарны, но один из них весьма похож на сосуд с округленным дном. Второй напоминает бурдюк для воды. Его размеры 60 см по длине, 30 и 15 см в ширину. Высота оставшихся стенок достигает 3 см.

В этом помещении пол ровный. В северо-восточном углу найдена обуглившаяся персиковая косточка. Небольшая стенка (шириной 1 м) с проемом отделяет помещение 4. Напротив проема располагается коридор, ширина которого 93 см. Здесь тоже лежала обуглившаяся циновка. В помещении 4 жилая часть выделена не только повышением уровня пола, но и небольшой тонкой перегородкой из камыша, обмазанного глиной. С внутренней стороны к перегородке примыкает невысокий валик, отделявший вход из коридора в комнату. Размеры комнаты без коридора $2,6 \times 5,1$ м. На полу найдено большое число фрагментов хумов. С севера к помещению 4 примыкает комната 5 размером 6×6 м. В ней также найдены фрагменты бытовой керамики, особенно много хумов.

Помещение 6, площадь которого $2,8 \times 6$ м, продолговатое в плане. Его ориентация на север-юг по длинной оси. На полу обнаружены разбитые хумча, кувшины со сдвоенной ручкой и горизонтальными бороздками по тулову. Один кувшин или хум стоял на сильно сработанном жернове. Здесь же была расчищена мусорная яма, в которой оказалась плоская чашечка — фиал, со штампованной цветочной розеткой на дне. Поверхность чашечки покрыта красным легко стирающимся ангобом.

Помещение 7 располагается рядом с 6. Оно также продолговатое по плану. Здесь найдены фрагменты хумов и другой бытовой керамики. Помещение 8 сохранилось, пожалуй, лучше, чем предыдущие. Его размеры $2,8 \times 6$ м. Планировочно жилая часть отделена от входной повышением пола (5—7 см) и небольшим валиком. В центре комнаты — обогреватель с канавкой (канавка эта, как и в других комнатах, находится на одном уровне с входной частью, что облегчало уборку золы и другого мусора).

В юго-восточном углу — очажок с вытяжным устройством в стене. В очажке была обнаружена курильница на трех ножках. В северо-западном углу — яма с фрагментами кухонной посуды, кувшинов и плоских чаш-фиалов. Там же найдены куски спекшейся легкой массы с отпечатком какого-то узкого цилиндрического предмета с шариком на конце. На северном краю обогревателя находились фрагменты большой керамической маслобойки цилиндрической формы, а в юго-западном углу обнаружен железный трехперый наконечник стрелы на черешке. В северо-западном углу помещения хорошо сохранилась алебастровая обмазка пола у входа и на повышенной части. Край повышенной части у западной стены был укреплен жердочкой и обмазан глиной, а поверхность затерта алебастром. В комнату можно было попасть с северного склона.

Состав археологического материала и планировка помещений позволяют охарактеризовать их то как жилые (комнаты 2, 3, 4 и 8), то как подсобные помещения — кухни, кладовые (1, 5, 6 и 7).

С целью выявления фасадов этого жилого квартала были заложены две траншеи — на севере и на западе. Северная траншея помогла частично выявить внешнюю стену, к которой примыкает помещение 8. Структура наслоений, лежащих за внешней стеной квартала на склоне, свидетельствует о сильном пожаре, дополненном разрушениями. Мощный слой золы и угля перекрыт разрушившимся кирпичом-сырцом, перемешанным с фрагментами бытовой керамики. В осыпи было найдено много археологически целых сосудов, точильных брусков, бус, пряслиц. Очень интересен фрагмент боковой стенки хума со штампованным орнаментом в виде сомкнутых кругов из перлов, а в треугольниках между ними — стилизованные пальметты⁶.

Западная траншея попала в помещение 9 с очагом типа камина. Оно не замкнуто с западной внешней стороны. Стена, находясь на крутом склоне, очевидно, постепенно разрушилась.

Второй квартал расположен южнее первого и отделен от него улицей-коридором (10) протяженностью 24 м (ширина 1,70—2,5 м), выходящим на северную улицу. Улица-коридор планировочно разделена на три

---

⁶ Это почти полная аналогия с орнаментом кафтана воина из храма (см. главу III).

части. Западный отрезок — узкий (1,70 м), со следами дверного проема, с выступом на южной стене у комнаты 11. В противоположной стене заметны пазы от деревянных стоек, скорее всего для двери. В этом отрезке коридора, в углу, был обнаружен хум, возле него лежали зернотерки, жернова, плоские гальки — крышки сосудов, пряслица, железные ножи. расчищена плавильная печь (?), в основании которой обнаружен хум и углем.

В средней, более широкой части, куда выходит проем из дома 11, расчищена плавильная печь (?), в основании которой обнаружен хум и выступ стены, сложенной из кирпича-сырца. На стене против выступа заметны углубления от круглых стоек. Возможно, что и здесь была дверь.

Плавильная печь является границей между средней частью и повышенной восточной. Между южной стеной коридора и печью, отделяя восточный отрезок, как порог, лежали куски высокотемпературного шлака. От северной улицы коридор отделяет дверной проем. К востоку от входа в комнату 11 стена коридора усилена выступом — пилоном, возле которого расположена глинобитная лесенка из 4 ступенек (высота 1 м), ведущая на второй этаж.

Квартал 2 площадью 510 м² состоит из 18 помещений. Среди них — два двухкомнатных дома, один — с выходом в коридор. Остальные помещения, расположенные на первом этаже, не имеют связи с внешним миром. Видимо, она осуществлялась через второй этаж и единственную лестницу, выходящую в отсек коридора, тоже ограниченный дверями. Все это указывает на какое-то особое положение квартала 2. Возможно, это был квартал ремесленников, но не свободных, а принадлежащих или храму или правителю. Два двухкомнатных, более комфортабельных дома, как видно, предназначались для охраны и смотрителей. Остальные помещения не имеют никаких бытовых устройств — в них обнаружены заготовки для каменных поделок, штампы и другой производственный инвентарь.

Узкие комнаты-мастерские перекрывались сводами из кирпича-сырца. Следов пожара не обнаружено ни в одной из них.

Двухкомнатный дом (11 и 16), как уже упоминалось, имеет выход (1,10 м шириной) в коридор. Площадь комнаты 11—6,25×4,80 м. У ее порога уложены крупные куски шлака. Жилая часть комнаты отделена от входа тонкой (0,2 м) стеночкой таким образом, что образовался узкий коридор для входа и хозяйственных дел, а пространство комнаты, по-видимому, было освобождено для суфы и очага — обогревателя. Перегородка на повороте в комнату закреплена вертикальной опорой (остались угли). Напротив входа, у перегородки имеется хозяйственная яма (0,8×0,7 м), заполненная рыхлой землей и костями животных. Такая же яма (1,85×0,7 м) обнаружена в северо-западном углу. В ней находились — рыхлая земля, уголь, фрагменты керамики, а также сырцовый

кирпич. На торцовых сторонах ямы заметны следы упоров, предназначенных, как видно, для дощатой крышки. Перегородка скрывала от взгляда входящих внутренность комнаты, где вокруг обогревателя П-образно расположились широкие суфы размером 2,15, 1,04, 1,50 м и высотой 22—25 см. В южной стене у входа в комнату 16 вмазаны две вертикальные стойки диаметром 10—12 см, выступающие из плоскости стены. Плоскость пола несколько приподнята на подходе к комнате 16 и образует небольшой пандус. При входе у западной стены стоит суфа. Обогреватель представляет собой прямоугольную площадку, окруженную канавкой для золы и приподнятую на уровень суфы. Канавка для золы открыта в проходную часть комнаты. Дно канавки и пол находятся на одном уровне с тем, чтобы легче было выгребать золу.

На полу, под слоем угля и перекаленной земли, найдены трехгранный черешковый наконечник стрелы, обломки ножей, лепные горшки, плоская чаша в виде блюдечка со слабо выраженным дном, пузатенькая кружка с петлевидной ручкой, двухручные хумы. Чашка и кружка покрыты красным ангобом.

Из 11 комнаты в 16 ведет проем шириной 1,06 м. В стенах заметны вертикальные пазы диаметром 11—13 см для обвязки. Они заглублены на 5—7 см от уровня пола. На пороге, как и в комнате 11, уложен шлак. Над полом слой пожарища толщиной от 30 до 40 см.

У восточной стены комнаты расположены канавка, заполненная перекалившейся землей и угольками. Она, видно, предназначалась для установки четырех хумов. Один сравнительно целый, стоит в углу, а остальные представлены в обломках на полу и в канаве.

Пол — неровный. У порога найдено два фрагмента бирюзы с остатками породы и сфероконическая, прекрасно отшлифованная заготовка для печати или вставки из опаловидного оникса (высота 2,3 см, диаметр 2,5 см).

Комната 16, видимо, была хозяйственным помещением — кладовой, где хранились заготовки для ювелирных поделок. С запада с комнатой 11 граничат комнаты 18 и 20.

Комната 20 — трапециевидная в плане. Она имеет площадь 5,20 × 5,50 м. По ее южной, восточной и западной стенам расположились суфы. В юго-восточном и северо-восточном углах суфы имеют два очага. На западной суфе, занимающей всего 1,40 м по длине стены, стоит большой хум (диаметр его тулова 0,5 м). Торец суфы обрамлен кирпичом-сырцом. От торца до стены выложена на уровне пола цепочка из кирпичей того же размера. Посреди комнаты ближе к южной суфе расположено большое кострище. Возле северной стены — второй хум. На суфах найдены железные поделки — рукоятка кинжала, петля с заостренными отогнутыми концами-крючками, крюк с проушиной. Очень интересными в историко-культурном плане оказались следующие находки: бронзовое

кольцо с гнездом для камня и выступающим шпеньком-шариком⁹ и бронзовый штамп с негативным изображением Куверы с ритонем в руке. Возле него справа — кувшин, слева — мех с вином. Штамп диаметром 5,7 см, толщина диска — 5 мм. На обратной стороне в центре — плоская ручка-петля с отверстием для шнура. Изображение сделано глубоким рельефом.

Находки дополняет незначительное количество керамики — фрагменты хумов, круглодонный кухонный горшок без ручек и две маленькие медные, литые в форму, монетки с квадратными отверстиями. Помещение носит явно производственный характер. Возможно, что здесь работали мастера художественнойковки металла.

Комната 14 имеет площадь 4×3,5 м. В верхнем слое — кирпичный прямоугольник. В ней нет каких-либо бытовых устройств. У северной стены — пятно костра. На полу — обломки хумов, кухонной посуды, много крупных плоских галек.

Комната 14 имеет площадь 4×3,5 м. В верхнем слое — кирпичный завал. Над полом — фрагменты керамики — хумов, пузатых чашек, кубка на короткой ножке с широким, но мелким резервуаром. По форме он похож на кубки из Кафыр-калы и на кубки с росписей Балалык-тепе.

На полу найдена медная позолоченная застежка в виде сердцевидной розетки с завитками. На ее широкой стороне — круглые петли для штифта, на обратной — крючки для закрепления на ткань или кожу.

В южной части обнаружено большое количество известняковой гальки и золы. Там же найден железный скобель.

В северо-восточном углу квартала второй дом состоит из двух комнат (12 и 45). Комната 12 — 4,40 × 4 м. Она соединяется проемом с комнатой 45. Ее жилая часть изолирована от входа перегородкой. По периметру комнаты расположены суфы-лежанки. На суфе в северо-западном углу обнаружена круглая плоская печать из розово-желтой глины (ее диаметр — 2,8, 2,5 м, толщина — 0,7 см) с отверстием для шнура. На лицевой стороне печати выгравированы изображения, расположенные симметрично.

Центром композиции является условное изображение дерева: кружочек и палочка, по обе стороны которых два скорпиона с поднятыми хвостами (?). Над кроной — треугольники и насечки, расположенные по окружности.

---

⁹ Такие же кольца с шариками-выступами изображены на руках участников пиршества в росписях Балалык-тепе; см. Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 149, рис. 115, 116, 117, 119, 120; А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пянджикента, МИА, вып. 66, М.—Л., 1958, стр. 135—136.

В углублениях рисунка заметны следы коричневого ангоба. Такие печати археологи обнаруживали во многих районах Средней Азии¹⁰.

Суфы и пол покрывает большое количество угля от балок перекрытий. Пол комнаты имеет уклон к проему, ведущему в помещение 45.

Комната 45 — прямоугольная в плане (2,90 × 7 м). У ее восточной стены — суфа шириной 0,8 м, сложенная из кирпича-сырца размером 25 × 50 см. Высота суфы — 50—70 см. С юга к этим помещениям примыкает большая комната (46) 4 × 4,80 м, заполненная плотным завалом. В ней, как и в других, (10, 39) отмечаются два периода обживания, разделенные метровым слоем завала. В первый период (до арабского завоевания), видимо, функционировало подземное помещение. Лестница из пяти ступеней, ведущая в него, расположена у северной стены. Над лестницей — сводик из сырца. Он сохранился только у входа в камеру.

В юго-западном углу комнаты 46, на низенькой суфе вкопан широкогорлый двуручный горшок. Диаметр его устья — 65 см. Здесь же обнаружено большое количество хумов, хумчей и кружек. Скорее всего, в этой комнате заготавливались молочные продукты, которые хранились в подземной камере.

С юга стена комнаты имеет значительное утолщение, возможно, для лестницы, ведущей на второй этаж. К ней примыкают еще два смежных помещения (49 и 50). Их площадь: 4,5 × 3,5; 3 × 5 м.

В комнате 50 имеется двухъярусная суфа, занимающая ее северную часть. Общая суфа имеет высоту — 15 см, а над ней у восточной стены размещена вторая узкая суфа высотой 9 см. У южного края широкой суфы имеется два очага. У северной стены на суфе вкопаны два хума. Над полом и суфой — слой сгоревшего настила из камыша и дерева, перекрытый завалом из сырца. На полу найдены шлак, кусок стекла в виде параллелепипеда, монетка с квадратным отверстием.

Комната 49 имеет площадь 5,30 × 3 м. У восточной и южной стены помещаются суфы шириной 0,7 м. В северо-восточном углу находится повышенная квадратная площадка (1,25 × 1,15 м) высотой 20 см. На ее поверхности заметны слаборельефные полукружия, здесь же сложены куски штукатурки с рельефными лепестками лотоса. Вероятно, это был домашний алтарь с моленной для ремесленников квартала.

Комната 17 — узкий не совсем правильный прямоугольник, его площадь — 3 × 6 м. Она заполнена плотным кирпичным завалом. Каким-либо бытовых устройств в ней не отмечено. Над полом ряд находок: зер-

¹⁰ Г. В. Григорьев. Краткий отчет Янгиюльской археологической экспедиции 1937 г., Ташкент, 1940, стр. 10—11, рис. 58; А. А. Росляков. Глиняная печать из селения Изгант, Труды ЮТАКЭ, т. V, Ашхабад, 1955, стр. 104—107; В. И. Вайнберг, Л. М. Левина. Поселение Ак-тубе 2, гл. I (из монографии А. Г. Максимовой, М. С. Мершиевой, Б. И. Вайнберг, Л. М. Левинной. «Древности Чардары», Алма-Ата, Изд-во «Наука» КазССР, 1968, стр. 68, табл. 29, рис. 27).

нотерки, лепной светильник в виде плоской чашечки с носиком, фрагменты хумов и кухонных горшков, медная монетка с квадратным отверстием, штамп для керамики в виде узкого цилиндра из глины с перехватом. На одном его торце множество отверстий глубиной 0,5 см.

Комната 23 — узкое прямоугольное помещение площадью 6,5 × 2,25 м без бытовых устройств. Здесь найдены фрагменты хумов, кувшины и кувшинчики для воды или масла.

У восточной стены — повышенная глинобитная площадка, на ней гальки — заготовки для пряслиц, оселок, маленький горшочек, рог, плоский камень-наковаленка, жернов, видимо, для шлифовки, гальки, на которых уже намечены места для сверления отверстий, готовые каменные пряслица. Возможно, в этой комнате точили пряслица из камня или из боковых стенок сосудов.

Комната 19 площадью 2,70 × 6,30 м имеет Г-образную форму. В ее северной части у восточной стены находится суфа из сырцового кирпича. Почти в середине комнаты — следы кострища. Над полом масса фрагментов от боковых стенок хумов, кувшинов для воды, плоских чаш. Там же найдены рукоять кинжала с бронзовой инкрустацией и литая медная монета хорошей сохранности с квадратным отверстием. На ее лицевой стороне надпись и тамга.

Комната 40 — квадратная в плане (3 × 3 м). В ней плотный кирпичный завал до самого пола. Над полом найдено несколько больших и маленьких кувшинов, плоская чаша и две медные монетки с квадратными отверстиями.

Комната 25 имеет площадь 3 × 7 м. В ней нет находок. Над полом фрагменты лепной кухонной керамики.

Комната 26 — узкий и длинный прямоугольник площадью 3 × 8,5 м. Здесь также нет находок, исключение составляют фрагменты стенок хума и одна монета с квадратным отверстием. Проем у западной стены (ширина 1,2 м) соединяет эту комнату с помещением 26-а площадью 2 × 5,5 м. В юго-восточном углу — высокая глинобитная суфа — столик и очаг. Над полом фрагменты толстостенной керамики. Помещения квартала 2, судя по уровню полов, расположены значительно ниже квартала 1 и квартала 3 и ниже уровня улиц, примыкающих к нему. Видимо, этот квартал имел какое-то специальное назначение.

Квартал 3 (его площадь 360 м²) расположен на юго-западном склоне холма. Он отделен от квартала 2 западной улицей с гравийным покрытием. Другая улица — южная, отделяет его от квартала 4. В этом квартале три дома с наружным выходом и большой айван на южном склоне холма.

Четко читаются планировочно обособленные дома. Один из них объединяет три комнаты (27, 28, 29). Вход в этот дом с южной улочки. Здесь, вопреки уже привычному приему изоляции жилого пространства, входная

часть непосредственно открывается в комнату (4,80 × 6,20 м). Однако дверные проемы расположены так, что жилая часть не является проходной. Почти все это пространство занимают двухъярусные широкие суфы (ширина их: 1,12, 1,08, 1 м), обрамляющие буквой «П» обогреватель. Четыре столба-опоры перекрытия — расположены симметрично. Гнезда столбов заполнены углем. Сечение столбов: 41×50, 43×43, 48×49, 50×45 см. В основании столбов — булыжники. Обогреватель (1,09 × 0,99 м) отделен от суф проходом до 0,5 м ширины. Южная сторона обогревателя имеет овальную выемку и выступы-рога. Здесь обнаружен кухонный горшок и большое количество золы. В проходной части у южной стены небольшой «стол» (его длина 1,12, ширина 0,43 м). Возле него на полу найден необычный сфероконический сосуд с двумя ножками, ручкой и щелью на боковых плоскостях, с трапециевидным отверстием в донной части и круглым — на вершине (диаметр 18 см, высота 31 см). Его утилитарное назначение выявилось при сопоставлении с уже известными этнографическими данными. Этнограф Е. М. Пещерева, которой была показана фотография сосуда, сообщила нам, что это мышеловка-западня. Еще в 1925 г. она передала в музей истории АН УзССР подобную же мышеловку, сделанную из дерева, обнаруженную в горных районах Таджикистана. Находка такого рода не единична. Например, в 1962 г. в Сурхандарьинском районе при раскопках городища Караул-тепе Л. И. Альбаум также нашел мышеловку, аналогичную этой. По комплексу находок она датируется XI—XII вв. По описанию Е. М. Пещеревой в мышеловку клалась приманка, привязанная к веревочке, которая была протянута из данного отверстия к ручке, где удерживала на весу с помощью палочки дверку-задвижку. Мышь или крыса, съев приманку, освобождала веревочку, дверь-задвижка падала и грызун оказывался в западне¹¹. Мышеловки из дерева, сделанные по этому принципу, до сих пор употребляются в Фергане.

Так необходимость сохранять продукты питания вызвала к жизни уже в древности, как показывает наша находка, целый ряд остроумных приспособлений.

В этой комнате на суфах и полу расчищено большое количество обуглившихся жердей и балок перекрытия сечением 10—16 см.

С юга к парадной комнате дома примыкают еще две узкие комнаты, оборудованные суфами из кирпича-сырца, расположенными П-образно по длинным стенам. Площадь их значительно меньшая. Комната 28 имеет площадь — 2,80 × 6 м, комната 29 — 2,30 × 5 м. Видимо, они были

---

¹¹ Мы пользуемся случаем, чтобы поблагодарить Е. М. Пещереву за любезное содействие в определении находки. Подробное описание мышеловок см. в статье А. Р. Мухамеджанова «Водоизмерительные сосуды», ИМКУз, вып. 6, Ташкент, стр. 110—111.

предназначены для отдыха и сна. В комнате 28, правда, имеется хозяйственная яма и отдельный «столик» из кирпича-сырца. Следовательно, функциональное назначение этой комнаты может быть истолковано несколько шире.

С юга к дому примыкает глубокий айван (31). Его площадь — $6,20 \times 6,50$ м. Он имеет две антовые стены и тонкую перегородку — ограждение с южной стороны, с выходом на склон холма. В северной части айвана — две широкие ступени — суфы. На суфах найдены фрагменты хумов, чаши с канелюрованной поверхностью и лепная чаша, украшенная резным и штампованным орнаментом.

Северо-западный угол квартала 3 занимает второй дом, состоящий из трех комнат (30, 36 и 37). Комната 30 скорее всего была прихожей. Ее размер с нишей — $1,30 \times 6,80$ м. От западной улочки ее отделяют дверной проем с деревянным порогом. Из тамбура в комнату 36 ведет дверной проем шириной в 1 м, также с деревянным порогом. Трудно сейчас установить площадь комнаты, так как западная ее часть смыта. Ширина комнаты — 3,50 м. У восточной стены неподалеку от входа — очаг с площадкой и местом для посуды. В очаге — зола. В западной части комнаты — остатки суфы. На площадке очага обнаружена донная часть сосуда из какого-то мягкого материала (кошмы или кожи). На его дне обуглившиеся зерна и семена какого-то плода. Возле суфы и на ней — кружка, кувшин для воды, лепной горшок, чаша, покрытая красным ангобом, на дне которой сохранилась яичная скорлупа. Над полом — слой угля от балок и жердей перекрытия.

В комнате 37 прослежена ширина (2,20 м). Западная ее часть смыта. Пол и суфы изрезаны впускными погребениями, так же как и западная часть комнаты 36. Остаток суфы расчищен с северной стороны.

Юго-западный угол квартала 3 занят домом, состоящим из двух комнат (38 и 39). Комната 38 площадью $2,80 \times 4,30$ м расположена на крутом склоне. С восточной и северной стороны ее окружают узкие коридоры (ширина восточного коридора 1 м, ширина западного — 2 м). Западный коридор мог быть и узкой комнатой. Ее южный торец разрушен. В северной стене — дверной проем шириной 0,9 м. У восточной стены помещена широкая суфа, переходящая у южной стены в узкую. Суфы как бы образуют подкову вокруг обогревателя. Последний представляет собой продолговатый, приподнятый над полом прямоугольник с овальным углублением для горячих углей. На суфе и полу — слой угля от перекрытия и обожженной земли, керамика в фрагментах (хумы, чаши, кувшины). С юга к комнате 38 примыкает узкая ступень, которая могла быть цоколем здания или суфой из соседней комнаты. В этом месте все смыто, но стена восточного коридора продолжается на юг еще на 2 м и обрывается. Можно предположить наличие помещения, соседствующего с юга с комнатой 38. Западная стена комнаты 38, она же внешняя стена кварта-

ла, прослеживается на склоне. Ее ширина 2 м. Северный коридор заканчивается проемом, выходящим на крутой склон холма.

Комната 39 имеет площадь 5×7 м. Она расположена за северным коридором и граничит с комнатами 37 и 30. У нее есть выход — восточный коридор. Этот коридор изолирован от дома дверью. Выступ стены отмечает место дверного проема.

Квартал 4 (площадь 210 м^2) находится на южной окраине холма и ограничен с западной и восточной стороны улицами шириной от 1 до 1,50 м. В этом квартале один дом имеет три комнаты (32, 33, 34) и глубокий айван, расположенный на склоне холма. Западная стена квартала 4 — глухая и имеет два внешних выступа, обозначающих, очевидно, места калиток. Вход в дом с востока. Входной проем шириной 1,50 м имеет остатки деревянного порога сечением 30 см. Комната продолговатая, ее размер — $2,50 \times 5$ м. В северо-западном углу обнаружена глинобитная лестенка, ведущая на второй этаж, из 5 ступенек с площадочкой. Над полом — слой угля и обожженной земли. В нем найдены фрагменты хумов, кувшинов для воды, кухонной посуды, жернова, каменные прясла и сурьматаш. Пол имеет уклон к северу. Дверной проем в юго-западном углу шириной 1,40 м ведет в тамбур, отделяющий комнату 32. В тамбуре вскрыты две хозяйственные ямы (одна из них — в нише), заполненные углем, скорее всего от сгоревших деревянных крышек. Из тамбура проем шириной 1 м ведет в комнату 32. Ее площадь 5×8 м, включая и проходную часть. Жилая часть комнаты обособлена и обрамлена широкой суфой в виде буквы П. На северной суфе расчищена продолговатая яма с прокаленными краями. На полу комнаты симметрично расположены четыре гнезда для опор перекрытия, заполненные трухой от сгнившего дерева и угольками. В центре жилой части — обогреватель. Его верхняя площадка прокалена.

Из комнаты 32 дверной проем ведет в очень узкую комнату — 34. Ее размеры — $11,40 \times 3,40$ м. Над полом — слой обожженной земли, где обнаружено большое количество фрагментов хумов. Видимо, эта комната имела хозяйственное назначение. Айван обособлен и обращен своей открытой частью к южному склону. Его площадь — $5,20 \times 6$ м. По оси южной части расположена трехступенчатая лестенка, ведущая на склон. Широкие суфы (1,55 м) буквой Г разместились у северной и западной стен. С юга к ним примыкает узенькая суфа. В западной части комнаты зафиксированы два гнезда опор с остатками плах и подстилающего булыжника, между ними — тщательно сделанный обогреватель. Его площадка на 4 см выше уровня пола и представляет собой узкую трапецию (длина оснований — 66 и 56 см, длинных сторон — 114 см). По оси располагается овальное углубление, заполненное золой. Бортики длинных сторон обогревателя декорированы двумя параллельными линиями, проведенными пальцами по сырой глине. Такими же линиями отмечены два угла

по диагонали. Восточная часть комнаты имеет уклон. Над полом — слой угля и прокаленной земли. На северной суфе помещен большой хум, таковой же хум найден в юго-восточном углу комнаты. Возле обогревателя на полу лежали два лепных горшка и три кувшина для воды.

Квартал 5 имеет площадь 380 м². Он примыкает к юго-восточному углу площади. От квартала 4 его отделяет короткая улочка. Ширина южной стены квартала 4 м. Она выходит на склон холма. В квартале — девять помещений, составляющих три дома — четырехкомнатный, двухкомнатный и однокомнатный с самостоятельными выходами на улицу или площадь.

В составе четырехкомнатного дома помещения 43, 51, 52, 54. Вход в дом с севера. Площадка, окружающая дом, выше уровня пола на 0,7 м. Сообщение с улицей осуществлялось с помощью лесенки из четырех ступеней, которая ведет в длинную комнату (51). В ней у западной стены обнаружена суфа с обломками кувшина и хума, а в северном конце — места, где были вкопаны два хума. С восточной стороны в эту комнату-прихожую выходят проемы трех комнат (52, 53, 54). Одна из них (52) почти квадратная с П-образной суфой вдоль стен и обогревателем на свободной площади пола. Расчищены 4 гнезда для опор перекрытия, расположенных в центральной части комнаты. В северо-восточном углу вкопан хум. Жилую часть комнаты от входа отделяет тонкая перегородка. К этой комнате с двух сторон примыкают узкие хозяйственные помещения — с юга хум-хона с семью хумами, стоящими на полу и на повышенной суфе в торце комнаты (эта часть несколько расширена), с севера — комнатка с двумя суфами и несколькими очагами. Здесь отмечается большое скопление керамики. Возможно, что это было хранилище ремесленника-гончара.

Совершенно уникальна находка скульптуры камерного плана — женская фигурка (сохранившаяся высота ее 15 см), затаенная в плотно облегающее платье с отворотом на груди. На спину и грудь спускаются по две тугозаплетенные косы. По низу скульптуру завершают два крылатых льва, выполненных в горельефе. Львиные головки сделаны уверенной рукой и подправлены ножом. Распахнутые крылья смыкаются попарно и образуют завитки-волути по бокам женской фигуры. Верхняя часть фигурки утрачена.

Ближайшие аналогии ведут нас к находкам Пянджикента — деревянная скульптура и росписи, где мы находим и женские персонажи, одетые в плотнооблегающие бешметы с прической в четыре косы (экспозиция Эрмитажа, отдел Востока, зал 37), скульптура богини на льве с символами луны и солнца в поднятых руках (экспозиция Эрмитажа, отдел Востока, зал 35, шкаф 10). Возможно, что и кувинская фигурка была таковой же богиней с дисками луны и солнца в руках и с крылатыми львами

у подножья¹². Изображение льва среди кубинских находок не единично, мы встречали штампы-розетки и налепы морды зверя на сосудах различного хозяйственного назначения.

Находка богини со львами дает основание предполагать весьма важное значение этого образа для коренного населения Кубы, которое, очевидно, не довольствовалось официальной религией, а предпочитало на своем домашнем алтаре иметь привычные местные божества. Надо сказать, что эта фигурка является незаурядным произведением прикладного искусства.

Особо следует отметить находку «сипая» (прокладка-трехножка, применяющаяся при обжиге посуды). Эта деталь печного припаса до сих пор была известна в гончарном ремесле периода развитого средневековья. Наша находка в совокупности с другим инструментарием (наковаленка, штамп) свидетельствует о высоком уровне развития гончарного ремесла в Кубе VII в. Технология гончарного производства была так отработана, что почти без изменений дожила не только до развитого средневековья, но и вплоть до XIX в.

С западной стороны к коридору коленчатым переходом примыкает комната 43. Ее площадь $3 \times 4,3$ м. Находясь на более высоком уровне, она соединяется с комнатой-прихожей лесенкой. Этот дом один из вариантов комбинации главной комнаты с перекрытием на столбах, с двумя или тремя узкими второстепенными помещениями.

К западной же стороне примыкают однокомнатный дом (42) с выходом на площадь и комната 41 без проема, сообщавшаяся, очевидно, только со вторым этажом.

С севера к стенам квартала примыкает площадка шириной 3—3,5 м, на которую выходит лесенка четырехкомнатного дома. От края площадки на север идет дорожка (?), мощеная крупным булыжником.

У северо-восточного угла квартала 5 на одном уровне с площадкой зафиксированы два помещения (53 и 56), объединенные общим проемом. Одно из них — хум-хона. В ней у южной стенки на суфе вкюпано 4 хума. Второе — жилая комната с суфой и очагом. В восточной стене наметился проем. К сожалению, сохранность стен настолько плоха, что план улавливался по разнице цвета обгоревшего пола и остатков стен, сохранившихся на высоту от 1,5 до 3 см.

Квартал 6 площадью 800 м² расположен к востоку от кварталов 1 и 2 и отделен от них узенькой улочкой шириной 2,40 м. Он имеет Г-образную конфигурацию, так как площадь, граничащая с кварталом 5, осталась «белым пятном» в связи с полным разрушением стен и полов помещений.

---

¹² На возможность такой аналогии обратил внимание канд. ист. наук Б. И. Маршак.

В квартале насчитывается двадцать одно помещение, составившее 4 трехкомнатных дома, один двухкомнатный, два однокомнатных. Пять помещений имели замкнутый контур и доступ к ним осуществлялся, видимо, со второго этажа. Они были хозяйственного (76, 77) и производственного (75) назначения.

Трехкомнатный дом 1 состоит из помещений 57, 58, 59. Его южная стена выходит на площадь. Коридорообразное помещение 57 граничит с улицей, имея в южном торце дверной проем, а в северном — лесенку, ведущую на второй этаж.

Дверные проемы комнат 58 и 59 выходят в коридор. В комнате 57 (6×1,50 м) у входа с южной стороны имеется пристенный очаг, а с восточной — небольшая суфа. В проеме обнаружены трапециевидные кирпичи размером 24×26×10 и 35×24×10 см, очевидно упавшие из замка входной арки. В нижней части проема расчищен порог и остатки дверной рамы. В комнате 58 (3,5×4 м) П-образно расположились суфы, уширенные с северной части и изолированные от входа тонкой стеночкой. Между суфами помешалась переносная жаровня-обогреватель, фрагменты которой были найдены в завале на полу. Комната 59 не имела никаких бытовых устройств, кроме лесенки на второй этаж. Ее площадь — 4,5 × 3,3 м.

В комнате 57 у очага обнаружены фрагменты бытовой керамики, лезвие медного ножа и ступка из мелкозернистого серого гранита; в комнате 58 — фрагменты кувшина для воды, тонкостенной пиалы, покрытой красным ангобом, и лепной жаровни; в комнате 59 — ганчевый диск диаметром 22 см, толщиной 5 см, крышка для хума или очага.

Дом 2, состоящий из помещений 61, 62, 63, имел вход с улицы через комнату 62. Комната 62 (4,5 × 4 м) носила хозяйственное назначение. В ней было найдено большое количество бытовой керамики (хум, кувшин для воды, плоское пряслице), костей домашних животных (барана, коровы), основание рогов архара со следами обработки, коровье ребро с проточенными зубчиками (возможно, оно употреблялось при тканье для подбивки утка), верхний диск жернова диаметром 40 см. Здесь же найдено донце сосуда с выштампованной квадратной розеткой, где в рамке из перлов расположена растительная композиция.

Слой над полом состоит из гумусированного пылевидного грунта (так же как и под полом). К комнате 62 с южной стороны примыкает комната 61. В ее восточной части фиксируется мусорная яма с четким краем. В комнате найдена бытовая керамика (хум, два кувшина для воды, две кружки с петлевидными ручками, две тонкостенные красноангобированные чаши-пиалы, три лепных кухонных горшка). С северной стороны к ней примыкает комната 63. Это парадная комната дома. Ее западная часть, где находятся суфы с площадкой для жаровни, сильно повышена, образуя как бы эстраду. В восточной стене имеется проем (?),

ведущий в маленькую кладовку 76 (3 × 3 м), где обнаружены хумы с зерном (на дне одного из хумов сохранились обгоревшие зерна проса), кувшины, предназначенные для масла и вина, корчаги для молочных продуктов. На полу комнаты 63 и в завале над ним найдены четыре больших и два маленьких хума, четыре кувшина для воды, два горшочка и две гальки-крышки. Но самой интересной находкой из этого дома была объемная скульптурка верблюда из обожженной глины. Полное тулово фигурки заготовлено на гончарном круге и обработано окончательно вручную. Верблюд встречается и в качестве трона на росписях Варахши и Пянджикента. На пянджикентских росписях царь не только сидит на верблюде, но и держит в руках маленькую фигурку этого животного. Судя по всему, и кувинская скульптура не только образец мелкой пластики, но и объект местных религиозных культов.

Эта находка опять заставляет нас обратиться к Пянджикенту, где мы встречали изображения героев эпоса, сопровождаемых богами-покровителями — крылатыми львами, баранами, птицами, верблюдами. Верблюд встречается и в качестве трона на росписях Варахши и Пянджикента. На пянджикентских росписях царь не только сидит на верблюде, но и держит в руках маленькую фигурку этого животного. Судя по всему, и кувинская скульптура не только образец мелкой пластики, но и объект местных религиозных культов.

Дом 3—трехкомнатный (комнаты 68, 69, 70). Между комнатами 68 и 70 находится парадная комната 69 (4,5 × 6,5 м). Почти половину ее площади занимает суфа, отделенная тонкой стеночкой с запада от входной части и открытая широкой стороной ко всему пространству комнаты. Перед суфой на полу — гнездо опорного столба (?) диаметром 21 см. В гнезде лежит камень для гидроизоляции. На суфе — углубленный прямоугольный очаг с канавкой, протянувшейся до внешнего края суфы. У южной стены напротив суфы обнаружен хум.

Комната 68 (6,5 × 5 м) представляет собой коридор с пристенным очагом в северной стене, там же расчищен и входной проем, ведущий на улицу.

Комната 70 (8 × 2,7 м) не имеет четко выраженного функционального назначения. Возможно, что она совмещала функции жилья и хранилища. Инвентарь во всех комнатах довольно скудный. Так, в комнате 68 обнаружено два хума, жернов диаметром 35 см, точильные бруски, булыги—очажные подставки, два кувшина для воды. В комнате 70 два хума, одна хумча, лепной кухонный горшок, две кружки, три кувшина для воды, два широкогорлых горшка, один из них двуручный.

Трехкомнатный дом 4 (67, 72, 74) выделяется в квартале 6 своей четкой организацией пространства. Вход с юга через коридор 67. В этой же части вход и в комнату 70. Таким образом, вся площадь комнаты была свободна от движения и использовалась очень рационально как хозяйст-

венная. В глубине ее на приподнятой площадке стояли два хума диаметром 53 см (сохранились их донные части). Там же обнаружены напольные очаги, сломанная зернотерка. Возможно, что эта часть дома отделялась легкой перегородкой от входной. На расстоянии 4,35 м от северной стены расчищена поперечная канавка: гнездо порога или нижней обвязки каркаса. Ширина канавки — 12 см. Она заполнена землей и углями от сгоревшего дерева. У входа — хозяйственная яма диаметром 73 см и глубиной 1,15 м, в верхней части которой находились спекшаяся земля и угли. Ниже, в рыхлом слое были найдены фрагменты горловины кувшина для воды. На полу комнаты много разбитой керамики: кувшины для воды, хумча, кружка. В завале у входа обнаружен очень интересный налест на сосуде — выштампованная головка усатого мужчины с приплюснутым носом и удлиненными глазами. На его голове — повязка.

Вся площадь была покрыта слоем угля и прокаленной земли, что свидетельствует о наличии перегородок, а может быть и деревянного перекрытия, хотя обычно такие узкие помещения перекрывались сводами.

Комната 72 (3,2 × 4 м) отделена от входного коридора тонкой перегородкой. Ее изолированная часть занята расположенными по периметру широкими суфами. В промежутке между ними находится площадка обогревателя с овальным углублением. На южной суфе обнаружено идеально круглое углубление в 16 см, заполненное чистой золой. Пространство над полом и суфами состоит из обуглившихся жердей наката перекрытия сечением от 5 до 12 см. В северо-восточном углу их было особенно много (сохранившаяся длина — от 60 до 100 см). В этой комнате найдено большое количество бытовой керамики: хум, хумча, широкогорлый горшок, конические пряслица, плоские гальки диаметром до 20 см, по-видимому служившие крышками для сосудов. На обогревателе стоял двуручный кувшинчик, а в ровике возле него обнаружены тюркосогдийская медная монета и подвесное точило из серо-зеленого камня. Узкий проход мимо суф ведет в жилую комнату 71, перекрытую сводом (площадь 4,2 × 1,25 м). В завале на полу были найдены хум, миниатюрный кувшинчик с ручкой, плоские пряслица, две пузатые кружки с петлевидными ручками и красноангобированная чаша-пиала. В этом же квартале есть и двухкомнатные дома. Так, комнаты 66 и 77 составляют единый комплекс. Центральной является комната 66, а 77, видимо, выполняла роль кладовой (хум-хона). В этом случае логично предположить наличие дополнительных комнат на втором этаже для членов семьи. В комнате 66 (5 × 5 м) в ее северо-восточном углу расположена суфа высотой 37 см, занимающая практически всю комнату. Возле нее с двух сторон оставлен проход шириной 1,10 м. Пол имеет заметный уклон к югу, по-видимому для того, чтобы обеспечить сообщение с комнатой 77, находящейся значительно ниже. Западная стена обработана широкими плоскими пилястрами. В северо-западном углу комнаты находится парадно оформленный

пристенный очаг с ступенчатым ограждением. Последняя ступень завершается глиняным шаром. В северо-восточном углу в стену врезана лесенка, ведущая на второй этаж.

Завал в помещении состоит из пахсы, обгоревшей земли, угля от перекрытия и золы от камыша и соломы. В очажной нише обнаружены широкогорлый лепной горшок и кувшин для воды, на полу и суфе найдены два хума, три больших и один маленький кувшин для воды, две кружки, верхний диск жернова диаметром 35 см, две плоских гальки-крышки диаметром 17—20 см, подвеска из пестрого черно-голубого камня.

Комнату 77 (3,3 × 3 м) заполняет завал пахсы. Слой над полом составляет зола от пожара. На полу сохранились донные части трех больших хумов диаметром 32—36 см и осколки хумчи.

Комната 75 (4,3 × 5 м) носит явно производственный характер. В ее юго-восточном углу расположена Г-образная суфа, а в северо-западном — расчищены четко оконтуренные круглые ямы, наполненные золой. Возможно, что это остатки от гончарных печей. На полу, засыпанном углем от наката перекрытия, найдено два хума, жернов и фрагменты чашечки и кружки со следами красного ангоба.

На восточном краю квартала (край жилого комплекса) расположены комнаты 73 и 71. Комната 73 (6,5 × 4,5 м) имеет прямоугольные очертания. У ее западной стены находится широкая П-образная суфа с эстрадой и очагом в центре. Парадность планировки не оставляет сомнений в том, что это михмон-хона. Ее перекрытие составляет плоский деревянный накат на двух опорах. На полу, в слое угля, обнаружена масса бытовой керамики, покрытой красным ангобом: чаши, кувшины, хумы, две тюркосогдийские монеты с квадратными отверстиями. Дверного проема не обнаружено. Возможно, комната сообщалась со вторым этажом, где находились помещения для членов семьи.

Вся площадь комнаты 71 (4 × 2,3 м) была заполнена пахсой и только над полом в слое пожара обнаружена керамика: хумы, хумча, кувшин для воды, кружка с ручкой, кувшинчик с энохоеподобным сливом. Но самая интересная находка — двусторонний гончарный штамп в виде столбика со сквозным поперечным отверстием для шнура. На одной его стороне — круглая розетка из перлов, на другой — квадратная. Вероятнее всего, и в этой комнате жил мастер-гончар. Дверной проем соединяет комнату с узким коридорчиком, откуда по глинобитной лесенке можно было подняться в жилые комнаты на втором этаже.

Край квартала 6 является границей храмовой площадки.

Кроме шести кварталов, были вскрыты 5 улиц и площадь. Но улицы, в прямом смысле этого слова, могут быть названы только западная — продолжение дороги-дамбы и северная — тупиковая. Остальные же поделены калитками на отсеки и загромождены тандырами, лестницами, зернотерками, хозяйственными ямами. Кроме того они имеют по 2—3 пе-

репада уровней, отражая естественный уклон холма. По-видимому, эти улочки становились проходимыми только в случае острой необходимости, а в остальное время использовались как подсобная площадь для смежных домов. Возможно, это деление на отсеки предусматривало контроль за входами в поселение и обеспечивало безопасность горожан. Улицы, какие бы они ни были узенькие и коротенькие, четко определяли границы плотно застроенных кварталов. Насколько можно судить по имеющимся данным, дома вскрытых кварталов носили жилой характер с явными профессиональными признаками. Здесь жили и трудились гончары, ювелиры, ткачи, камнерезы и т. д. Только в квартале 2 мы, видимо, имеем дело со специальным комплексом мастерских.

Но мы не можем говорить об архитектуре кварталов, ибо сохранность объектов очень плохая (на 0,7—1,5 м в высоту). Однако с большой долей уверенности можно судить о наличии в домах кувинского поселения второго этажа. На это указывают утолщения стен, вплоть до создания площадок, и довольно многочисленные глинобитные лесенки в комнатах и на улицах. В синхронном нашему комплексу Пянджикенте сохранность домов лучшая и там удалось исследовать вторые этажи с их планировкой и ведущие к ним пандусы и лестницы¹³.

В планировке всех исследуемых домов отмечаются единые, видимо, уже привычные приемы. Так, заметно стремление к планировочному обособлению центральной комнаты дома (15, 27, 32, 52). Это достигается с помощью перегородок, которыми отделяют жилую часть комнаты с суфами от входной (11, 32, 52)¹⁴.

Центральные комнаты обычно подквадратные в плане с деревянным перекрытием, на колоннах или столбах. Суфы и обогреватели покрыты глиносаманной штукатуркой. Иногда оштукатурены и стены помещения (35, 38). Заметно стремление подчеркнуть особое назначение помещения. Это напоминает приемы архитектурного и планировочного выделения михмон-хоны в жилых домах Ферганы в XVIII—XIX вв.

¹³ А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пянджикента, МИА, 66, М.—Л., 1958, стр. 113—123; В. Л. Воронина. Архитектурные памятники древнего Пянджикента, Труды ТАЭ, т. 2, МИА, 37, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 115; А. М. Беленицкий. Древний Пянджикент — раннефеодальный город Средней Азии (доклад, представленный на соискание ученой степени доктора исторических наук), Л., 1967, стр. 12—13.

¹⁴ Многочисленные примеры такого рода планировочных приемов дают города, поселения и замки Согда, Усрушаны, Хорезма. См., С. Негматов, Т. И. Зеймаль. Усрушанский замок в Шахристане, СА, 1959, № 2, стр. 207 (план); Е. Ф. Неразик. Раскопки в Беркут-Калинском оазисе в 1953—1956 гг., Материалы ХЭ, вып. 1, 1959, стр. 102, 115; Г. В. Шишкина. Замок Бал-Асия в окрестностях Пайкенда, ИМКУ, вып. 4, Ташкент, 1963, стр. 90 (рис. 3, план); В. Л. Воронина. Городище древнего Пянджикента, как источник для истории зодчества, МИА, 66 (раздел жилые сооружения); В. А. Нильсон. Архитектура Средней Азии V—VIII вв., Ташкент, Изд-во «Наука», 1966, стр. 142, рис. 50, стр. 174, рис. 66.

Вокруг центральной комнаты в кувинском поселении группируется от одного до трех жилых и хозяйственных помещений, перекрытых сводами.

Нам удалось выделить пять вариантов планировки жилых домов. Их объединяет продуманная организация пространства, явное стремление к типизации. Это обстоятельство позволяет предположить наличие специалиста-строителя, а может быть, и архитектора, руководившего застройкой поселения.

В процессе раскопок была вскрыта западная внешняя стена комплекса. Ширина ее достигает в основном 2 м. Абрис стены изломанный, особенно при подходе к пандусу — здесь она образует как бы карман шириной 8 м и глубиной 3 м, с пилястрой по центру.

Возле комнаты 16 внешняя стена прерывается пилястрами и выступами пандуса и лестницы, вынесенных наружу. Ширина лестницы 2,5 м, пандуса 1 м. Поверху их объединяет узкая площадка с ограждением из кирпича-сырца, сделанная за счет толщины стены. Трудно сказать, что соединяла эта лестница и как на нее попадали из внутреннего помещения, так как северная линия фасадов полностью разрушена.

На широкий (16 м) центральный пандус выходит «гравийная» улочка (запад-восток). К югу от пандуса стена образует отсвную линию неприступного массива с проемом из коридора. Восточная внешняя стена квартала — глухая и является границей площади возле храма. Только улица, выходящая на площадь, прерывает эту стену.

Как уже упоминалось, гибель жилого комплекса и храма была одновременной. Храм более не возрождался к жизни, а в поселении наблюдались признаки частичного обживания с использованием остатков стен первого и, вероятно, второго этажей. Новые поселенцы разравнивали завалы, а стены, в некоторых случаях, выкладывались заново. Например, в улочке-коридоре (10) новая стена была выложена так, что закрывала полностью лесенку и стояла на завале. Такая же картина наблюдалась в комнатах 36 и 37. Новый уровень пола здесь поднялся на 0,75 м. Но судя по всему, это обживание было кратковременным и не отделялось большим промежутком от основного периода жизни поселения.

Поселение VII в. в предместье Кубы состояло из плотно застроенных кварталов, разделенных узкими улочками. Каждый квартал представлял собой единый массив застройки, в который входили жилые дома и отдельные помещения производственного характера, объединенные общей внешней стеной. Плотность застройки была стопроцентной. Свободного пространства — дворики, огородов — внутри квартала (как показали раскопы) не было.

Последнее поселение в миниатюре повторяет существовавшие в средние века принципы застройки городских кварталов и дает достаточно ясное представление о развитом типе жилого дома. Эти факты позволяют

сделать вывод о наличии на территории Ферганы сложившихся традиций в градостроительной и планировочной практике раннего средневековья.

Общий обзор находок. Обращаясь к описанию археологического материала, следует прежде всего определить стратиграфию культурных наслоений над жилым комплексом. В верхних слоях — это уплотнившиеся груды разрушенного кирпича-сырца, где встречаются впускные погребения в кирпичных ящиках. Над полом помещений, там, где находились деревянные перекрытия, фиксируется слой угля от сгоревших конструкций мощностью до 0,5 м. В помещениях со сводчатым перекрытием слой кирпичного завала обычно достигает пола. В описываемом случае мы имеем дело с фактом одновременной гибели поселения и, стало быть, комплексом предметов, характеризующих единый этап развития техники и культуры населения древней Ферганы.

Керамика. Комплекс керамики, обнаруженный в древнем поселении, представляет большую ценность, так как дает хорошо зажатый в слое материал, датированный монетами VII в. Его изучение и фиксация во времени помогут решить принципиально важный вопрос о хронологии керамики Ферганы эпохи раннего средневековья.

В этой работе дается лишь суммарная характеристика керамических изделий, встретившихся при раскопках¹⁵. Их обилие и наличие гончарных инструментов (наковаленка, сипая, ложила, штампы для декора) позволяют предположить развитое местное производство, сосредоточенное как на основном городище, так и в пределах предместий.

Известно, что гончарное ремесло в небольших объемах могло развиваться в пределах жилья без выделения специального помещения. Только печи для обжига посуды могли сооружаться на прилегающих улицах или пустырях. Даже в XX в. этнографы отмечают наличие домашнего производства на Памире и домашних мастерских в городах¹⁶.

Во всех обследованных комнатах на уровне пола были обнаружены сосуды самого различного назначения, в обломках и целые. Их можно подразделить на несколько групп: I. хумы емкостью в 40—50 л, использовавшиеся для хозяйственных целей — хранения воды, зерна и других продуктов. Они были найдены в комнатах 10, 15, 16, 20; хумчи широкогорлые, корчаги широкогорлые, предназначенные для хранения и приготовления молочных продуктов, корчаги с дырчатым дном, использующиеся для приготовления творога, маслобойки узко-цилиндрические¹⁷;

II. кухонная посуда: горшки с ручками и без ручек — «сковородки» — прямоугольные или круглые с невысокими бортиками, небольшие

¹⁵ Подробное описание и анализ керамики см. в статье Д. П. Вархотовой «Керамика VII в. с городища Кува».

¹⁶ Е. М. Пещерева. Указ. работа, стр. 32—40, 163.

¹⁷ Там же, стр. 254, рис. 71.

мисочки из серо-желтой глины с шамотом, отформованные вручную или сделанные на гончарном круге;

III. столовая посуда: кувшины узкогорлые с ручками, с грушевидным туловом большой и малой емкости, с носиками слегка сплюснутыми или вытянутыми, как утиные клювы. Их ручки, как правило, на месте прикрепления с туловом имеют аккуратное углубление. На некоторых кувшинах встречаются выцарапанные знаки или надписи.

Кружки тонкостенные, хорошо сформированные, тулово гладкое, только в двух случаях каннелюрованное. На петлевидных ручках — круглые или трапециевидные щитки. Наблюдается подражание металлическим сосудам — явление обычное для керамического производства Средней Азии этого периода¹⁸.

Чаши-пиалы имеют отлогие стенки. Обнаружено много черепков из мелкозернистой красной глины с тонковолокнистыми добавками¹⁹. Их внутренняя поверхность, как правило, покрыта красным ангобом, внешняя — часто обработана лощением.

Е. М. Пещерева в своей работе отмечает, что кружки в быту населения Средней Азии употреблялись для воды, а пиалы для вина. Лишь в более позднее время пиалы стали употребляться для чая²⁰.

В комнате 15 найдено два уникальных сосуда: типа солонки, состоящий из трех соединенных чашечек из глины светлорыжевого цвета, хорошего обжига, со следами лощения; декоративное блюдо с глубоко гравированным орнаментом. В центре его изображена восьмилепестковая розетка на слегка приподнятом круге. В секторах чередуются волнообразные пучки глубоко врезанных линий на гладком фоне. В одном из секторов наклеены барботином три шарика. На обратной стороне блюда этот сектор выделен невысоким рельефом и на нем остались следы скобы-петельки для подвески. Это блюдо, по-видимому, служило для украшения интерьера²¹.

Было также обнаружено много горшков и хумча с процарапанным и проштампованным орнаментом. В одном случае это был маленький горшочек с упором для крышки. Его боковую поверхность украшали два пояса из штампованных орнаментированных кружков-медальонов.

¹⁸ Б. И. Маршак. Влияние торовитки на согдийскую керамику VII—VIII вв., Труды Государственного Эрмитажа, т. V, Л., 1961, стр. 89.

¹⁹ Н. С. Гражданкина. Опыт технологического исследования древней красноангобированной керамики Узбекистана, ИМКУз, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 136—137, табл. 2.

²⁰ Е. М. Пещерева. Указ. работа, стр. 278—282.

²¹ Декоративные блюда с рельефным орнаментом были найдены в Пянджикенте. Они не имели приспособлений для подвески и служили, как предполагает А. М. Беленский, для подачи фруктов (См.: МИА, 66, стр. 131, рис. 26). Интересные сведения о подвеске больших блюд от «сглаза» сообщает Е. М. Пещерева: в поддоне до обжига делается дырочка для подвески, см. Е. М. Пещерева. Указ. работа, стр. 236—237.

Встречались и миниатюрные горшочки, употреблявшиеся, как видно, или для детских игр, или ремесленниками для красок.

Единичные находки: кубок, изготовленный на гончарном круге. Ножка кубка вылеплена вручную (комната 15). Светильники двух типов — на ножке, полый внутри (комната 15) и в виде глубокого блюдечка со смятым носиком (комната 17).

В 15 комнате найден миниатюрный носик-слив в виде головы бычка, на лбу которого изображен незамкнутый ромб с челочкой-насечкой. Рот-слив окаймлен валиком. Большие глаза наивно-глуповаты, как у телят-сосунков. Это не единственный пример подобного оформления сливов. Так, на улице юг-север был обнаружен носик, оформленный в виде скульптурно выполненной головы бычка. Его массивная морда слегка расширяется к носу, глаза неправильно округлой формы с рельефно сделанными надбровными дугами. Уши и рожки сломаны — остались лишь небольшие бугорки. Канал слива проходит через толщу глины и отмечен кружочками на морде бычка. Вся голова носит следы обработки ножом и покрыта красным ангобом с лощением. Находки такого рода на территории Средней Азии довольно многочисленны²². Реалистичность изображения бычьих головок на кувинских сосудах дает возможность предположить существование традиций, связанных с почитанием этого животного, восходящих к глубокой древности²³.

Зооморфные мотивы дополняют изображения львов. Обычно стилизованная голова грозного царя зверей выштампована на стенке сосуда в круге из перлов, а крылатые львы в горельефе.

Впервые для Ферганы был отмечен и антропоморфный сюжет — фигурка богини. Мы уже упоминали о находке глиняного медальона-печатки с отверстием для шнура. Вторая печатка, найденная в комнате 17, представляет собой неправильный конус с отверстием для шнура в верхней части. На дне конуса легким рельефом изображена пальметка (диаметр — 4 см, высота — 2,5 см).

Керамика является массовым материалом на объекте. Ее характеризует определенный набор типичных форм и отделка ангобом. Для парадной посуды характерен темнокрасный или коричневый ангоб с лощением²⁴. Лишь небольшое количество керамики было украше-

²² Пянджикент, Афрасиаб, Каунчи, Кафыр-кала, см. А. М. Беленицкий. Указ. работа, стр. 128—130; Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении, Известия АН КазССР, вып. 1, Алма-Ата, 1948, рис. 85-86; Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом, ИМКУз, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 208, рис. 9; Г. В. Григорьев. Тали-Барзу, ТОВЭ, т. II, Л., 1940, стр. 91.

²³ К. В. Тревер. Гопат-шах — пастух-царь, ТОВЭ, т. II, стр. 71—85.

²⁴ Тщательность обработки глиняной массы и великолепное лощение по ангобу отмечены как характерный признак кувинской керамики; см.: Н. С. Гражданкина. Указ. работа, стр. 147—148.

но нарезным и штампованным орнаментом. Наряду с лепной (кухонная утварь) была широко распространена и керамика на круге.

Возможности аналогий дают нам керамические комплексы Пянджикента (VII в.), Минг-Урюка (VII в.), Ак-Бешима (VII в.). Керамика Кувы, представляя локальный вариант, также датируется VII в.

Пряслица. В большом количестве и почти повсеместно найдены керамические пряслица и грузила, вылепленные или выточенные из стенок сосудов. Пряслица имеют коническую, биоконическую и цилиндрическую форму. Они часто украшались концентрическими бороздками и покрывались ангобом. Больше всего пряслиц было найдено в комнате 15 (10 шт.), в комнате 17 — 6 шт. и в 22 комнате — 5 шт. Некоторые, особенно плоские пряслица, видимо, использовались в качестве пуговиц.

Изделия из железа. Набор найденных железных предметов невелик. Это в основном ножи (9 экз.) различной формы и величины одно- и двулезвийные. Длина лезвия колеблется в пределах 11—17 см, ширина — от 1,5 до 2 см. Они или прямые, или изогнутые. Ножи с изогнутым лезвием применялись, по-видимому, при обработке виноградника²⁵.

Однако этнографические параллели дают возможность предполагать, что они использовались в качестве серпов для прополки. Эти серпы плавно изогнуты и невелики по размерам. Их абрис резко отличается от серпов для жатвы²⁶. Интересен полый конус с верхним диаметром — 2,5 см, нижним — 7,5 и 3,5 см. Сохранившаяся длина его — 11 см. Возможно, что это втулка мотыги или лемеха²⁷.

Набор сельскохозяйственных орудий представлен серпами, садовыми ножами, насадкой от мотыги. В сочетании с зернотерками и жерновыми они уже дают некоторое представление о занятиях жителей Кувы.

Очень мало (всего 2) обнаружено наконечников стрел. Тип их тот же, что и у найденных в храме. Правда, один из них необычно велик — сохранившаяся его часть — 7,5 м. Б. А. Литвинский в своей сводной работе утверждает, что увеличение размеров наконечников стрел было связано с развитием военной техники, в частности с распространением мощного лука²⁸. Найдены также гвозди и штыри, плоские обкладки ножен со штифтами, где сохранились остатки дерева и кожи.

²⁵ А. М. Беленицкий. Указ. работа, МИА, вып. 66, стр. 139—140, рис. 37; Е. Е. Неразик. Раскопки в Беркут-Калинском оазисе в 1953—1956 гг., Материалы Хорезмской экспедиции, т. 1, М., 1959, стр. 13, рис. 9.

²⁶ И. М. Джаббаров. Из истории техники и культуры земледелия Южного Хорезма (конец XIX—начало XX вв.), ИМКУз, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 287, рис. 5.

²⁷ Е. М. Пещерева. Игрушки и детские игры у таджиков и узбеков, Сборник МАЭ, т. XVII, стр. 29—30, рис., 2; А. И. Тереножкин. Предскифский период на днепровском правобережье, Киев, 1961, стр. 145, рис. 96.

²⁸ Б. А. Литвинский. Указ. работа, стр. 81.

Железо, из которого изготовлены обнаруженные предметы, имеет, очевидно, естественные примеси кремния, цинка и алюминия. Но в некоторых случаях были обнаружены примеси марганца, видимо, специально добавленного с тем, чтобы придать твердость стали²⁹.

Высокое качество железных изделий Ферганы отмечается и в письменных источниках. Анализ древних кавказских изделий показал, что и там использована руда с марганцем для боевого оружия³⁰.

Предметы из бронзы. Этого рода изделий было немного. Часть из них — украшения: перстни, причем два из них с напаянными штифтиками-шариками у глазка; нашивки на одежду или конскую упряжь, деталь пряжки с позолотой (7, 12, 13, 16); петушок—навершие сосуда, это литая фигурка, передающая обобщенный образ, с хорошо проработанными крыльями и веерообразным хвостом. На голове петушка — загорный хохолок, клюв слегка загнут. Высота фигурки — 5,5 см.

Некоторые изделия явно принадлежат конской упряжи. Например, нагрудное кольцо (10) диаметром 6,5 см, накладки-наконечники со штифтами (9, 14). Бубенчики обычной формы шарика с петлей и в виде полого кубооктаэдра.

Бронзовые изделия сделаны из меди с примесями сурьмы, олова и цинка и др. Видимо, медь выплавлялась на месте, так как при раскопках неоднократно встречались шлаки, образовавшиеся при выплавке меди из руды³¹.

Особое место в этой серии занимает бронзовый штамп и как предмет искусства, и как орудие труда. Это диск диаметром 5,6 см и толщиной 0,2 см. На его гладкой стороне — плоский выступ-ручка подтреугольной формы, высотой 1,4 см. В нижней части выступа — отверстие для шнура. Верхняя часть диска разбита, вследствие чего утрачен узкий сектор.

На лицевой стороне в обрамлении из перлов (поясок шириной 0,4 см, перлы диаметром 0,3 см) сидит полуобнаженный полный мужчина в широких штанах, лежащих мягкими свободными складками на подогнутых ногах, вывернутых пятками вверх. Ноги до колен обуты в мягкие сапожки. Штаны держатся на низко подпоясанном по бедрам поясе. Слева на поясе прикреплен небольшой овальный предмет. Правая рука мужчины уперлась в бок, левая — поднята на уровень с лицом и держит ритон обычной формы вытянутого изогнутого конуса. Нижний конец его завершается, очевидно, фигуркой.

²⁹ Анализы произведены в лаборатории археологической технологии Института истории и археологии АН УзССР, пробы № 158, 161, 164, 165, 166, шлаки 43, 44.

³⁰ М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана, Ташкент, Изд-во АН УзССР, 1959, стр. 29.

³¹ Анализы произведены в лаборатории Института истории и археологии АН УзССР, пробы № 43, 44, 45, 46, 156, 157, 159, 160, 162, 163.

Влево от руки на свободном поле — бурдюк с вином, под правой рукой — кувшин грушевидной формы на высоком поддоне. Его короткая горловина заканчивается вытянутым «утиним» носиком. От горлышка к тулову прикреплена слегка изогнутая ручка. Форма кувшина позволяет думать, что он металлический³².

Голова, окруженная нимбом, плохо сохранилась, так как дефектной оказалась именно эта часть штампа. Судя по всему, найденный в Куве штамп мог быть применен для оттиска изображений на сосудах или медальонах. Скорее всего это был штамп для декорировки медных донеч или серебряных блюд. Такая манера украшения слаборельефными или даже горельефными сценами жанрового, культового или батального характера широко известна в так называемом сасанидском серебре³³. Торевты Кувы были отличными художниками. Они создавали произведения искусства, не уступавшие лучшим образцам восточного серебра, прославившегося во всем мире.

Камень. Все обнаруженные изделия из камня делятся на две группы:

I. жернова, зернотерки, плоские гальки-наковаленки, шлифовальные круги, куранты, изготовленные из зернистого гранита или диорита.

II. Мелкие подделки: лошила, прясла, грузила, подвески-амулеты, сурьма-таш³⁴, наверхие жезла с винтообразной нарезкой. Эти вещи сделаны из мрамора, мраморовидного известняка, яшмы и агата. Их отличает удивительная тщательность шлифовки — поверхности камня шелковисты наощупь и имеют зеркальный блеск.

В особую группу можно выделить камни-заготовки из породы типа агата. Их цвета — лиловый, красноохристый и черный. Они скорее всего подготовлены для подвесок-амулетов, так как их поверхности зашлифованы и обработаны³⁵.

Большое количество таких заготовок, наряду с готовыми и полуготовыми изделиями, найдено в 23 комнате. Гальки-наковаленки, куранты, горшочки для красок, оселки, ножи и другой инвентарь, обнаруженный в комнате 22, позволяют высказать предположение о наличии в Куве камнерезного ремесла. Тем более, что на вскрытой территории посе-

³² В. А. Булатова. Бронзовый штамп из Кувы VII—VIII вв. ИМКУз, вып. IV, Ташкент, 1963, стр. 110—111.

³³ Я. И. Смирнов. Восточное серебро, СПб., 1909, табл. XVII, рис. 41, и др. На такое применение штампа нам указал Б. И. Маршак.

³⁴ Н. Н. Ершов. О каменных палочках из могильников и их аналогиях у таджиков, Доклады АН ТаджССР, вып. III, Сталинабад, 1952, стр. 27.

³⁵ Обращает на себя внимание то обстоятельство, что подвески сделаны из черного камня. Заготовки тоже черного и темно-лилового цвета. Видимо, здесь мы имеем дело с верой в магическую силу камня именно этого цвета. Археолог М. С. Мерцшиев рассказывал, что в Туркмении женщины при лечении укуса каракурта накладывали на больное место черный камень с отверстием.

ления и храма были найдены заготовки для печатей-гемм, вставки для перстней, бусы из хрусталя, сердолика и др.

Изделия из кости. Костяное ложило, довольно массивное, изготовлено из рога. Его поверхность хорошо отполирована. Длина — 1,5 см, толщина — 0,6, 0,9 см, ширина рабочей части — 1,6 см³⁶.

Полированный рог (фрагмент). Его длина — 5,5 см, диаметр — 1,2 см. Он мог употребляться как ложило.

Стило (фрагмент). Длина — 7 см, сечение — овальное, большой диаметр — 0,7 см, малый — 0,4 см.

Обкладка — прямоугольные пластинки. Длина фрагмента 3,8 и 2,5 см, ширина 1,4 и 1,1 см, толщина 0,3 и 0,4 см. Цвет коричневатый, как видно, от воздействия пожара.

Колечки — выточенные и отшлифованные с выгравированными кружочками на наружной поверхности. Они служили, очевидно, для украшения. Диаметр колечка — 0,9 см, толщина — 0,3 см, высота ободка — 0,5—0,6 см.

Куски рогов со следами распила, отшлифованные рога. Коровье ребро с краем, обработанным зубчиками, как у пилы³⁷, возможно, что это инструмент ткача.

Нумизматические находки. На территории жилого комплекса (вскрытая часть) собрано и сравнительно большое количество монет. Часть из них найдена в верхних горизонтах и связана с впускными погребениями в ящиках из кирпича-сырца.

Но более многочисленна вторая группа из нижнего горизонта (завал, слой пожара над полом), которая и датирует наш объект.

Всего в общей сложности найдено 138 экземпляров. Из них более 70 монет, очевидно, мелкого номинала. Все они отлиты в односторонних совмещенных формах.

Подквадратное отверстие занимает большую часть кружка. На гуртике часто видны следы разуба монет без зачистки или излишки вытекшего металла. Диаметр этих монет от 1,6 до 1,1 см. Никаких надписей и знаков на них нет.

Найдено 13 экземпляров монет большого размера (диаметр — 2,2 см). Они имеют четкий, рельефный ободок по кругу и отверстию квадрата. На лицевой стороне надпись «хакан» и знак местных правителей Ферганы. Этот знак — тамга, не имеет никаких аналогий ни со знаками правителей Пянджикента, ни Семиречья.

³⁶ Как ложило оно было использовано Н. С. Гражданкиной в лаборатории института при создании образцов древней керамики с лошением. Рабочие качества его, при сравнении с ложилами из других материалов, были признаны отличными.

³⁷ Такая же пила была найдена Е. Е. Неразик в Беркут-Калинском оазисе, см.: Е. Е. Н е р а з и к, Указ. работа, стр. 113, рис. 9.

Монеты датированы концом VII — началом VIII в. Их обратная сторона с некоторыми изъянами отливки не имеет изображений.

О. И. Смирнова, определившая и датировавшая эти монеты, отмечает два варианта знака правителя, связывая это обстоятельство с династическими изменениями. Мелкие монеты, не имеющие никаких знаков и надписей, но найденные в том же слое, что и большие, по ее мнению, представляют собой местный неизученный чекан монет мелкого номинала. Они могут быть датированы тем же временем — концом VII и началом VIII в.

В Средней Азии, как уже отмечала О. И. Смирнова, широкое распространение в VII—VIII вв. имели монеты китайского образца, но с согдийскими надписями. Бухарский оазис, южный Таджикистан и Семиречье дают монеты этого типа. Находки таких монет, обнаруженные в Куве, присоединяют сюда и Фергану. Выделена группа монет, состоящая всего из 3-х экземпляров. Одна из монет серебряная. О. И. Смирнова определила их как аббасидское подражание бухарским драхмам (الهدلى) и датировала 70-ми годами VIII в. На лицевой стороне этих монет изображен профиль царя вправо. Между ступами венца, в середине — кружок. Волосы или ухо с сергой переданы тремя сплошными кружочками (два одинаковых, нижний побольше). Сзади с венца спускаются ленты. Плечи и одежда также переданы точками со сплошными кружками. Перед лицом царя — надпись. На обратной стороне по оси композиции — алтарь, над ним профильное изображение царя вправо. По обеим сторонам алтаря фигуры мобедов. Монеты такого же типа находили на основном городище Кувы и в других районах Средней Азии³⁸.

Монеты верхних горизонтов определяют время существования кладбища и датируются в пределах от начала X до XI в. Таких монет найдено пока 14 штук. Определение монет произведено В. А. Шишкиным и М. Н. Федоровым.

Датировка памятника VII в. по нумизматическому материалу не противоречит данным, которые нам сообщают анализы керамики, оружия и украшений. Его гибель твердо связывается с нашествием арабов.

³⁸ О. И. Смирнова. О языке легенд на тюркешских монетах, Тюркологические исследования АН СССР, М.—Л., 1963, стр. 271; Л. Р. Кызласов, О. И. Смирнова, А. М. Щербак. Монеты из раскопок городища Ак-Бешим (Киргизская ССР) 1953—1954 гг., Ученые записки Института востоковедения, т. XVI, М.—Л., 1958, стр. 527—551; В. Д. Жуков. Обследование городища Старая Кува в 1956 г., КСИИМК, вып. 80, 1960, стр. 82. Находки дирхемов Мусейяби в Фергане отмечает М. Е. Массон, см.: М. Е. Массон. К вопросу о черных дирхемах Мусейяби, Труды ИИА АН УзССР, вып. 7, Ташкент, 1956, стр. 182; О. И. Смирнова. Клад аббасидских драхм с Пянджикентского городища (третья четверть VIII в.), Эпиграфика Востока, вып. XV, 1963, стр. 58—72; Она же. Каталог монет с городища Пянджикент, М., Изд-во восточной литературы, 1963, стр. 62, и др.

Монеты, подражающие бухарским драхам и датирующиеся 70-ми годами VIII в., относятся к периоду частичного обживания поселения после разрушения его арабами.

Для определения стратиграфии наслоений, подстилающих комплекс, заложен шурф размером $1,5 \times 1,5$ м в северо-западном углу комнаты 22, начатый с уровня пола (XXIX ярус, 14,50 м) и законченный на отметке — 18,50 (XXXVI ярусом включительно). Глубина его от пола 4 м. Верхний горизонт представлял собой пол помещения с большим количеством обычной для нашего комплекса керамики в слое угля и обожженной земли. Ниже — пахсовые стены помещения, опущенные как фундаменты до отметки — 14,80, т. е. почти до верхней границы XXX яруса. Под фундаментами на глубину до 2-х м идет уплотненный лессовый слой с зольными прослойками, чередующимися с серой болотной глиной и комковатой землей, где обнаружено большое количество бытовой керамики. Ассортимент керамики тот же. Новой формой является кубок на ножке (типа Балалык-тепе). В качестве отделки преобладает лощение красное и коричневое. Встретились бронзовые миндалевидные бляшки, пряслица, конические с концентрическими нарезками и коричневым лощением.

Таким образом, до XXXIV яруса идет очень насыщенный культурный слой. Ниже — плотная светлая земля с мелкими фрагментами керамики и угольками. С отметки — 18,10 отмечается глинистая плотная земля с прослойками серого и влажного песка и редко встречающимися фрагментами керамики и угольками.

Судя по находкам и характеру слоя — это уже малообжитая территория. Подобная стратиграфия выявляется в шурфе у южного фасада храма. Правда, там подстилающие слои насыщены достаточно выразительной керамикой и датируются V—VI вв. Этот же шурф никакого датирующего материала, кроме кубка (IV—V вв.), не дал.

С этой же целью была углублена северная траншея, начиная от уровня пола комнаты 8. Под жилым комплексом VII в. находится мощный культурный слой, характеризующийся находками: кирпича-сырца размером $31 \times 11 \times ?$ см, $23 \times 9 \times ?$ см, ножек кубков, фрагментов чаш и кувшинов с красным ангобом. Керамика датируется временем не ранее V—VI вв.

На площади жилого комплекса стратиграфические исследования показали последовательное накопление культурных наслоений на протяжении V—VII вв.

Глава III

КУЛЬТОВЫЙ КОМПЛЕКС VII в.

Особенно трудоемкие и длительные вскрытия велись на территории храма, где под кирпичным завалом и слоем пожара были погребены куски лепного декора со стен и потолков и части разрушенных статуй.

Культурные наслоения, перекрывающие наш комплекс, образуют толщу от 0,5 до 2,50 м и четко делятся на три горизонта:

1) верхний, бесструктурный переотложенный слой запустения, пронизанный погребениями трехъярусного кладбища X—XI вв.;

2) уплотненный слой завала от сырцовых кирпичей, стен и перекрытий. В этом слое встречаются фрагменты скульптуры и бытовой керамики;

3) слой пожара, располагающийся над полом. В нем красная, обгоревшая до спекания земля, перемешанная с углем от балок, обрешеток перекрытия и столбов, золой от камыша и соломы, фрагментами сырцового кирпича, остатками декора и глиняной скульптуры. Наибольшая насыщенность слоя обуглившимся деревом и обломками скульптуры зафиксирована по периметру храма.

Храм и святилище вскрыты, в основном в течение 1958—1959 гг.¹

Выявленный в результате раскопок культовый комплекс представляет собой сочетание двух, очень простых по плану, помещений — квадратного святилища (11,9 × 11,2 м) и прямоугольного храма (21 × 14 м). Их объединяют смежная стена и единый главный фасад (южный).

---

¹ Работы велись в течение 1957 (разведка), 1958 и 1959 гг. (раскопки). Научный руководитель — Я. Г. Гулямов, начальник отряда — В. А. Булатова, участники работ — археологи: И. Ахраров (1957), Л. И. Альбаум (1958), Д. П. Вархотова (1959), архитектор П. Захидов (1958), фотограф Е. Н. Юдицкий (1958), лаборанты: У. Алимов, Г. Мадиев, И. Салахитдинова, Р. Бурнашева. В 1968 и 1969 гг. раскопки храма закончились вскрытием входной группы помещений, завершавших двор храма. В работах приняли участие: В. А. Булатова (начальник отряда), археолог Д. П. Вархотова, Г. А. Михалева, лаборант Г. Джалилова.

Узкие входы самостоятельны для каждого помещения. Они расположены на главном фасаде. Двор храма имеет вытянутую, слегка трапециевидную форму и завершается группой входных помещений.

Весь выступ холма под культовым комплексом обработан архитектурно как ступенчатый стилобат высотой 3,60 м. Таким образом, здания, стоящие на нем, возвышались над окружающей местностью и проглядывались с далеких подступов.

Сохранность объекта плохая. Стены сохранились на высоту 0,5—2 м. Восточная и северная стены разрушены полностью, так как выклинились на крутом склоне холма и были размыты. Внутренняя планировка прослеживается хорошо и план комплекса восстановился полностью.

Святилище². Оно представляет собой почти квадратное в плане помещение (11,90 × 11,20 м) с узким входом (ширина 1,37 м), обращенным на юг. В центре находится платформа (6,30 × 6,38 м). Ее сохранившаяся высота 1,05 м. Она сложена из кирпича-сырца (40 × 25 × 8—10 см; 25 × 25 × 7 см). На платформу ведет трехступенчатая лестница, расположенная по оси входа и покрытая слоем штукатурки. Ширина лестницы — 1,15 м, ширина ступеней — 32, 28, 37 см. Высота — 27, 18, 27 см. В углах ступеней, засыпанных землей и не подвергавшихся действию огня, сохранилась белая затирка, причем на самих ступенях под обожженной штукатуркой обнаружены остатки такой же затирки. Надо полагать, что ремонты пола и платформы, особенно ступеней, были частыми, так как штукатурка быстро крошилась под ногами верующих.

Справа и слева от лестники размещались барельефные изображения. Они похожи на ряды лепестков, поэтому можно предположить, что это были подножия статуй, оформленные в виде лотоса.

На углах платформы вынуты четверти так, что получились приподнятые площадки (0,7 × 0,6 м, высота 0,2 м), на которых, очевидно, стояли чашечка с курениями. На северном фасаде платформы тоже расширены приступочки, может быть такого же назначения.

На поверхности платформы четко выконтурился квадрат (2 × 2 м) с канавкой (для золы), заполненной рыхлой землей. У западного края платформы выявились две симметрично расположенные пониженные площадки.

Вдоль восточной стены святилища тянется узкая глинобитная суфа (высота — 55 см, ширина — 70 см), упирающаяся южным концом в прямоугольное тоже сырцовое возвышение, высотой 0,8 м с полуциркульной арочной нишкой. Архивольт нишки заглублен по отношению к плоскости. Сама нишка имеет глубину 30 см.

В северо-западном углу святилища находится второе возвышение высотой 0,9 м (0,90 × 0,85 м); южная его сторона обработана декора-

² Это название несколько условно.

тивными ступенями (ширина ступеней—18, 13, 8 см, а подступенек—30 см), к восточной стороне примыкает прямоугольная суфа высотой 0,75 м (0,40 × 0,70 м) с приступочкой.

Все эти устройства, по-видимому, были местом для жертвоприношений божествам в виде цветов, фруктов и ароматных курений. Вокруг платформы оставалось еще свободное пространство для обхода шириной 2 м (в восточной стороне—1,50 м из-за суфы).

Стены святилища, сохранившиеся на высоту 0,70—0,90 м (только северная стена сохранилась до 2 м), имели толщину 1,70—2 м. Кладка южной и западной стен осуществлена из пахсы с кирпичной облицовкой, а северной и восточной—целиком из кирпича-сырца. Кирпич сделан из лесса с обильными добавками рубленой соломы. Он отформован в рамочной бездонной форме на сушильной площадке.

Поверхность стен реликвария и суф была покрыта многослойной лессовой штукатуркой с затиркой алебастром. Многослойность штукатурки свидетельствует о частых «косметических» ремонтах, производившихся в храме.

Расчистка остатков стен выявила, что вся штукатурка подверглась сильному воздействию огня и поэтому покраснела. Только на западной стене удалось проследить маленькие участки с остатками росписи—черные контурные линии, заполненные темноголубой и белой краской. Глинобитный пол также был покрыт штукатуркой, обгоревшей до черноты и сохранившей свой белый цвет только под кирпичным завалом у самого порога. Остатки алебастровой затирки позволяют предположить, что белый цвет пола, платформы и потолка был нейтральным фоном для полихромной скульптуры и архитектурных деталей. Он служил подслоем для настенных росписей, которые могли быть на западной, северной и восточной стенах святилища.

Над полом, суфой и на поверхности платформы было большое (толщина слоя 35—40 см) количество угля от упавших деревянных частей перекрытия (балки сечением 20 × 16 см; 16 × 10 см; 10 × 7 см, жердочки диаметром 3; 4; 5 см) и камышового настила. Возможно, камыш настилался по обрешетке перекрытия, а затем смазывался глиной. Каким же было это перекрытие? Большой пролет помещения (11,20 × 11,90 м) позволяет высказать предположение о перекрытии типа чорхона или рузан, до сих пор широко распространенных на территории Средней Азии, Закавказья и Афганистана³.

³ Вопрос о перекрытиях (чорхана, рузан, дарбази, тун) посвящено немало работ специального характера. Укажем лишь некоторые из них: М. Ильина. Древнейшие типы жилищ Закавказья, М., 1946; В. А. Воронина. Жилища Ванча и Ягулема, в сб.: «Архитектура Средней Азии», М., 1957, стр. 258; А. К. Писарчик. Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX—начале XX в., Среднеазиатский этнографический сборник, т. XXI, М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 271—273.

Детали архитектурного декора (куски штукатурки с рельефным раскрашенным геометрическим орнаментом, цветочные розетки и др.), найденные в большом количестве в слое завала над полом, могли украшать кассетированное перекрытие и карнизы стен. Поверхность пола ровная, изъяны, отмеченные при расчистке, видимо, образовались в результате падения на пол большой массы кирпича. Захоронения в кирпичных ящиках фиксируются в слое завала. Ими нарушена целостность стен и платформы.

Храм. С востока к святилищу примыкает продолговатый прямоугольник храма (21×14 м) с ориентацией север-юг по длинной оси. В северном конце храма расположена квадратная платформа (6×6 м) с квадратными же выступами по углам. На платформу с трех сохранившихся сторон (северная смыта) ведут двухступенчатые лесенки, скорее декоративного, чем утилитарного назначения. Угловые выступы платформы (расчищены два с южной стороны), видимо, предназначались для установки статуй. Под юго-восточным выступом была обнаружена сохранившаяся деревянная плаха из арчи размером $0,70 \times 0,60$ см, толщиной до 16 см. Дерево прекрасно сохранилось, лишь частично расслоилось.

Платформа сделана из кирпича-сырца ($40 \times 25 \times 8$ —10 см) и покрыта глиняной обмазкой, сохранившейся на боковых стенках и лесенках.

Вдоль южной и западной стен храма тянулись суфы (высотой 0,35—0,40 м) различного устройства; если южная представляла собой простое возвышение, разделенное на две неравные части выступающей пилострой, то западная — состояла из двух ступеней, подводящих к нишам со скульптурами.

Остатки ниш (самый низ арочного проема и основание позолоченной статуи) были обнаружены в юго-западном углу храма. Глубина ниш 0,45, 0,35 м, ширина — 1,17 м.

На полу возле суф обнаружены большие куски штукатурки с криволинейной поверхностью — остатки архивольта ниши.

Суфы, стены и пол храма были покрыты штукатуркой, сильно обгоревшей при пожаре (на полу она была синеватого цвета). Были расчищены сохранившиеся гнезда (всего 4) под столбы или колонны перекрытия. Это площадки прямоугольные в плане (0,92—0,98 м), выложенные булыжником. На одной из них сохранились обуглившиеся деревянные плахи, положенные скорее всего в качестве гидроизоляции. Гнезда опор размещены через 5 м. Вся вскрытая поверхность пола изрыта впускными мусульманскими погребениями X—XI вв. Они же нарушили целостность южной суфы и входной части.

Восточную стену обнаружить не удалось. Разрушение было так велико, что не было никакого намека на повышение пола в месте смыкания со стенами. Линия остатков пола идет очень прерывисто, исчезая в северной части храма у платформы.

Таким образом, помещение храма сохранилось немногим более чем наполовину. Его параметры можно восстановить, если считать, что оно было решено симметрично. Труднее решить вопрос с северной частью храма.

Вход в храм был расположен не по оси композиции, а несколько смещен к востоку. Ширина проема 1,70 м. Внешний западный угол входа закруглен.

Южный фасад здания был, по всей вероятности, обогащен глубоким айваном, под которым стояли статуи богов. Основанием к такому предположению служит большое количество обуглившихся балок и жердей в слое прокаленной земли, обнаруженных около фасада у входа в храм. На фасаде здания была расчищена неглубокая ниша с остатками росписи, которая, по-видимому, служила фоном для поставленных под айваном скульптур. Крупные и мелкие фрагменты двух конных статуй и сопровождавших их воинов находились у стены.

Возле входа, загораживая его, ничком лежала великолепная глиняная статуя божества в 2,5 раза больше человеческого роста. Около скульптуры было обнаружено большое количество булыжников. Перед фасадом — слой угля, обгоревшей земли и золы от соломы. Удалось зафиксировать наличие деревянных жердей и балок сечением 20×7 , 10×10 , 15×17 см.

Часть фасада к западу от входа в святилище, видимо, не была прикрыта айваном, так как на площадке перед ним нет слоя угля. Зато у стены была расчищена небольшая суфа из кирпича-сырца, на которой, видимо, торговали чашечками для жертвоприношений, курительными свечами и благовонными травами. Здесь обнаружено 20 чашечек целых и разбитых без следов копоти.

Незатейливые сосуды, подобные этим, слепленные от руки и необожженные, в большом количестве были обнаружены в храме и святилище. Но там они имели следы копоти.

С юга к зданию примыкал двор протяженностью 20,5 м. Культурный слой над поверхностью двора всего 15—20 см. Он составлен в основном оплывами разрушенных стен храма. Находки в нем малочисленны. Это фрагменты неполивной керамики и поздних по времени монет.

От жилого комплекса храмовый двор отделен пахсовой стеной на ступенчатом основании. Южная часть двора замыкается группой входных помещений со сквозным проходом-коридором, обращенным на большую открытую площадь.

Входная группа помещений состоит из комнат А, В, Г, Д, Е, Ж, коридора Б и хозяйственного дворика З.

Южный фасад представляет собой протяженную линию пахсовых стен (29,7 м), прорезанных одним довольно узким (2 м) проемом. Он

ограничен антовыми стенами (отрезки до 6 м длины и до 4 м высоты), являющимися естественным продолжением боковых фасадов. Один из них (западный), прослеженный до смыкания с храмом, представляет собой мощную пахсовую стену на стилобате. Ее толщина различна — от 2,65 до 1,20 м (по мере приближения к храму).

Несколько изломов на протяжении фасадной линии и значительное изменение толщины стены вызвано, видимо, просчетами при закладке сооружений входной группы, которые по отношению к храму сдвинуты на восток, поэтому двор в плане принял трапециевидную форму.

Восточный фасад двора сохранился только в пределах входной группы, все остальное вместе со стеной храма смыто и разрушено. Помещения входа группируются по обе стороны сквозного коридора (Б), который имеет проемы в сторону двора и жилого комплекса. К западу от коридора расположены помещения В, Г, Д, Ж, к востоку — А и З. Помещение А использовалось как кладовая (хум-хана). Так, в шести вкопанных хумах хранились зерно, вода, вино и благовония. В комнатах В и Ж, видимо, изготавливали и хранили сыроглиняные чашечки-курильницы для продажи богомольцам. В этих чашечках сжигались благовония перед статуями Будды.

Комната Д, по-видимому, предназначалась для отдыха и трапезы монахов. Помещение Е определено имело отношение к обороне храма и жилого комплекса — оно находится во внутреннем выступе стены храма. Пол этой комнаты возвышается над уровнем других помещений на 2 м. Ясно, что эта возвышенная площадка предназначалась для наблюдений и обстрела. Помещение З — открытый дворик для сброса золы и мусора. В его южной и западной стенах заключены глиняные кубуры для приема и отвода сточных вод. Обширный двор храма был свободен от застройки и только вдоль его западной стены отмечена полоса шириной до 6 м и длиной 13 м со следами пожара. Очевидно, здесь помещался легкий деревянный навес. Принцип планировки храмового комплекса несколько напоминает храм в Ак-Бешиме⁴.

В комнатах и коридоре входной группы было найдено довольно много ювелирных изделий и поделок из металла, камня и железа. Можно предположить, что они были частью припрятаны, а частью обронены во время нашествия арабов.

В комнате Ж у южной стены найдены плоское ониксовое кольцо, прямоугольное блюдо из пестрой брекчии, бусы из сердолика, ляпис-лазури и мрамора, каури, медные поделки, плоская ваза-курильница, чепочка с трехлепестковой подвеской и пастовыми вставками, железный

---

⁴ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования Ак-Бешима в 1953—1954 гг., Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР, т. II, М., 1959, стр. 155—225.

таганец на трех ножках, розовая морская раковина в большое количество сыроглиняных курильниц.

В комнатах В и Д особенно интересными были находки трех медных обтяжек для медальонов или пуговиц с выбитым профилем. Рельефное изображение выполнено в лучших традициях медальерного искусства. Мастерство и уверенность исполнения позволяют предполагать достаточно длительное существование эллинистических традиций в искусстве Ферганы.

Находки подобного рода не единичны. Терракоты Афраснаба этого времени также дают образцы, которые безотносительно к стратиграфии можно было бы выдавать за эллинистические. Но факты непреложны — в Согде, Фергане, Чаче, Хорезме, Тохаристане VI—VIII вв. археологи продолжают находить предметы искусства именно этого стиля. В плане истории развития ювелирного искусства VII—VIII вв. большое значение приобретает находка железной детали с инкрустацией из золотых нитей и ажурных фольговых розеток.

К западной стороне храма (в ее южной части) примыкает ряд помещений-отсеков со стенами из пахсы. Они объединяют монолит городской застройке с храмом, создавая непрерывную линию внешней стены всего комплекса.

Пространственная обособленность храмового комплекса, таким образом, была обеспечена как естественным положением выступа храма, так и неприступностью высокого стилобата с массивной стеной. Большая площадь перед храмом также служила этой цели.

Конструкция и материалы. Стены здания, сохранившиеся в разных местах на высоте от 0,5 до 2 м, имели различную толщину (1,50, 1,80 м) и различное устройство. Так, кладка южной и западной стен осуществлена из пахсы, чередующейся с кирпичной кладкой в один ряд, но с кирпичной облицовкой, а северной и восточной стен — целиком из кирпича-сырца. Южная стена, где расположены входы, имеет наибольшую толщину — 2 м.

Кроме обычных кирпичей, встречаются клинчатые, служившие, видимо, для кладки арочных проемов. Размеры кирпича:

в платформах храма	44—48×22×6 см;
	50×52×8 см;
святилища	52×25×7 см;
в стенах храма и святилища	35×17×7; 38×17×5 см.

Употребление кирпича регистрируется в конструктивно ответственных местах — в арках, опорных столбах и в качестве облицовочного материала. Стены сооружения фундаментов не имели, а были поставле-

ны на выровненную и утрамбованную площадку сплошного основания — прием, известный издавна и имеющий многовековую традицию⁵.

Зачистки, сделанные по западному и северному склонам, показали наличие четырехступенчатого пахсового стилобата. Три ступени с подступеньками 40, 50 и 70 см дают переход к четвертой, круто обрывающейся к подножию храма.

Восточный фасад и ступени стилобата были смыты вовсе — эта сторона претерпела особенно сильное разрушение.

Пахсовые стилобаты, как показали исследования памятников доарабского зодчества, получили повсеместное распространение в Средней Азии. Дворцы и крепости Хорезма, Согда, Чача, Тохаристана имели в основании сплошной цоколь-платформу. Высота их варьировала, достигая иногда 15—16 м (Топрак-кала, Ак-тепе, Варахша, Балалык-тепе, Пянджикент, Кала-и-Боло и др.). Архитектурно-планировочный прием постановки здания на стилобат не нов и имеет традиции, уходящие в глубь веков. Храмы на повышенных платформах известны в Иране, Индии, Восточном Туркестане. Еще А. Грюнведель отмечал, что самой древней формой буддийской архитектуры в Индии является храм на террасах⁶.

По сохранившимся остаткам стен трудно сказать что-либо определенное о высоте сооружения. Но наличие статуй четырехметровой высоты и ряд синхронных, более сохранившихся монументальных построек на территории Средней Азии⁷, позволяют предположить, что эта высота была не менее 6 м. Плохая сохранность стен не дает основания к реконструкции, но обилие угля и обгоревших балок сечением от 12 до 30 см по периметру храма на платформе и перед входом свидетельствует о наличии деревянных перекрытий. Это могло быть балочное плоское перекрытие на кирпичных или деревянных опорах (на полу храма зафиксированы гнезда опор с шагом 5 м), сочетающееся с повышенным объемом «чор-хона» над платформой, где стояли громадные статуи богов.

В южной части храма, возможно, оставался не перекрытым световой дворик. Перед храмом — высокий айван, под которым находились статуи.

⁵ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии, «Архитектурное наследство», 1953, № 3, стр. 4, 5.

⁶ А. Грюнведель. Краткие заметки о буддийском искусстве в Турфане, ЗВОРАО, т. XVIII, вып. 1, СПб., 1907.

⁷ В. А. Шнишкн. Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе в 1947—1953 гг., Труды ИИА АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 17; Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, Ташкент, 1960, стр. 122, рис. 95; В. Л. Воронина. Городище древнего Пянджикента как источник для истории зодчества, «Архитектурное наследство», 1957, № 8, стр. 131, рис. 13.

На площади храма и святилища в завале и на полу, кроме обломков статуй, обнаружены и предметы материальной культуры—монеты, поделки из камня, бронзы, железа, бусы и керамика.

Монеты. Завоеватели ограбили и разрушили храм и святилище, не оставив, как говорится, камня на камне. Все драгоценности и предметы культа были вывезены. Этим объясняется скудость находок такого рода как в храме, так и в святилище. Очень малочисленны и нумизматические находки. Так, на территории храмового двора (южнее главного фасада храма) были найдены пять монет. Одна из них, обнаруженная среди скульптурных обломков лошади, представляет собой медную монету диаметром 2,1 см с квадратным отверстием и неясными следами знаков. Вторая — медная с золотой обтяжкой, — диаметром 2,2 см. На лицевой стороне изображен профиль царя, повернутый влево, на его голове корона с полумесяцем, по краю — остатки перлов. Коллекцию дополняют две медные монетки диаметром 2,4, 1,3 см. Одна — со следами изображений — определена как черный дирхем мусейяби; другая — с квадратным отверстием — тюркская, с согдийской надписью. Она датирована последней четвертью VII в. (определение О. И. Смирновой).

Был также обнаружен золотой брактеат диаметром 2,1, 2 см. В круге из перлов профильное изображение мужского лица, повернутого вправо. Сложный венеч с шаром сзади, напоминающий сасанидский, венчает голову правителя. На затылок спущен шарф или лента. Над венцом лента с геометрическим орнаментом. Энергичный профиль поражает удивительной чеканностью проработки деталей лица. Прямая линия носа сливается со лбом. Крепко сжатые, хорошего рисунка губы, миндалевидные глаза специально удлинены чертой от верхнего века к виску. Энергичный подбородок выдается вперед. Тяжеловатая челюсть переходит к уху, украшенному серьгой. Короткая широкая шея охвачена ожерельем (гривной), или круглым воротом одежды. Перед лицом кисть руки, держащая жертвенник с трапециевидным основанием, сдвоенным стволом и широкой крышкой. На крышке — пирамидка из нескольких шариков — возможно, условное изображение пламени. Не исключена возможность, что это портрет ферганского царя, по образу и подобию распространенного в Средней Азии подражания чекану Варахрана V. Может быть, это и есть та золотая монета, которая служила мишенью в дни новогодних празднеств средневековой Средней Азии⁸.

Изображение брактеата напоминает лучшие образцы монументальной живописи Средней Азии: задумавшийся юноша в росписях Топрак-кала или юноша в крылатом уборе из Пянджикента⁹.

⁸ О. И. Смирнова. Указ. работа, стр. 38, 30, рис. Д.

⁹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, М.—Л., 1948, рис. 51 в; Скульптура и живопись древнего Пянджикента, М., 1959, табл. XVII.

Железные изделия. Самое большое место среди изделий из железа принадлежит оружию — кинжалам, наконечникам стрел и деталям вооружения, конской сбруе, щитам и пр. Предметов бытового характера (гвозди, лопаточка, застежки, запор дверной) обнаружено мало. Из шести наконечников стрел, найденных в 1959 г., пять обнаружено в святилище и храме и только один — на территории двора. Все они весьма различны по величине и форме. Так, трехперые с черешком облегчены выемом, один — вплоть до ударного конца, а другой — примерно на $2/3$ длины. Причем у первой — сужение грани идет по прямой, а у второй — образует овалоконическую форму ударного конца. Длина наконечников — 4,5—5,5 см. Три наконечника трехгранные, массивные, с черешками. Их длина — 5,5, 4,6, 2 см. Длинные наконечники имеют овалоконическую форму, а маленький — пирамидальный ударный конец, обозначенный резким переломом, примерно с $2/3$ длины. Такое разнообразие формы для одного времени — явление закономерное, так как наконечники стрел варьировались в зависимости от назначения. Это прослеживается по этнографическим материалам и археологическим данным¹⁰.

Датируются стрелы VII—VIII вв., что подтверждается и многочисленными аналогиями¹¹. Особняком стоит вильчатая стрела¹², найденная в святилище. По виду она напоминает круто согнутый месяц, на спине которого выступает черешок. Рога месяца заострены. Видимо, такого рода стрелы имели какое-то специальное назначение. Хронологический их диапазон, как удалось установить В. А. Ранову, довольно широк. Им обнаружен вильчатый наконечник античного времени, а раскопки В. И. Спришевского дали литейную форму такого наконечника, датированную эпохой бронзы. О вильчатых стрелах есть сведения более близкие

---

¹⁰ Д. Н. Анучин. О древнем луке и стрелах, Труды археологического съезда в Тифлисе в 1881 г., М., 1887, стр. 411; Б. Э. Петри. Орнамент кудинских бурят, Сборник музея АЭ, т. V, вып. 1, 1918, стр. 6, 223.

¹¹ О. В. Обельченко. Лявандакский могильник, ИМКУз АН УзССР, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 141, 142, 143, рис. 10; Л. Р. Кызласов. Указ. работа, стр. 215, рис. 44 (8); Л. П. Зяблин. Указ. работа, стр. 49, рис. 22 (2, 4); А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок древнего городища Пянджикент, МИА, М., 1958, стр. 157, рис. 36 (10, 11, 12, 13); М. Г. Мошкова. О раннесарматских втульчатых стрелах, КСИИМК, 1962, стр. 77—80. Автор отмечает до 19 типов стрел на отрезке от IV до II вв. до н. э. Для более коротких хронологических периодов фиксируется употребление 7—8 типов.

¹² Определение сделано Б. А. Литвинским, который указал и на древнее происхождение этой формы. Изображение двурогой стрелы в наскальной живописи см.: В. А. Ранов. Наскальные рисунки у кишлака Лянгар, Известия АН ТаджССР, Сталинабад, 1960, стр. 30, рис. 6; Литейная форма в поселении эпохи бронзы (Чуст), История УзССР, т. I, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 30; Б. А. Литвинский. Среднеазиатские железные наконечники стрел, СА, № 2, 1965, стр. 75—90.

к нашим по времени — это описание охоты Бахрам-Гура в «Уюи-аль-ахбар» (Ибн-Кутейба, 828—889).

Сцена эта, послужившая сюжетом для ряда произведений поэзии и прикладного искусства, донесла до нас не только аромат эпохи, но и познакомила с вещным миром, окружавшим героев. Бахрам-Гур со своей своеобразной спутницей едет на охоту, вооруженный луком и стрелами, среди которых отмечается и наличие двурогой стрелы с особым названием, переводимым, как «срезень»¹³.

В ответ на вызов Азаде Бахрам-Гур этой стрелой срезает рога с головы самца газели. Так устанавливается одно из возможных применений двурогой стрелы, найденной на полу храма в Куве.

Кинжалы. Обнаружено три коротких кинжала в фрагментарном состоянии. Только один из них — двулезвийный. Длина его от рукоятки до конца 16—17 см, ширина — 4 см. Рукоять не сохранилась. Ширина однолезвийных кинжалов различна — от 2,5 до 1 см, толщина спинки — от 0,7 до 0,3 см. Длину установить не удалось.

По двум сохранившимся экземплярам можно сделать вывод, что кинжалы не имели перекрестий, конструктивно связанных с лезвием. Археологический и иконографический материал позволяет предположить деревянную рукоятку с упором. Найденные кинжалы, исходя из аналогий и всего комплекса археологических материалов, можно датировать VII—VIII вв.¹⁴ Часть найденных лезвий принадлежит кривым ножам.

Кроме этих двух групп изделий, встречались детали конской сбруи — удила, фрагменты стремени, кольца для упряжи; вооружения — детали украшения и крепления щита в виде ромбовидной пластинки, прикреплявшейся к дереву с помощью штыря с полусферической шляпкой; штыри, гвозди и костыли, шилья, застежки, обоймы-обкладки. Железо, из которого изготовлены найденные предметы, имеет естественные примеси в виде незначительного процента кремния, цинка и алюминия. В некоторых случаях отмечены примеси марганца (вильчатый наконечник), что свидетельствует о желании придать прочность и твердость предмету¹⁵.

Бронза. Основную часть находок составляют нашивки-розетки, пуговицы и бубенчики.

¹³ М. М. Гирс. Бахрам-Гур и невольница, Известия ГАИМК, Л., 1927, стр. 359—361.

¹⁴ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии, МИА, М., 1952, стр. 112, рис. 68; стр. 111, рис. 67; О. В. Обельченко. Указ. работа, стр. 140, табл. 10, рис. 8—12, 14, 16. Автор отмечает появление мечей без наверший и перекрестий в I в. н. э., Указ. работа, стр. 134.

¹⁵ Качественный химический анализ произведен в лаборатории археологической технологии Института истории и археологии АН УзССР аналитиком Л. И. Ждановой при консультации Н. С. Гражданкиной.

Бубенчики (8 экз.) сделаны из двух полусфер, спаянных по шву. Внутри вложен круглый кусочек меди. В верхней части бубенчика заметна выступающая площадка, на которой закреплено плоское ушко или круглая петля для подвешивания. На некоторых фрагментах остались следы позолоты. Бубенчики имеют диаметр от 2,8 см до 1,9 см. Один бубенчик совсем маленький (высота — 1,5 см) имел миндалевидную форму. Их культовое назначение не вызывает сомнений. Все бубенчики сделаны из бронзы, иногда с золотом. Последнее добавлялось, видимо, для лучшего звучания¹⁶.

Бубенцы и колокольчики — обязательная принадлежность набора ритуальных предметов, среди которых барабан-дамару, важдра-перун (скипетр из пересекающихся молний), зеркало для освещения воды, чаша из черепа для жертвоприношений, трехгранный магический нож grigug и т. д.¹⁷ Бубенцы, барабан и раковины служили для изгнания и предупреждения злых духов.

Бубенцы и колокольчики — обязательная деталь одежды, украшений и жертвенников в росписях Балалык-тепе, Варахши и Пянджикента¹⁸. Их звон должен был выполнять роль оберега и на пирах. Так, в «Шах Наме» при описании свадьбы Залы и Рудабе имеются такие строчки: «Велел раскрыть завесу старый Сам, велел звонить звонкам и бубенцам».

С этой же целью и в ножки серебряных кубков заделывались кусочки металла, издававшие мелодичный звон¹⁹.

Пуговицы. Они изготавливались в виде полусферы, с петлей внутри. Иногда эти полусферы спаивались по 3—4 штуки. Тогда петля припаивалась в месте стыка.

Скобочки. Несомкнутые скобочки из узких полосок 0,6—0,4 см применялись для украшения и скрепления каких-либо деревянных или кожаных деталей. **Гвозди** (1 экз.). Длина гвоздя — 2,1 см, шляпка сделана в виде каплевидного утолщения. Найден гвоздик под фрагментами скульптуры лошади. **Шило.** У него загнутый конец, длина — 6 см, сечение — 2,5 мм.

Ювелирные изделия. **Колечко** — 1,8 см с прямоугольным щитком, в который вписана слаборельефная четырехлепестковая розетка.

---

¹⁶ Анализ сделан в лаборатории Института археологии АН УзССР аналитиком Л. И. Ждановой.

¹⁷ А. Gogdon. Указ. работа; Б. А. Куфтин. Указ. работа, стр. 27.

¹⁸ В. А. Шишкин. Варахша, Труды АН УзССР, вып. III, Ташкент, 1956, рис. 6; Живопись древнего Пянджикента, табл. XXIII; Л. И. Альбаум, Балалык-тепе, Указ. работа, стр. 188, рис. 109, и др.

¹⁹ К. В. Тревер. Сасанидский серебряный кубок из Урсдонского ущелья в Северной Осетии, ТОВЭ, т. IV, Л., 1947, стр. 120.

Серьги круглые с подвеской в виде столбика²⁰. Серьги круглые несомкнутые из проволоки с напаянными шариками (из погребения X—XI вв.).

Нашивки в виде трех и четырехлепестковых розеток с выпуклыми лепестками и сердцевинкой.

Бусы. Из находок этого рода наиболее многочисленную группу представляют раковины каури (*Surgaea moneta* — Индийский океан) со срезанной и целой спинкой. Все каури имеют отверстие для проноса на узком конце. Найдено со срезанной спинкой 7 штук, целых — 10 штук. Их размеры по длине колеблются от 2,1 до 1,4 см. Эти раковины имеют широкий ареал и в качестве амулета известны с древнейших времен²¹. На месте своего происхождения они употреблялись в качестве денежных знаков. Кроме того, обнаружено небольшое количество бус из камня. Их минералогические определения сделаны О. И. Исламовым.

Хрусталь. Две крупные округлосфероидальные бусины из слабопрозрачного хрусталя. Они имеют внутри изломы, мерцающие отраженным светом. Канал прямой и довольно большой. Диаметры бусин: крупной — 1,2 см, малой — 1,6 см.

Мраморовидный оникс и мрамор. Встретились три крупные неправильноокруглые бусины из белорозовых галек с широким каналом, имеющим с одного конца воронкообразное расширение²².

Сердолик. Он представлен в двух бусинах: одна непрозрачная, желто-красного цвета, уплощенная, с заovalенными краями. Ее диаметр — 1,8 см. Другая — прозрачная красновато-оранжевого цвета, округлая, диаметром 0,5 см.

Камни-вставки для перстней (?). Они изготовлены из прозрачного хрусталя в форме полусферы, диаметром — 1,8 см; из желтовато-зеленого изумруда (определен Н. С. Гражданкиной, как низший сорт). Форма прямоугольная. Края обработаны на косую грань. Размеры: 1,6 × 1,8 × 0,6 см. Форма, приданная камням, характерна для ювелирной техники древнего Востока²³.

Стекло — 4 бусинки-трубочки, составленные из трех и четырех правильно округлых бусин. Они сделаны из непрозрачной желтовато-

²⁰ Эти серьги датируются VII—VIII вв., см.: Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния южной Сибири и Монголии, М., МИА, 1952, стр. 106, рис. 62; Б. А. Латын и н. Некоторые итоги работ Ферганской экспедиции 1934 г.; Археологический сборник, вып. 3, Л., Изд-во Государственного Эрмитажа, 1961, стр. 158.

²¹ Находки таких бус отмечены С. А. Трудновской в древнем Хорезме; см.: С. А. Трудновская. Украшения позднеантичного Хорезма, Труды Хорезмской археологической экспедиции, т. I, М., 1952, стр. 125.

²² Г. Г. Леммлейн. Техника сверления каменных бус из раскопок на Кавказе, КСИИМК, вып. XVIII, 1947, стр. 20.

²³ Г. Г. Леммлейн. Минералогические сведения Бируни, в сб.: «Бируни», М.—Л., 1960, стр. 120—121.

белой пасты. Сильно ирризованы, длина—2,3, 1,2, 0,9 см, диаметр—0,5 см.

Граненая бусина в форме кубооктаэдра из зеленоватой непрозрачной массы, диаметр—0,9 см. Бусинка такой же формы—из желтой пасты. Граненая, в форме прямоугольного параллелепипеда, из белой пасты, размеры—0,7 × 0,6 × 0,4 см. Круглая—из белой пасты, диаметр—0,6 см.

Бусы из стекла и камня широко известны в Средней Азии (Хорезм I в. н. э., Балалык-тепе, Пянджикент). Их формы разнообразны и даже причудливы. В некоторых случаях они применялись в качестве символов и берегов. Известно, что драгоценным и полудрагоценным камням приписывались различные чудесные свойства. Так, сердолику и бирюзе, наиболее часто встречающимся в находках, и по сей день популярных у народов Средней Азии, приписывается способность приносить благоденствие, счастье, изгонять бедность, отгонять скорпионов, привлекать людей и т. д.²⁴

Изделия из камня. В числе находок была обнаружена, видимо, нижняя часть шара с отверстием для насадки черно-серого полированного камня типа базальта, служившая скорее всего на завершении жезла. Диаметр отверстия—1,8 см. Возможный диаметр шара—5 см.

Керамика. Обнаруженная в кирпичном завале на площади обоих помещений, она весьма фрагментарна и не может датировать храм²⁵. Небольшое количество фрагментов красноглиняной керамики, найденной на краю платформы святилища, не дало ни одной формы, за исключением цилиндрического сосуда диаметром 17 см со следами вращения на боковых стенках²⁶. Единственные целые формы—это курительные чашечки из сырой глины. Аналогия им есть в храме Ак-Бешима²⁷.

Находки скульптуры и предметов дают нам ориентиры для хронологических определений VII в. н. э. Наша датировка подтверждается и приемами строительной техники, присущими этому периоду (размеры кирпича, устройство субструкций, конструкция стен и перекрытий)²⁸, инвентарем, найденным на площади храма, святилища и двора, и уточ-

---

²⁴ А. А. Семенов. Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качество и значение некоторых благородных камней и минералов, «Мир Ислама», т. 1, № 3, 1912, стр. 312, 320. Бируни скептически относился к суевериям, связанным с пошением камней, см.: Г. Г. Лемлейн. Указ работа, стр. 124—125.

²⁵ В. А. Булатова. Указ. работа, стр. 243.

²⁶ Подобный сосуд был найден в комнате 8, см.: гл II.

²⁷ Л. Р. Кызласов. Указ. работа, стр. 210, рис. 40 (8—9).

²⁸ В. Л. Воронина. Древняя строительная техника Средней Азии, «Архитектурное наследство», 1953, № 3, стр. 3—10; Л. Р. Кызласов. Указ. работа, стр. 193—195; С. Г. Хмельницкий. Опыт реконструкции буддийского храма, Труды КАЭ, стр. 249—251; Л. П. Зяблин. Указ. работа, стр. 27—35.

няется материалами жилого комплекса, где совокупность нумизматических находок и керамики позволяет говорить о последней четверти VII в.

Скульптура. Обнаруженные в Кувинском храме фрагменты монументальной скульптуры и остатки настенной живописи свидетельствуют о том, что древний зодчий нашел выражение своей идеи храма как жилища божества и места поклонения ему в синтезе трех искусств — живописи, скульптуры и архитектуры. Подобное решение задачи характерно для зрелой архитектуры Средней Азии в периоды античности и раннего средневековья.

Характер скульптурных находок не оставляет сомнений в том, что здесь был буддийский храм. Как ни фрагментарны сохранившиеся остатки статуй, пострадавших от пожара и от варварства бесчинствовавших завоевателей, все же их достаточно, чтобы определить местонахождение, реконструировать облик и окраску и провести сравнительный анализ.

Начнем с платформы: на ней была расчищена статуя гигантского Будды (она в 2 раза больше натуральной величины человека). Сохранились голова, плечи и правая рука. На его голове (30 × 40 см) можно различить часть прически в виде крутых завитков-спиралек со следами диадемы. Сама диадема в виде ленты из прямоугольных звеньев с остатками голубой краски была найдена возле головы. Это канонизированный образ Будды — застывшее, отрешенное от всего земного лицо, плавные полукружия бровей над слегка удлиненными глазами, полуприкрытыми веками. Чувственные губы приоткрыты в холодной полуулыбке. Над верхней губой тонкие короткие усы. На его лбу по центру расположен третий глаз, причем в горизонтальном положении. Эти подробности отличают местного Будду от его индийских и восточно-туркестанских прототипов, где третий глаз — признак всеобъемлющей мудрости — обычно изображается в вертикальном положении²⁹. Плечи и сохранившаяся правая рука покрыты украшениями — перевязь с голубыми цветами и браслеты с причудливыми розетками. Это, видимо, знаки княжеского достоинства — атрибуты благостных богов.

У западного края платформы найдены локоть и пальцы рук. больших размеров — видимо, от этой же статуи. Там же обнаружены кусочки с изображением складок одежды, окрашенных голубой краской, розетки из «драгоценных камней» и цветов, декоративные узлы, продолговатые и округлые листочки с хорошо проработанными в рельефе про-

---

²⁹ A. Stein, *Ancient Khotan*, VII, Oxford, p. 279, tb. 60—61; A. Coomaraswamy, *History of Indian and Indonesian Art*, London—New York, 1927; fig. 266; A. Grunvedel, *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*, Leipzig, 1900, s. 45, 62, fig. 48; A. Lecoq, *Die Buddhistische Spätantike in Mittelasien*, I t., Plastik, Berlin, MDCCCXXXII, taf. 3.

жилками. На листочках сохранились следы белой краски. Найден и фрагмент аканта с остатками красной краски в углублениях прожилок.

У западного выступа платформы, ближе к суфе было расчищено скульптурное изображение женщины, правда, очень разрушенное. Сохранилось лишь лицо с частью прически и фрагменты одежды — очень длинные складки нижней части с подхватом на талии (что-то вроде греческой туники).

Женская голова выполнена в натуральную величину и принадлежит, очевидно, богине Шри-Деве. У нее очень изящный овал лица, удлиненные открытые глаза, осененные дугами бровей, тонкий туповатый нос, красиво очерченный маленький рот с пухлыми губами. Лицо тонировано кремво-желтой краской под цвет кожи. В уголке левого глаза сохранились следы голубой краски. Зрачок скульптурно не выражен — глаза были раскрашены. На голове диадема в виде гладкого обруча с поднимающимися вверх, детально проработанными эгретами из драгоценных камней. На лбу челочка из локонов, разделенных посередине пробором. Общим характером эти локоны напоминают прическу и убор арфистки с Айртамского фриза. Не хватает только стрелки посередине лба, делящей закручивающиеся навстречу друг другу завитки. Возле уха на щеку опускается прядь волос — характерная деталь прически многих мужских и женских персонажей в живописи Пянджикента и Балык-тепе³⁰.

Возле юго-западного выступа собраны фрагменты скульптурного изображения — скальпа льва или тигра — морда с усами, условно изображенными дырочками, его лапа и части шкуры, собранной в складки.

С восточной стороны платформы на полу обнаружена нижняя часть статуи человека, облаченная в ткань, задрапированную возле бедер и многочисленными складками ниспадавшую к ногам. Форма складок и драпировок, их пластическое выражение нам знакомы по буддийской скульптуре Индии и Восточного Туркестана. Лицевая часть статуи, видимо, была под воздействием огня и не сохранила росписи. Зато на спине, прилегающей к полу и поэтому пощаженной пожаром, сохранились следы окраски. Слаборельефные складки одежды окрашены в желтый цвет. Верхняя часть фрагмента несет желтые и черные полосы по белому фону. Там же обнаружены фрагменты торса с голубой окраской. Интересна объемная львиная голова, напоминающая человеческое лицо — лишь строение черепа, заостренные уши и своеобразно трактованный плоский нос выдают в ней морду зверя. Этот добродушный портрет «царя зверей» свидетельствует о малом знакомстве художника с натурой.

Как уже упоминалось, северный край платформы был смыт. На сохранившейся части уцелели только торс бодисатвы и фрагменты его

---

³⁰ Живопись древнего Пянджикента, М., 1954, табл. XXXIII, XXXIV; Л. И. Альба у м. Балалык-тепе, Ташкент, 1960, рис. 98, 100, 102, 104 и др.

одежды (складки) голубой окраски, а также две руки с драпированными рукавами. Большое количество фрагментов скульптуры обнаружено вдоль западной и южной суф. У западной суфы в части, находящейся напротив платформы, были обнаружены фрагменты рук и ног, голова дева (глаз и подбородок), ступня маленькой ноги, детали украшений, мужской торс (в 2 раза меньше натуральной величины) со следами ожерелья из прямоугольных бус на груди. Спина разрушена. Возле торса найдена рука того же размера. На внутренней стороне локтевого сгиба прикреплен примитивно вылепленный череп. Скульптура обгорела, но кое-где сохранились следы голубой окраски на белой подгрунтовке.

В западной части храма суфа сужается до 28 см. Возможно, что скульптура малого масштаба размещалась в фризе над суфой и представляла собой шествие танцоров и гирляндоносцев. Фрагменты статуй большого масштаба, встречающиеся в завале вдоль суфы, попали сюда, очевидно, при разрушении скульптурной группы на центральной платформе храма.

В юго-западном углу, где суфа расширяется до 90 см, имеются две ниши по 1,7 м шириной, разделенные пилястрой (0,51 м). Глубина ниш колеблется в пределах от 0,45 до 0,25 м, что, по-видимому, зависело от положения размещенных в них статуй. Статуи сохранились только в своих нижних частях (0,10—0,15 м). На этих остатках кое-где видны следы позолоты. К суфе почти на оси ниш примыкает небольшая ступенька, очевидно, для коленопреклонений или жертвоприношений богомольцев. На суфе лежало множество скульптурных деталей: пряди волос, ухо, глаз с зрачком, инкрустированным черным и белым камнем, кисти рук и ног, стопа, пальцы, складки одежды с позолотой и синей окраской, бант с пряжкой, кисть руки с браслетом, миниатюрные условно трактованные черепа, округлые и продолговатые листья с нарезкой по краям и прожилками.

На полу в промежутке между суфой и ступенькой лежала груда обломков, среди которых была голова (в натуральную величину) женского божества с венцом из черепов (два *in situ*) на вздыбленных волосах и несколько миниатюрных черепов, видимо, упавших с прически или ожерелья. На лице заметна черная краска, позолота покрывает гневно сдвинутые брови (левая половина головы не сохранилась). Под головой лежал женский торс (в 2 раза меньше натуральной величины). Торс сохранился сравнительно хорошо — грациозно изогнутое тело обнажено, на шее ожерелье из крупных прямоугольных бус. Эта фигура под пару мужскому торсу того же масштаба, найденному ранее.

На ступенях под фрагментом архивольта обнаружены, видимо, votивные, позолоченные палочки и завитушки³¹ на овальном блюдецке из

³¹ Antoinette Gordon. Tibetan religions art, New York, 1952; Имеется упоминание о votивных таблетках из позолоченной или посеребрянной глины.

сырой глины. Севернее расчищено скопление фрагментов скульптуры из глины. Среди них — маска льва, лапы и шкура, задрапированная складками.

Маска льва сделана в плоском рельефе с выступающими заостренными ушами и носом. Усы изображены маленькими дырочками, а на уши нанесены прожилки, как на древесных листьях. Маска покрыта кремво-белой краской (возможно, это подслон), а уши темно-зеленой. Фрагменты львиной шкуры также несут следы белой, отщелушивающейся краски, из-под которой выступает голубая. Шкура льва с растянутыми лапами или была украшением престола или плащом какого-то божества³².

Голубой бант-узел, часть торса с цветочной гирляндой, жезл, увитый цветами — все эти детали говорят о наличии какого-то благостного божества. Возможно, что ниши занимало одно божество в двух своих ипостасях и такие детали, как львиная шкура, черепа, черная голова с венцом из черепов, являлись атрибутами его гневного проявления.

На южной суфе и возле нее на полу было обнаружено большое количество мелких деталей и крупных обломков статуй. Среди них: темно-голубой торс с перевязью и бубенчиками, нога, рука и голова гневного божества с вздыбленными волосами, на которой помещался венец из черепов — от них остались лишь небольшие овальные площадочки.

Находки миниатюрных глиняных черепов многочисленны. Все они, конечно, имели свое место в ожерельях, венцах и браслетах богов — защитников веры — и устрашали еретиков и грешников.

Голова божества сохранилась почти полностью — утрачена только нижняя ее часть. Это очень эмоциональный образ, выполненный с достаточным мастерством, брови сдвинуты, над переносцем глубоко врезанные складки, глаза широко открыты и пристальный взгляд их как будто устремлен на какого-то врага. Напряженность взгляда подчеркнута и пластической проработкой верхнего и нижнего века. Ноздри носа божества с утонченным, как бы вдавленным переносцем, гневно раздуваются. Широко раскрыт рот и губы словно бы растянуты в яростном вопле.

Неподалеку от суфы найдена миниатюрная кисть руки с тонко моделированными пальцами, держащая кубок. Кубок с каннелюрованным корпусом очень похож на те кубки, которые держали женские персонажи на росписях Балалык-тепе³³.

На суфе возле пилонна была найдена объемная голова льва (верхняя часть). Очень важна находка фрагмента архивольта с уцелевшей

³² Она могла быть на чреслах или плечах, как это можно видеть у Шивы из Дандан-Уйлика или у Дхармараджи; см: A. Stein, *Ancient... cit. op. tab. LX; A. Grunvedel. p. 45. fig. 33.*

³³ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 179, рис. 132.

росписью — на светло-желтом или кремовом фоне голубые круги диаметром 12 см. Возможно, таким было оформление ниши со статуями.

На этой же южной суфе, но уже к востоку от пилона, среди угля и фрагментов скульптуры была расчищена великолепная голова воина Мары — самая сохранившаяся из всех скульптур, найденных в храме. Дефекты коснулись переносья, левого глаза и лобной части с прической. Четко выражены надбровные бугры, брови намечены насечками. Усилия выразительность взгляда, художник прибегает к такой лепке глаза, когда глазное яблоко интенсивно выпячено — оно как бы выкатывается из орбит. Его видимой поверхности придана форма сферического цилиндра, на дне которого четко вырезан зрачок.

С необычайным реализмом вылеплена эта голова с дико вытаращенными глазами, курносый подвижный носом, перекошенным в едкой усмешке большим ртом с кривыми зубами. Злорадное воодушевление написано на лице демона. Видимо, он вторит Маре, выкрикивая глумливые реплики в адрес устоявшего от соблазна Будды. Окраска лица не сохранилась, но по остаткам видно, что губы были окрашены в желтый цвет, а само лицо покрыто темно-синей краской (высота лица физиономическая 22 см, ширина скуловая 12 см).

Под грудой угля и фрагментов скульптуры, прижатая к суфе, лежала правая половина лица (в 2 раза меньше натуральной величины), выполненная в барельефе. Округлый овал, припухшие веки опущены так, что почти закрывают глаза. Над верхней губой небольшие усики. Все лицо тонировано кремовой краской, веки подкрашены красной, а усы и брови — черной. Все это свидетельствует о том, что перед нами монголоидный антропологический тип, характерный для росписей и барельефов Восточного Туркестана. Возможно, эта была фигура донатора, на что указывает и малый ее объем.

Отрезок южной суфы от западной стены до пилона был дважды нарушен впускными мусульманскими захоронениями X—XI вв. Засыпка могильных ям содержит также массу скульптурных фрагментов.

От пилона суфа продолжается до входа. На ее краю сделано углубление для очага, где по-видимому, зажигали курительные свечи и светильники. Там был обнаружен толстый слой мягкой золы с фрагментами сыроглиняных чашечек ручной лепки.

Здесь же был вкопан хум (диаметр нижней его части — 60 см) или большая корчага для воды. В ней тоже лежали фрагменты скульптуры.

Яма обложена в один ряд сырцовым кирпичом плашмя (кирпич размером 41 × 21 × 9; 41 × 22 × 8 см. Глубина ямы — 42 см).

Возле хума обнаружена голова архата. От нее сохранились фрагменты прически и верхняя часть лица. Крутые локоны-спиральки покрывают голову. Лоб наборожден продольно изогнутыми морщинками. Взгляд устремлен вверх не то в раздумье, не то в молитвенном экстазе.

Глаза с углубленными зрачками отличаются прекрасной объемной лепкой.

Входная часть загромождена углем от деревянного перекрытия и кусками штукатурки. В этом завале обнаружены обломки скульптуры: кисть руки, пальцы, бубенцы, розетки — синие лепестки и белая сердцевина, верхняя часть головы, где сохранились широко открытые глаза с зрачком, короткий мясистый нос с круто вырезанными ноздрями.

Восточнее входа расчищен небольшой отрезок стены, где, видимо, были ниши со статуями. Возле этой стены обнаружены мужской торс и отдельные части тела, львиная маска и большое количество фрагментов львиной шкуры.

Торс (в натуральную величину) окрашен темно-голубой краской. Грудь перекрещена перевязью кремового цвета с подвешенными к ней колокольчиками такого же цвета с синими язычками. Скрещение перевязи украшено круглой розеткой, окруженной перлами. Скульптурно выявлена стройность стана и его физическая мощь.

Львиная маска (натуральная величина) сохранилась в своей верхней части — нос, усы, грива с частью задрاپированной шкуры. Трактована она так же, как и маска у западной стены.

Здесь же было найдено много украшений (розетки, бляшки) с позолотой. Позолота варьируется в оттенках. Например, в одной очень сложной розетке, окруженной растительным орнаментом, сочетаются красноватая и желтая позолота. Восточная стена и часть пола смыты и все, что находилось на этом участке, погибло. На этом заканчивается описание скульптурных находок в храме.

За пределами храма у входа также обнаружено немало скульптурных остатков. Видимо, скульптура располагалась здесь в пристенных нишах под айваном.

На завале южной стены храма, рухнувшей частично во двор, были найдены голова демона, аналогичная вышеописанной, часть живота аскета со складками иссохшей кожи (на животе заметны остатки красной краски), складки одежды, пальцы и кисть руки. Там же были обнаружены плоские куски со следами голубой и фишашковой красок (может быть, стенная штукатурка).

Расчищены также фрагменты статуй заседланных лошадей и сопровождавших их воинов. Удалось зафиксировать, что в обоих случаях лошади были сброшены так, что их седла лежали симметрично по обе стороны завала. Наиболее сохранившейся оказалась скульптура с западной стороны³⁴.

³⁴ Описание лошади и воина см.: В. А. Булатова. Буддийский храм VII в. в Куве, «Советская археология», 1960, № 3, стр. 249—250. В этой статье рассказывается о выступающем с юга пилоне. Дальнейшие исследования показали, что это не пилон, а завал южной стены.

С восточной стороны расчищено второе седло, фрагменты сбруи и тела лошади и нижняя часть кафтана с гофрами второго воина. На его левом бедре сохранился живописно драпированный бант или шарф-перевязь и остатки меча (?); на правом — какая-то деталь в виде полусферы. От нее вниз опускаются два ремешка или пластинки, на которых очевидно, закреплялось оружие³⁵. Фигура всадника была объемной, так как гофры кафтана повторяются и на спине. Но если в передней части гофры доходят до талии, то сзади — они только на нижней части кафтана. Одежда покрыта орнаментом по общему охристому тону (на белом подслое). Орнамент представляет собой равномерно распределенные на ткани треугольники, обращенные вершинами друг к другу, с пальметтой внутри. Контуры треугольников и рисунка сделаны черной краской, фон внутри голубой, розетки выполнены охрой. По подолу кафтана орнамент идет полосой, состоящей из сомкнутых кругов. Промежутки между ними как внизу, так и вверху, заполнены треугольниками, аналогичными вышеописанным. Круги составлены из перлов светло-кремового цвета на черной полосе. Внутренний круг — светлая охра и в нем следы, по-видимому, розетки голубого цвета. Таким образом, у нас есть полное представление о кафтане, выполненном из плотной, богато орнаментированной ткани и имеющем характерный правосторонний отворот. Кафтаны и ткани подобного типа известны нам по стенным росписям Варахши, Пянджикента и Балалык-тепе.

Возле входа, загораживая его по диагонали, ничком лежала великолепная глиняная статуя (в 2,5 раза больше натуральной величины) поверженного божества. После расчистки выяснилось, что завоеватели, стащив ее с места и бросив у входа в храм, пытались разрушить ударами булыжников, которых оказалось очень много возле статуи.

Большой урон целостности статуи нанесли также впускные мусульманские погребения, сделанные в X—XI вв. Погребения разрушили спину, грудь и руки божества. Статуя, вероятно, стояла у входа в храм и святилище. Нижняя часть ее не сохранилась, торс сильно разрушен. Уцелели только правое бедро и часть живота. По сохранившимся деталям видно, что фигура в нижней своей части была задрапирована в легкие одежды, а обнаженный торс украшен перевязью с бубенчиками. Живописные складки ткани повторяют изгибы тела, искусно передавая его объем и движение. Голова божества с широко расставленными глазами, обрамленная ниспадающими локонами черных волос, сливающимися с бородой, была повернута навстречу идущим в храм.

---

³⁵ Это наборный пояс воина, на котором закреплялись оружие, и ряд предметов, необходимых в походе, см.: В. И. Распопова. Поясной набор согдийского воина VII—VIII вв., СА, 1965, № 4, стр. 78—91. Деталь пояса в виде полусферы (может быть, чаша) хорошо видна на росписях VII в. из Афрасиаба.

Ее украшал венец-повязка с цветами и стилизованным черепом над лбом. Смелая лепка лица и особенно выразительность глаз поражают высоким мастерством и великолепным знанием не только анатомии, но и приемов эмоционального воздействия.

На статуе сохранились кое-где следы окраски. Так, брови и подглазья были позолочены, сам глаз расписан белой и голубой краской, зрачок углублен. Борода и волосы черные, а венец на голове сохранил следы темно-голубой краски. Венец завершал стилизованный череп, в глазницах которого сохранилась красная, а в носовой впадине черная краска. Вместо нижней части у черепа была черная «бахрома», спускающаяся полукругом на лоб статуи. Прототипом этого божества мог быть один из богов — покровителей четырех стран света.

На полу святилища под слоем завала кирпича-сырца, среди сгоревших балок, жердей, камыша и обожженной земли, также встречаются фрагменты скульптуры и лепные детали, видимо, украшавшие стены и потолок помещения. Многочисленные находки носят все тот же характер, что и в храме. Однако крупных скульптур здесь нет, отсутствуют наклепные пальметты и капительки, которые в большом количестве встречались на площади храма. Очевидно, интерьер этого помещения решался иначе. Здесь заметно преобладание наклепных розеток, цветов лотоса и листьев с различной окраской. Диаметр их — 8 см, толщина — 1,5 см. Лотос из 8 лепестков с сильно выступающей сердцевинкой окружен семью отдельными лепестками или листьями сплюснутоовоидальной формы. Лепестки цветка окрашены то в голубой цвет, то позолочены. Сердцевинка также позолочена, а лепестки по внешнему кругу окрашены зеленой краской. Иногда соотношения менялись и позолотой покрывались внешние лепестки.

У южной стены платформы реликвария на полу найдены фрагменты птичьей лапы на шаре, синий бубенчик с позолотой, миниатюрной руки, сжимающей что-то и торс танцора (в 5 раз меньше натуральной величины) в развевающейся юбочке, закрепленной пояском на талии. На его груди остатки перевязи с бубенчиками. Там же обнаружены три глиняных стилизованных черепа. Один несколько крупнее остальных (высота 10 см, скуловой диаметр 8 см). У него проработаны височные впадины, хорошо переданы зубы верхней челюсти, глазницы и даже намечены скулы.

На полу у лесенки, ведущей на платформу реликвария, расчищены три фрагмента ног гигантского Будды. Один кусок — часть колена, а два других — бедро с остатками одежды и цветочной гирлянды. На них следы темно-голубой краски. Здесь же обнаружены огромные темно-голубые пальцы руки с кремовыми ногтями.

Возле этих фрагментов найдены отдельно лежащие голубые цветы, остатки штукатурки с белой, синей, голубой, красной и золотой

краской и скопление треугольных в сечении деталей, напоминающих не то язычки пламени, не то пряди волос. Они окрашены продольными белыми и охристыми полосками. В росписях Туркестана встречаются персонажи из свиты Мары, у которых волосы в виде подобных полосатых язычков ореолом окружают лицо³⁶. Полную аналогию с ними можно видеть в нимбе Ганеши, где полосатые язычки чередуются правильным рядом вокруг головы по форме и цвету, являясь подобием кувинских³⁷.

На этом, собственно, и исчерпываются находки скульптуры в святилище. Ноги Будды-Майтреи, по-видимому, здесь оказались случайно. Грабители-воины, как видно, в азарте разгрома растащили части фигур ненавистных им идолов по всем помещениям.

У входа в святилище остатков скульптуры не обнаружено.

Как уже упоминалось, скульптура кое-где сохранила следы краски — голубой, красной, синей, зеленой, белой, черной, золотой. В лаборатории удалось установить, что для красного цвета применялась охра красная, киноварь, для коричневого — охра темная, для голубого и синего — ляпис-лазурь³⁸, для зеленой — органическая краска, для позолоты — чистое золото, для белого цвета — алебастр³⁹.

Обнаруженная нами скульптура сильно испорчена огнем и разбита, может быть, специально, а может быть, при падении стен и перекрытий. Вся она сделана из глины с примесью большого количества самана путем многослойной лепки с многократной сушкой. Это способствовало прочности и долговечности такого хрупкого материала, как глина⁴⁰.

В качестве первоосновы для скульптора служил деревянный брусочек — круглый или граненый — небольшого сечения (2—3, 3—4 см), даже для статуй, превышающих натуральную величину. Брусочки закладывались в туловище не более двух, в конечности — по одному, в голове их вовсе не было, а для пальцев употреблялись камышинки.

³⁶ Экспозиция Эрмитажа «Росписи Восточного Туркестана».

³⁷ A. Grunvedel, *Alt buddistische Kultstätten in Chinesisch Turkestan*, Berlin, 1912, s. 184, fig. 510.

³⁸ Анализы произведены в лаборатории археологической технологии ИИА АН УзССР аналитиком Л. И. Ждановой.

³⁹ Ляпис-лазурь добывалась в Бадахшане. Из нее изготовлялся краситель. Рудники и производство красителя являлись государственной монополией, см.: М. Е. Массон. Из истории горной промышленности Таджикистана, Таджикско-Памирская экспедиция 1938 г. (материалы экспедиции), вып. XX, 1934, стр. 23—24; употребление лазурита фиксируется в росписях Пянджикента; см.: П. И. Костров. Техника живописи и консервации росписей древнего Пянджикента, в сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 163.

⁴⁰ См. о том же способе в древнем Хорезме.: М. А. Орлов. Реконструкция «Зала воинов» дворца III в. до н. э. Топрак-калы (Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг.), т. 1, М., 1952, стр. 45.

Эти брусочки и камышинки, очевидно, играли роль направляющей арматуры. Скреплялись они между собой шерстяными скрученными нитками. Брусочек же обвивался тонким жгутиком из травы, видимо, для лучшего сцепления с глиной. В качестве арматуры для выступающих деталей (складки одежды) применялся конский волос и шерсть овец⁴¹.

Головы статуй лепились и моделировались отдельно из той же глины с саманом. Потом они закреплялись на штыре, выступающем из туловища, и окончательно отделялись уже вместе с туловищем. Окончательная отделка состояла в покрытии статуи тонким слоем (1,5—2 см) пластичной глины. На этом слое художники прорабатывали все тончайшие детали — глаза, веки, губы, украшения. Кисти рук, стопы ног, складки одежды, локоны волос, розетки, наклепные украшения делались целиком из пластичной глины с добавкой конского волоса, а отдельные детали, очевидно, штамповались, просушивались, подвергались муфельному обжигу, а потом прикреплялись на место с помощью жидкой глины (локоны волос, цветы, листья, браслеты и ожерелья из выпуклых камней). В отдельных случаях применялась инкрустация. Например, на западной суфе у подножья статуи был найден глаз с инкрустированным зрачком. Вставка была сделана из белого и черного камня.

Как удалось установить по отдельным сохранившимся фрагментам, статуи раскрашивались, видимо, в соответствии с буддийскими канонами. Нам встречались статуи с телами и лицами, окрашенными в голубой, кремовый, синий и черный цвета. Для бровей и губ употреблялась черная, желтая и красная краски. Для отделки украшений в большом количестве применялась позолота разных оттенков. В одном случае, позолота была обнаружена вокруг глаз. Одежды окрашивали в основном в голубой, белый, кремовый цвета. Изредка встречается темно-зеленая и фисташковая окраска деталей — уши льва, листья, архитектурные тяги. Красная краска применялась во всем многообразии оттенков — от ярких, пурпурных до темных тонов. Она часто использовалась как подслой (охра).

Высокопластичный материал — глина, из которой сделаны все статуи, виртуозно использовался древними мастерами. Великолепное мастерство скульпторов проявляется в полной гармонии пропорций тела, в проработке складок одежды, мягко драпирующихся на теле, в тонкой моделировке лиц — то гневных, то бесстрастных, — в передаче

---

⁴¹ Аналогичный прием отмечен и в барельефных гирляндах в интерьере Топрак-калы, см.: М. Г. Воробьева. Техника внутренней отделки дворца Топрак-калы (Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1945—1948 гг.). т. 1, М., 1952, стр. 75—76.

различных этнических типов, в трактовке разнообразных причесок и мелких аксессуаров туалета — браслеты, ожерелья, диадемы, нашивки в виде бубенчиков, розеток и др. Все детали тела лепились на месте без помощи форм⁴². Проработка складок одежды, лица, пальцев рук и ног шла непосредственно на статуе и была объемной.

В большинстве своем крупные статуи делались свободно стоящими, а мелкие решались в барельефе и горельефе (танцовщицы, танцоры, гирляндоносцы, донаторы). Статуи божеств были, как правило, больше натуральной величины, статуи лошадей и воинов в натуральную величину. Все обнаруженные нами произведения древней скульптуры отличаются великолепным знанием анатомии, тщательностью отделки фигур, рассчитанных на круговое восприятие. Окраска для древних скульпторов являлась элементом, усиливающим уже созданное впечатление. Это касается не только деталей одежды и украшений, но прежде всего лица.

Следует указать на следующее обстоятельство: не у всех статуй проработаны скульптурно глаза. Так, на лицах Будды-Майтреи и богини Шри-Девы глаза оставлены, видимо, под роспись, тогда как глаза демонических персонажей или богов-защитников веры выражены скульптурными приемами (лепкой выявлена радужка, углублены зрачки, улавливаются приемы объемной передачи взгляда). Как видно, именно для устрашающих богов древние мастера прибегали к инкрустации глаз из черных и белых камней⁴³.

Различная пластическая передача глаз, в зависимости от характера божества, отмечается и в Восточном Туркестане⁴⁴.

Приемы лепки в храме Кувы обнаруживают наличие высокого мастерства и традиционных технических навыков, которые, видимо, передавались из поколения в поколение.

Если мы обратимся к более ранним памятникам скульптуры из глины, обнаруженным на территории Средней Азии, то познакомимся с истоками творческих заимствований и технических приемов. Айртам, Старая Ниса, Хорезм, Кара-тепе, Халчаян — вот сокровищницы народного гения, первооснова того богатства изобразительных средств и приемов, которые щедро и многообразно проявились в искусстве живописи, резьбы и вааяния раннесредневековой Средней Азии.

---

⁴² В. А. Булатова. Буддийский храм в Куве, «Советская археология», № 3, 1961, стр. 244.

⁴³ С. М. Дудин. Техника стенописи и скульптуры в древних буддийских пещерах и храмах Западного Китая, Петроград, 1917, МАЭ, стр. 81.

⁴⁴ С. Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг. СПб., 1914; P. Pelliot, *Toumchoug*, Paris, 1961, pl XXI, XXXII, XXXIX, f 81 и 82, pl. III, f. 130, pl LXVIII, f. 170 pl LXXIX, f. 190, 191 192, pl XCIII, f. 141.

Глиняная скульптура Нисы (II в. до н. э.), Халчаяна (рубеж н. э.), Топрак-калы (III в. н. э.) дают нам представление о художественных и технических приемах более раннего времени, чем наш памятник. Бактрия, Маргиана и Хорезм сохранили великолепные творения человеческого гения, где налицо самостоятельность и глубокая местная основа проявлений художественной культуры народов Средней Азии⁴⁵.

Мы с полным правом можем говорить о большом значении бактрийско-тохаристанского элемента, наряду с индийским и греко-римским, в формировании гандхарской школы ваяния.

Искусство II—I вв. до н. э. северных областей Парфии и Бактрии предстает перед нами не как «отблеск греко-римской цивилизации в периферийных культурах», а как яркое порождение собственной античной художественной культуры⁴⁶.

Несомненно, что нить преемственности не прерывалась. В раннефеодальном искусстве Средней Азии мы видим новый взлет творчества, выраженный все в том же синтезе монументальных искусств. Афрасиаб, Варахша, Пянджикент, Балалык-тепе, Ак-Бешим, Кува, Аджина-тепе дают нам достаточно полное представление о многообразии его проявлений — фреска, скульптура из глины, камня и дерева, резьба по ганчу, резьба по дереву, — вот тот основной перечень блестящих образцов творчества народов Средней Азии в преарабский период.

Общность стилевых признаков и технических приемов объединяет скульптуру храмов Кувы (Узбекистан) со скульптурой и живописью Бамиана, Гандхары и Айртама. Однако сходства с памятниками буддийского ваяния в Ак-Бешиме, кроме как в мелких аксессуарах, не наблюдается. В Ак-Бешиме настолько сильно выражен монгольский тип персонажей, что нет никаких сомнений в том, что художники или имели подобный прототип, или изображали знакомый им этнический тип: сильно монголизированное со скулами лицо, очень удлиненные узкие глаза и уши с оттянутыми мочками. Ничего подобного нет в Куве, где мы имеем дело со слегка тюркизированным согдийским типом. Все это является проявлением локальных черт в искусстве народов Средней Азии.

⁴⁵ Л. И. Ремпель. Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы, Труды ЮТАКЭ, т. 1, Ашхабад, 1949, стр. 355—367; Она же. Новые материалы к изучению древней скульптуры южной Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. 11, стр. 184—185; Г. А. Пугаченкова. К итогам полевых исследований искусствоведческой экспедиции 1961 г., ОНУ, 1963, стр. 56—57; Она же. Халчаян, Ташкент, 1966, стр. 261—265; М. Г. Воробьева. Техника внутренней отделки дворца Топрак-кала, ТХАЭ, т. 1, М., 1952, стр. 76—82.

⁴⁶ Г. А. Пугаченкова. Указ. работа, стр. 56—57; Она же. К проблеме искусства северной Парфии и северной Бактрии, ОНУ, № 6, 1964, стр. 51; Она же. Халчаян, стр. 265.

Сравнительно хорошее состояние скульптуры Кувинского храма, следы окраски, наличие специфических деталей-символов позволяют нам сделать предварительные предположения о замысле художника.

По местоположению находок, остаткам ступеней и ниш, по периметру храма можно предполагать, что статуи размещались в арочных нишах и на платформе в северном конце храмового зала.

Центральная композиция помещалась на платформе и состояла из главной статуи Будды, видимо, Майтреи, и сопровождающих его бодисатв или богов — хранителей веры. Майтрея был в центре, может быть, на львином троне «сингхасана», а на четырех угловых выступах стояла его свита.

По периметру храма развевалась целая скульптурная галерея, объединенная сюжетно. Возможно, это было обращение и искушение Будды.

По окраске и атрибутам наши находки (в какой-то мере определенные) можно подразделить на благостных богов, богов в их гневных проявлениях и демонов из войска Мары. Какие признаки дают нам возможность произвести подобную классификацию?

Буддийское искусство строго канонизировано. В образах богов абсолютно все имеет значение — жесты, одежда, предметы и цвет. Символика в большинстве своем имеет индийское происхождение, но она включает и символы локальные, которые, как и местные божества, вливаются в буддийский пантеон и утверждаются там⁴⁷.

Боги в их кротких проявлениях окрашены голубой, кремовой, белой и красной краской, одежды их — желтые, красные или голубые. Им присущи драгоценные украшения — княжеские венцы, запястья, ожерелья, перевязи с бубенцами, розетками, цветы.

Боги свирепые — это защитники веры. Они окрашены в темно-голубой, черный цвета, в их венцах и ожерельях — черепа, браслеты в виде змей, накидки и набедренные повязки из тигровых шкур, а волосы изображены в виде языков пламени.

Мара и его войско имеют черную и синюю окраску, устрашающие клыки и другие грозные атрибуты.

Две последние группы статуй выполняются, как правило, с большой экспрессией. Здесь над художником меньше довлеют строгие правила и он дает волю своей богатой фантазии. Видимо, все предписания

---

⁴⁷ A. Grunvedel. *Buddistische Kunst in Indien*, Berlin—Leipzig, 1920, стр. 39—45; A. Gordon, Указ. работа, стр. 51; Б. Куфтин. *Краткий обзор пантеона буддизма и ламаизма в связи с историей учения*, М., 1927, стр. 18—23; С. Ф. Ольденбург. *Материалы по буддийской иконографии*, сборник МАЭ АН СССР, вып. III, СПб., 1901; в IV, СПб., 1903.

канонов строго соблюдались только в отношении будд и бодисатв. Если художник нарушил их, он считался великим грешником⁴⁸.

Нами был опознан, как уже упоминалось выше, Будда-Майтрея, или Авалокитешвара. Его прическа из спиральных локонов, которые напоминают «рой золотых пчел», третий глаз на лбу, короткие усики, диадема, браслеты из драгоценностей, перевязь на груди, голубая окраска деталей вызывает ряд аналогий. Скульптура Гандхары, Хадды, Бамиана, Восточного Туркестана дает нам этот образ в самых различных модификациях⁴⁹.

Образ Шри-Девы — кроткой богини с богатой диадемой на голове — также имеет прототипы: синхронные в Индии, Восточном Туркестане, Афганистане и более древние — богиня-мать — в Средней Азии⁵⁰. Мелкая коропластика Средней Азии дает нам его или в местной, или в греко-бактрийской интерпретации⁵¹. К каким-то бодисатвам принадлежит раскопанный нами голубой торс с бубенцами на перевязи и нижняя часть туловища.

Яростные боги и демонические персонажи (головы с венцами из черепов) идентифицируются по ряду признаков, одна — с Манчжуши — богом просвещения в его гневном проявлении, другая — с Шри-Девы⁵². Возможно даже, что мы в данном случае имеем дело с двумя ее проявлениями. Объемная львиная голова могла принадлежать ее спутнице Симхравактре⁵³. Несколько голов демонического характера, видимо, принадлежат Мару и его свите. Эти персонажи, отличающиеся большой выразительностью и мастерством лепки, приближаются к гротеску. Впечатление от устрашающих лиц усиливается еще и окраской.

---

⁴⁸ Абу Райхан Бируни. Индия, г. II, Ташкент, 1963, стр. 137—138, 140; А. Грюнведель. Краткие заметки о буддийском искусстве в Турфане, ЗВРАО, т. XVIII, вып. 1, СПб., 1907, стр. 71; Б. А. Куфтин. Краткий обзор пантеона северного буддизма и ламаизма в связи с историей учения, М., 1927, стр. 18, 23; A. Stein. The ruins of Dandan. Uiliq. — стр. 279, pl. LX; A. Grunvedel, Mythologie ... стр. 45, рис. 33, стр. 62, рис. 48, стр. 70, рис. 56, стр. 66, рис. 52 и др.; A. Gordon, Указ. работа; Н. В. Дьяконова. Буддийские памятники Дунь-Хуана, ТОВЭ, Л. 1947, стр. 455—456.

⁴⁹ J. Hackin, L'oeuvre de la Delegation Archeologie que française en Afghanistan (1922—32), I Archeologie bouddique, Tokio, 1933, f. 45; A. Coomaraswamy History of Indian and Indonesian Art, London—New York, 1927, pl. 266; Lecoq von A., Die buddistische Spätantike in Mittelasien, I die Plastik, Berlin, 1922, taf. 2, 3; С. Ф. Ольденбург. Указ. работа; Pellio, P. cit. op. pl. XXI, XXXII

⁵⁰ Ф. А. Заславская. Богиня плодородия в коропластике Афраснаба кушанского времени, ИМКУ, вып. 1, Ташкент, 1959, стр. 22—60; Г. А. Пугаченкова. Маргианская богиня, СА, XXIX—XXX; 1959.

⁵¹ В. А. Мешкерис. Терракоты Самаркандского музея, Л., 1962, стр. 15—17, 22—25, рис. 1, 4, 5.

⁵² В. А. Булатова. Указ. работа, стр. 247.

⁵³ В. А. Куфтин. Указ. работа, стр. 55; A. Gordon. Указ. работа, стр. 35:

Имеются индийские прототипы этой галереи, но на создание данных образов, безусловно, повлияли местные божества хтонического цикла⁵⁴. Боги—защитники веры—своим устрашающим видом отпугивали людей от земных страстей и греха. Мара и его свита, как антиподы благостного Будды и воплощение всей мерзости греховной, должны были вызывать отвращение у верующих своим отталкивающим видом. Многочисленные и безобразные лица-маски, окрашенные в черные и темно-синие цвета, с клыками, торчащими изо рта, тела чудовищ, черепа и скелеты — вот окружение Мары. Что касается деталей — нагрудные ремни, браслеты, диадемы, ожерелья, розетки, прически, форма локонов, бубенчики, пальметты, капительки — то все они полностью совпадают не только с находками в буддийских храмах Индии, Средней Азии (Ак-Бешим, Кара-тепе, Аджина-тепе) и Восточного Туркестана⁵⁵, но и имеют аналогии в росписях Варахши, Пянджикента, Балалык-тепе.

Символика и стилистические признаки не оставляют сомнений в том, что Фергана была в орбите влияния буддизма.

Известные скульптурные произведения древности в Средней Азии охватывают широкие хронологические рамки в пределах рабовладельческого и раннесредневекового периодов:

Айртамский фриз (Узбекистан, близ Термеза) из известняка. Буддийский храм, I—II вв. н. э.;

Скульптура из глины из Халчаяна (рубеж нашей эры);

Скульптура из глины на каркасе из Старой Нисы (Туркмения, близ Ашхабада), II в. н. э.;

Скульптура из глины из дворца Топрак-кала (Каракалпакская АССР), III—IV в.;

Ганчевые барельефы дворца бухар-худатов в Варахше, VII в. н. э. (Узбекистан, близ Бухары);

Скульптура из глины из дворца древнего Пянджикента, VII—VIII вв. (Таджикистан, близ Самарканда).

Скульптура из глины из буддийского храма в Ак-Бешиме (Киргизская ССР, близ Фрунзе), VII—VIII вв.

Скульптура из известняка Аджина-тепе, VII—VIII вв. (Таджикистан).

Поиски аналогий чаще всего приводят к образам и деталям Айртамского фриза, скульптуре дворца в Халчаяне, росписям Балалык-тепе, Варахши и Пянджикента, имеющим единые истоки культуры.

⁵⁴ А. Grunvedel, *Buddistische Kunst in Indien*. Berlin, 1893 J. стр. 69, рис. 55. стр. 70, рис. 56; С. Ф. и С. Г. Ольденбург. Гандхарские скульптурные памятники в Эрмитаже, стр. 145; А. Grunvedel, *Mithologie*, стр. 69—70; Н. В. Дьяконова. Указ. работа, стр. 455—457.

⁵⁵ А. Grunvedel. *Altbuddistischen Kultstätten in chineusische Turkestan*. Berlin, 1912, стр. 136; Piellio, cit. op. pl. L f 132, pl. LV, f. 135, 136, pl. LVIII, f. '.

Скульптура Кувы датируется VII в. Ее техника и стиль, полихромия и детали, совпадающие с уже существующими памятниками Средней Азии, подтверждают это. Средняя Азия имела давние традиции в искусстве, создала свои художественные школы, которые внесли большой вклад в буддийскую иконографию. Известно, что художники-согдийцы работали в Восточном Туркестане. Среднеазиатские культурные традиции, как отмечали в своих работах А. Ю. Якубовский и М. М. Дьяконов, оказали большое воздействие на восточно-туркестанское искусство⁵⁶.

Трудно переоценить значение буддийских памятников культуры, обнаруженных в Куве и в других районах Средней Азии. Эти уникальные произведения, отражающие идеологические воззрения населения и высокое состояние художественной культуры Средней Азии, сыграли огромную роль в дальнейшем развитии искусств.

Исследования советских ученых показали, что буддийское искусство в Средней Азии — это не отдельные находки, а четко определенвшийся этап на пути ее культурного развития.

Анализ плана и возможности реконструкции храма

План храма, как уже упоминалось, представляет собой два сомкнутых помещения — прямоугольное и квадратное с входами, ориентированными на юг. Платформа в квадратном помещении размещена в центре, а в прямоугольном — в глубине, в северном конце.

Здание храма и двор покоятся на ступенчатом основании высотой — 3,60 м. Планировка кувинского храма не имеет аналогий ни с храмами Восточного Туркестана, ни с известными нам архитектурными сооружениями культового или дворцового характера Средней Азии.

В настоящее время нам известен облик культовых сооружений как VII—VIII вв., так и более ранних. Самое раннее культовое сооружение на Кызыл-Кыре (Бухарская область) датируется В. А. Нильсеном III—II вв. до н. э. Оно представляет собой прямоугольное помещение, окруженное длинными узкими коридорами⁵⁷ с суфами и остатками догременного очага. В. А. Нильсен предполагает, что это храм огня с отступлением от типичного плана, который дают храмы в Шапуре (Иран) или Джанбас-кале (Хорезм), т. е. опять-таки локальный тип.

⁵⁶ Н. В. Дьяконова. Указ. работа, стр. 466; М. М. Дьяконов. Расписи Пянджикента и живопись Средней Азии, в сб.: «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 89—90, 150—155; А. М. Беленицкий. Новые памятники искусства древнего Пянджикента, М., 1959, стр. 64.

⁵⁷ В. А. Нильсен. Кызыл-Кыр, История материальной культуры, вып. I, АН УзССР, Ташкент, 1959, стр. 66, рис. 2.

Сооружение в Топрак-кала (III—IV вв.) — это дом огня, — также прямоугольной формы с обходным коридором⁵⁸. В Пянджикенте (VI—VIII вв.) храмовые здания представляют собой парадные залы с целой. Перед залами расположены колонные портики, объединившиеся с обходной галереей⁵⁹. Прямоугольное культовое помещение замка в Балалык-тепе (V—VI вв.) окружено длинными коридорообразными комнатами⁶⁰. В Ак-Бешиме — I (VII—VIII вв.), вытянутый с запада на восток прямоугольник здания объединяет святилище, храм и двор. Ак-Бешим — II принципиально не отличается от плана основной части храма Ак-Бешим — I (если отсечь двор и предвратные помещения)⁶¹.

Исследователи отмечают, что все эти храмы, самостоятельные или вкомпанованные в замок или жилую застройку, отличаются самобытностью. Они не копируют те образцы, которые были известны в Иране, Афганистане (храмы огня), или Восточном Туркестане и Индии (буддийские храмы).

В данный момент наша наука не располагает более древним прототипом культовых сооружений Средней Азии. Результаты исследований показывают, что аналогии для среднеазиатских храмов продиктованы общностью идеологий, верований, материального бытия народов. Так, Кызыл-Кырский храм дает локальный вариант, хоть и имеет сходство с храмом Шапура в Иране, на что указывает В. А. Нильсен⁶². Общие архитектурные идеи имеют пянджикентские храмы и храм в Сурх-Котале⁶³.

В планировке храма Ак-Бешим проявились два начала: основная часть храма имеет аналогии с планами храмов Восточного Туркестана (Шикшип-Миңг-уй, Хотанский оазис — Даидан-уйлик, Турфанская котловина — Безеклик), а открытый двор с айванами — элемент среднеазиатской архитектуры, который сближает храм Ак-Бешим — I с храмами Пянджикента⁶⁴.

Храм Ак-Бешим — II (по плану) полностью совпадает с буддийскими храмами Восточного Туркестана. Как более ранний (Л. П. Зяб-

⁵⁸ С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 123, рис. 62.

⁵⁹ В. Л. Воронина. Городище древнего Пянджикента, как источник для истории зодчества, «Архитектурное наследие», вып. 8, М., 1957, стр. 128—129, рис. 13, 14.

⁶⁰ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 117, рис. 92.

⁶¹ Л. Р. Кызласов. Исследования на Ак-Бешиме в 1953—1954 гг., Труды Киргизской АЭЭ, т. II, М., 1959, стр. 165—173, рис. 10, 31; Л. П. Зяблнн. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища, Фрунзе, 1961, АН КиргССР, стр. 6—16, рис. 1.

⁶² В. А. Нильсен. Указ. работа, стр. 66.

⁶³ А. М. Беленицкий. Труды ТАЭ, МИА, 66, стр. 112, 194; В. Л. Воронина. Указ. работа, стр. 132.

⁶⁴ Л. Р. Кызласов. Указ. работа, стр. 193.

лин датирует его вэйским временем V—VI вв.), он имеет глубокие ниши для статуй, а не самостоятельные выдвинутые подиумы-алтари⁶⁵.

Кувинский храм дает новый вариант планировки: два изолированных и функционально, вероятно, совершенно самостоятельных объекта с платформами-алтарями. Насколько можно проследить по планам синхронных культовых сооружений Восточного Туркестана и Средней Азии, планировка Кувинского храма совершенно оригинальна. Архитектор отказался здесь от обходных коридоров, платформа алтаря свободно обозревается со всех точек, а не заключена в специальную камеру, как в храмах, о которых говорилось выше. Алтарь-ниша и алтарь-камера как элементы композиции отсутствуют. Архитектурное пространство решено свободно.

Таким образом, Кувинский храм, как буддийский, лишен целого ряда обязательных с ритуальной точки зрения элементов. И тем не менее, он буддийский, судя по наличию в нем целой галереи буддийских божеств.

В Кувинском храме во всем заметны приемы среднеазиатской архитектуры — это и колонный айван у входа, и храмовый зал с перекрытием на колоннах, и постановка здания на стилобате, и, конечно, строительная техника; комбинированная пахсово-сырцовая кладка стен из кирпича размером $45 \times 22 \times 8$; $48 \times 22 \times 10$ см в отношениях 1:2. Все это уже знакомо по многим памятникам Средней Азии (Тали-Барзу, Ак-тепе, Пянджикент, Ак-Бешим)⁶⁶ и характерно для строительной техники Согда и Осрушаны периода раннего средневековья.

Ориентация нашего храма север — юг отличает его от храмов Ак-Бешима и Пянджикента, но как выяснилось, соблюдение этого условия не обязательно для буддийских храмов. Восточный Туркестан дает самые различные варианты ориентировки⁶⁷.

Храм Кувы, расположенный на ступенчатом стилобате, на выступе холма, выглядел, очевидно, весьма внушительно. Массивные объемы храма и святилища доминировали над окружающей местностью. Обширный двор длиной 20,5 м, давая возможность для зрительного восприятия фасада, эмоционально подготавливал богомольцев, настраивал их на торжественный лад.

⁶⁵ Л. П. Зяблин. Указ. работа, стр. 17—18; О развитии подиума см. у Н. В. Дьяконовой. Буддийские памятники Дунь-Хуана, ТОВЭ, т. IV, Л., 1947, стр. 46.

⁶⁶ В. Л. Воронина. Архитектура замка Ак-тепе близ Ташкента, по данным работ 1940 г., Труды АН УзССР, Ташкент, 1948; Она же. Архитектурные памятники Пянджикента, МИА, вып. 37, 1953, стр. 125; Она же. Древняя строительная техника Средней Азии, «Архитектурное наследство», вып. 3, М., 1953, стр. 3—35; Л. Р. Кызласов. Указ. работа, стр. 193, 195.

⁶⁷ С. Ф. Ольденбург. Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910 гг., СПб., 1914, (см. планы-вклады), стр. 5, 41, 42.

В предвратной группе помещений по обе стороны от входа располагаются кладовые, кордегардии, помещения для монахов и хранения ритуальных предметов.

Храм являлся общественно-культурным центром поселения, а может быть, и всего прилегающего района. А. М. Беленицкий, анализируя план Пянджикентского поселения, указывал на это обстоятельство⁶⁸.

Вход в храм был решен очень импозантно — он перекрыт высоким айваном, под которым перед нишей помещалась скульптурная группа. Узкая дверь вела в зал, где колонны образовали прямоугольный световой дворик. Юго-восточная колонна приходилась на ось входа, так что взгляд входящего направлялся влево или вправо в обход стен, где в нишах стояли скульптуры богов и их свиты.

В глубине храма находился алтарь-подиум с центральной фигурой Будды и четырьмя предстоящими. Настенная роспись, фрагменты которой были обнаружены под кирпичным завалом, дополняла впечатление. Над подиумом можно предположить перекрытие типа чор-хана, значительно возвышавшееся над плоским перекрытием. Такое же перекрытие, по-видимому, было и в смежном квадратном зале святилища. Толщина паховых стен, достигающая 2 м, допускает использование подобных перекрытий без ущерба для прочности⁶⁹.

Перекрытия типа чор-хана широко известны в Средней Азии, Закавказье, в Индии и Афганистане. Они применялись в жилом и культовом строительстве и используются до сих пор. Пещерные буддийские храмы даже имитируют в камне это перекрытие. Видимо, это стало такой освященной веками традицией, что воспроизводилось резьбой (Бамиан), или живописными средствами (Восточный Туркестан), чтобы до тонкостей воссоздать тот прототип, который лег в основу и стал каноном.

В оформлении интерьеров основное место занимала скульптура, которая размещалась на подиумах, в арочных нишах и, может быть, в медальонах над нишами. Стены часто имели двухъярусное скульптурное оформление — по низу размещались основные боги, а наверху гирляндоносцы, танцоры, крылатые гении, рассыпающие цветы.

Богатство полихромного оформления статуй сочеталось с лазурью и позолотой деталей архитектуры интерьера. Скучность естественного освещения восполнялась, вероятно, большим количеством светильников, в колеблющемся пламени которых мерцали позолотой и красками статуи, настенные росписи, дополнявшие объемную композицию. Вероят-

⁶⁸ А. М. Беленицкий. Из археологических работ в Пянджикенте 1951 г., СА, М., 1953, стр. 341.

⁶⁹ С. Г. Хмельницкий. Опыт реконструкции буддийского храма, Труды КАЗЭ, т. II, М., 1959, стр. 252.

но, столбы-колонны были оформлены наlepным раскрашенным орнаментом, как это имело место в Балалык-тепе и Ак-Бешиме⁷⁰.

Элементы архитектурного убранства, обнаруженные в кирпичном завале, — пальметты, розетки, капительки, архитектурные тяги несложного профиля, — все это свидетельство решения интерьеров средствами не только скульптуры и живописи. Очевидно, тягами выделялись карнизы, оформлялись пилястры, ниши и кривые арок. А пальметты и капительки украшали горизонтальные фризy стен. Розетки, куски плоского геометрического орнамента, штукатурка являются фрагментами декора перекрытия или стен святилища.

Богатый арсенал средств, которые привлекал архитектор при решении поставленной перед ним задачи (интерьеры, архитектурно-пространственные композиции, — яркое доказательство высокого уровня строительной и художественной культуры Ферганы в период VII в.

Мы имеем некоторые основания связывать гибель Кувы VII в. — резиденции наследника Тара — с нашествием арабов. После этой катастрофы буддийский храм и поселение, связанное с ним, уже никогда более не возрождались. Их развалины, затянутые дерном, превратились в безымянный холм. Ничто уже не напоминало о буддийском храме, о богах и демонах, похороненных под развалинами. Сменялись поколения людей, и на забытом холме жители средневековой Кубы — мусульмане — стали хоронить своих покойников.

Исследования последних лет показали, что храмовые комплексы не единичны в Средней Азии. Наметился целый ряд мест, по преимуществу на стыках культурных оазисов, где обнаружены буддийские храмы. Это два храма V—VIII вв., часовня и монастырь XI—XII вв. на городище Ак-Бешим, храм VII—VIII вв. на городище Краснореченском (Киргизская ССР), храм VII—VIII вв. в долине Саназара, храм в Айр-таме I в. н. э., монастырь Кара-тепе I—III вв. (Узбекская ССР), монастырь Аджина-тепе VII—VIII вв. (Таджикская ССР), остатки ступа в Мерве I—II вв. и кумирни, XIII в. (Туркменская ССР)⁷¹.

⁷⁰ Л. И. Альбаум. Указ. работа, стр. 110—111, рис. 89, 90; С. Г. Хмельницкий. Указ. работа, стр. 263.

⁷¹ Л. Р. Кызласов. Археологические исследования Ак-Бешима в 1953—1954 г., Труды КиргАЭЭ, АН СССР, т. II, М., 1959, стр. 155—225; Л. П. Зяблин. Второй буддийский храм Ак-Бешимского городища, Фрунзе, Изд-во АН КиргССР, 1961; Л. И. Альбаум. Буддийский храм в долине Саназара, ДАН УзССР, 1955, № 8, стр. 57—60; О Краснореченском храме см. информацию в «Известиях» от 1 августа 1961 г.; М. Е. Массон. Находки фрагмента скульптурного карниза первых веков нашей эры; Т. В. Грек, Е. Г. Пчелкина, Б. Я. Ставиский. Кара-тепе — буддийский пещерный монастырь в старом Термезе, М., 1964, стр. 47—61; Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль. Раскопки и разведка в Южном Таджикистане в 1961 г., Труды ИИАН ТаджССР, т. XLII, 1964, стр. 76—86; Б. А. Литвинский. Указ. работа, стр. 159; А. Кочетов. Загадка Аджина-тепе, «Наука и религия».

Этот перечень свидетельствует как о влиянии буддизма в Средней Азии, так и о его распространении.

Связи Средней Азии с Индией зародились еще в эпоху первобытнообщинного строя⁷².

В эпоху ахеменидов Маргиана, Бактрия, Согдиана, Хорезм нередко входили в один государственный конгломерат. При этом неизбежны были экономические и культурные контакты, которые особенно усилились к началу нашей эры⁷³. Кушанский период в этом смысле был наиболее плодотворным. Положительную роль сыграло и распространение буддизма, привнесшего не только свои образы, но и художественные каноны и стиль.

Археологические открытия в Бактрии — монастырь в Кундузе (Ж. Акэн, 1936), платформа статуй в Сурх-Котале (Шлюмберже, 1952), монастырь Кара-тепе в Термезе (Е. Г. Пчелина, 1937; Б. Я. Ставиский, 1961—1962), Айрагмский фриз (М. Е. Массон, 1932), рельеф из Термеза, изображающий сцены из жизни Будды (Л. Мережин, 1958)⁷⁴, — все это свидетельствует о том, что искусство кушанской Бактрии, будучи по-настоящему самобытным, несет в себе целый ряд индобуддийских элементов.

Исследования Г. А. Пугаченковой в Халчае привели ее к твердому убеждению, что «именно Бактрия и восточная Парфия оказались той питающей средой, которая на базе синтеза с чисто индийской художественной традицией оказала влияние на формирование так называемой Гандхарской скульптурной школы Индии. В первых же веках нашей эры протекает обратный процесс, когда эта школа и оплодотворяющая ее буддийская концепция со всею силой вторгаются в искусство Тохаристана»⁷⁵. И не только Тохаристана, но и Согда, Хорезма и Ферганы. Живопись и скульптура дворца в Топрак-кале находят себе аналогии в искусстве Гандхары⁷⁶. В росписях на стенах дворцов Балалык-тепе, Варахши, Пянджикента и Афрасиаба можно найти связи с индо-

1967, № 1, стр. 78—85; Г. А. Пугаченкова. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма, Труды ЮТАКЭ, т. VI, стр. 351—357; Она же. Буддийская кумирня в Мерве, КСИИМК, 1953, вып. LIV, стр. 140; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана, Ташкент, 1960, стр. 22—24, табл. 2; М. Е. Массон. Из работ ЮТАКЭ АН ТуркССР в 1962 г., Известия АН ТуркССР, 1963, № 3, стр. 52—53.

⁷² Б. А. Литвинский. Указ. работа, стр. 134—184.

⁷³ Б. А. Литвинский. Указ. работа; Б. Я. Ставиский. Средняя Азия, Индия, Рим, в сб. «Индия в древности», стр. 169—176.

⁷⁴ J. Hack in. Fouilles de Kunduz, L'art bouddhique de la Bactriane, MDFA, t. VIII, Paris, 1959, p. 19—21; D. Schumberger. La Temple de Surch Kotal en, Bactriane, J. A., IV, 1955, p. 275—277, 279.

⁷⁵ Г. А. Пугаченкова. Халчае, стр. 265.

⁷⁶ С. П. Толстов. Археологические открытия в Хорезме, в сб. «Индия в древности», М., 1964, стр. 139—140.

буддийской живописью — это символика, декоративные мотивы и типажи⁷⁷.

Убедительно, на богатом фактическом материале, показывает А. М. Беленицкий характер культурных связей Индии и Средней Азии, пути их взаимного обогащения⁷⁸. Идеи буддизма, проникая в искусство Средней Азии, не стирали его индивидуальности и мирно уживались с теми культами, которые были популярны в среде местного населения.

С буддизмом связана целая эпоха в истории культуры стран Индии, Среднего и Дальнего Востока, Средней Азии. Это религиозное учение возникло в середине I тыс. до н. э. в рабовладельческой Индии, как протест против религиозно-сословных запретов и кастовых делений брахманизма.

Появление буддизма было подготовлено всей социальной обстановкой и той борьбой идей, которая породила целый ряд религиозно-философских систем. Являясь не философским, а религиозным учением, буддизм нес в себе обрядность и символику, нашедшие свое выражение в богатом пантеоне богов и духов, господствующих над чувственным миром, веру в «кару», ад и рай. При царе Ашоке в III в. до н. э. буддизм получил официальную поддержку государства и восторжествовал над другими религиозными течениями. Постепенно это учение выработало систему религиозного «спасения», при которой «вечное бессмертие» достигается путем отрешения от всего земного, непостоянного, обреченного на гибель. Кульминацией спасения является «нирвана» — достижение полного небытия через перерождения — страдания. Достигнув «нирваны», Будда отказался от нее ради спасения человечества. Он стал учителем и руководителем людей на пути их прозрения. Вся система религиозных взглядов утверждала идею о том, что каждый может стать буддой или архатом, пройдя путь борьбы с миром страданий. Но это не активная борьба со злом, а терпение, кротость, презрение к жизни, непротивление злу насилем.

Будда — создатель вселенной, высшее божество буддийского пантеона. Он обладает даром совершать чудеса и необычайным могуществом. Его окружают тхьяни-будды (созидатели), мануши-будды — смертные или земные, жившие до Гаутамы. Это Амитабха — владыка рая, Вайрочана, Майтрея — будущий Будда и др. В этой же свите вто-

⁷⁷ Л. И. Альбаум. Балалык-тепе, стр. 171; В. А. Шишкин. Варахша, М., 1963, табл. I—XI; М. М. Дьяконов. Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии. Скульптура и живопись древнего Пянджикента, М., 1959, стр. 147; А. М. Беленицкий. Новые памятники искусства древнего Пянджикента, стр. 49, 57, табл. XII, XIV, XV, XVIII; В. А. Шишкин. Афрасиаб — сокровищница древней культуры, Ташкент, 1966, Изд-во «Фан» УзССР, стр. 13, 17.

⁷⁸ А. М. Беленицкий. Культурные связи Средней Азии и Индии, в сб. «Индия в древности», стр. 188—196.

ростепенные божества — боги из пантеона тех народов, которые приняли буддизм. Они также попали в число ревностных адептов и пропагандистов буддизма.

Уже на ранних этапах буддизм развивался как религиозный культ. Тогда же начала складываться и монашеская община, поддерживающая и распространяющая буддизм. Проникновение буддизма в Среднюю Азию и Восточный Туркестан традиционно связывается с именем кушанского царя Канишки, при котором это религиозное учение обрело свою наиболее распространенную форму — махаяна (великая колесница). Махаяна в противоположность хинаяне (узкой колеснице) упрощает путь к спасению, делая его доступным каждому. В хинаяне бодисатва — это будущий Будда; путь к спасению каждый проходит самостоятельно, без чьей-либо помощи и, достигнув высшей мудрости, вступает в нирвану. В махаяне бодисатва добровольно отказывается от погружения в нирвану и помогает людям на пути спасения.

Бодисатвы олицетворяют собой различные добродетели — любовь, милосердие, мудрость. Среди них наиболее почитаемый — Авалокитешвара — творец мира и бог милосердия. Он изображается обычно с цветком лотоса и сосудом в руках. Для него часто применяется одиннадцатиголовая форма, символизирующая могущество.

Манчжушри — бог мудрости и мистического созерцания — изображается с поднятым мечом, олицетворяющим знания и правосудие, и книгой — учением Будды. Имеется и шиваистическая форма — с черным телом и третьим глазом во лбу. В этой форме он выступает как дхармапала (защитник веры).

Ваджрапани — бог погоды, владыка нагов и укротитель демонов. Он воплощен в свирепую форму дхармапалы.

Майтрея — будущий Будда-спаситель. Он изображается обычно сидящим на львином престоле со знаками княжеского достоинства — венце, браслеты, ожерелье.

В буддийском пантеоне есть и женские божества — шакти. Наиболее популярны: Шри-Девы — кроткая красивая женщина в длинных одеждах с венцом, ожерельем и браслетами, или грозная воительница — покровительница веры в сопровождении своих львиноголовых спутниц — Макаравактра и Симхавактра.

Шакти Тара — белая спасительница. Она представлена в виде красивой женщины с большим числом глаз, даже на ладонях рук и на ступнях ног. Богиня музыки и поэзии — Шакти Сарасвати.

Антипод Будды — Мара — воплощение зла, искуситель. Он искушал Будду, когда тот погружался в нирвану. У него злобно-саркастическое лицо, которое дополняют устрашающие детали: клыки, черепа в ожерелье и венце, змеиные браслеты. Полуобнаженное тело Мары — черное или темно-синее. Его свита — демоны и зооморфные существа.

Буддизм пришел в Среднюю Азию из Индии — центра его зарождения — через Бактрию. Находки архитектурных деталей буддийского храма и знаменитого фриза с музыкантами в Айратме, раскопки в пещерном монастыре Кара-тепе (эти памятники располагаются на территории бывшей Северной Бактрии) не оставляют сомнений в том, что Бактрия играла большую роль как в распространении буддизма, так и в расцвете буддийской культуры и искусства. Археологические материалы из Кара-тепе подтверждают сведения письменных источников о том, что монахи бактрийского монастыря знали кушанский и индийский языки и письменность. Они шли с проповедью буддийского учения в разные области Средней Азии — Чач, Согд, Фергану, Маргиану, Восточный Туркестан, организовывали там монастыри и храмы, часовни и ступы, в какой-то части открытые и исследованные советскими археологами.

Монахи проповедовали свое учение — ахимсу — там, где было больше всего заблудших, т. е. в древних культовых местах⁷⁹, которые в дальнейшем превращались в буддийские монастыри и храмы, становясь материальным выражением торжества монотеизма над идолопоклонничеством. Так, еще Мас'уди (X в.) сообщает, что храм в Мекке, по утверждению сабейцев, был ранее храмом Сатурна, мечеть в Дамаске — храмом Юпитера. Последний последовательно превращался из храма Юпитера в синагогу, затем в христианскую церковь, а после утверждения ислама — в мечеть⁸⁰.

Буддизм в Средней Азии сталкивался с различными религиозными культурами, популярными в среде населявших ее народов, и нередко мирно уживался с ними. Так, китайские династические хроники сообщали, что в Самарканде (Кан) почитают злого земного духа и предков, в Осрушане (Цао) — духа Деси, который «представлен в образе золотого истукана 15 футов в объеме, с соразмерной вышиной»⁸¹. Ему приносят в жертву верблюдов и баранов.

У Димишки (перевод Хвольсона) имеются сведения о языческом храме Меркурия в Фергане. «Этот храм, называемый Кувушан-шах, построен одним из персидских царей во имя Меркурия и разрушен халифом Мунтасимом. Посреди этого храма трон на четырехступенчатом подножии. На троне — идол из сплава всех металлов и из китайской глины»⁸². Ему приносят человеческие жертвы.

⁷⁹ Д. Косамби. Перекресток, Индийский этнографический сборник, Труды ИЭ (новая серия), XV, М., 1961, стр. 53—57.

⁸⁰ D. Chwolson. Ssabier und der Ssabismus, вып. II., St Pb, 1856, Тексты (Извлечение из Димишки), стр. 384—386.

⁸¹ И. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II, М.—Л., 1950, стр. 275, 310.

⁸² D. Chwolson. Указ. работа, стр. 394—395.

Наршахи (IX в.) описывает обычай ежегодной продажи идолов в присутствии царя в домусульманской Бухаре. Также подробно он рассказывает о культе Сиявуша⁸³.

У согдийцев и хорезмийцев были храмы огня, где обычно проводились ежегодные празднества. Они же соблюдали обычай оплакивания покойников и ставили им пищу в наосы⁸⁴.

С. П. Толстов в результате большой исследовательской работы, проведенной в Хорезме, пришел к твердому убеждению, что у народов Средней Азии в кангюйско-кушанский период существовал культ небесных коней⁸⁵. Известен также древнейший культ богини-матери, широко распространенный во всем мире. Образ богини-матери, богини воды и плодородия — Анахиты, Мины, Ордохшо — один из древнейших в Средней Азии. Его иконография наметилась уже в архаических статуэтках богинь плодородия Анау, Намазга-депе, Алтын-депе и Геоксюра⁸⁶. Коропласты, многократно повторяя и варьируя популярный образ богини-матери, привлекая аналогичные мотивы из других областей культурного мира, пришли к тому иконографическому типу, который представлен многочисленными статуэтками Хорезма, Мавераннахра (I вв. н. э.)⁸⁷.

Суммируя все эти сведения, можно сделать вывод об одновременном существовании на территории Средней Азии самых различных религий. А. М. Беленицкий в своей работе «Вопросы идеологии и культов Согда», анализируя различные религиозные системы (христианство, манихейство, зороастризм, буддизм), существовавшие в Средней Азии в домусульманские времена⁸⁸, отмечает веротерпимость, которая была присуща правителям отдельных областей Средней Азии⁸⁹.

⁸³ М. Наршахи. История Бухары, (пер. Н. В. Лыкошина), Ташкент, 1897, стр. 30—31, 33.

⁸⁴ Абу Райхан Бируни. Избранные произведения, т. I, Ташкент, 1957, стр. 254—255, 256, 258.

⁸⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948, стр. 207—208.

⁸⁶ Б. А. Куфтин. О работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г., Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956, стр. 283—284, рис. 31, 32, 33, 37.

⁸⁷ К. В. Тревер. Памятники греко-бактрийского искусства, М.—Л., 1940, стр. 21; Она же. Золотая статуэтка из селения Таит, Труды ГЭ, т. II, М.—Л., 1958, стр. 135; Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель. Выдающиеся памятники изобразительного искусства Узбекистана, стр. 41—46; В. А. Мешкерис. Терракоты Самаркандского музея, Л., 1962, стр. 15—18, рис. 1, 2, стр. 22—25, рис. 4, 5; Г. А. Пугаченкова. Маргианская богиня, СА, вып. XXIX—XXX, 1959, стр. 121; Она же. Коропластика древнего Мерва, Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 120 и др.; С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, М., 1962, Изд-во Восточной литературы, стр. 126, рис. 66.

⁸⁸ А. М. Беленицкий. Вопросы идеологии и культов Согда, в сб.: «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 27—31.

⁸⁹ А. М. Беленицкий. Указ. работа, стр. 59.

Как свидетельствуют древнейшие источники, буддизм на территории Средней Азии претерпел большую эволюцию. Божества его пантеона, принимая черты местных божеств, обогащались новыми локальными символами и мифологическими сюжетами.

Политеизм народов Средней Азии делает вероятной гипотезу о существовании в Кубе храма, посвященного какому-то местному боже-ству. Буддийский храм, вероятно, возник на месте языческого капища. Используя популярность храма, буддисты включили местное божество в число бодисатв, и население привычно потянулось к этому традицион-но «святому» месту.

Буддийский храм Кубы погиб во время арабского нашествия. Пожар, осквернение и разрушение статуй — вот последствия этой катастрофы для комплекса храмовых зданий. А для Ферганы и Маверан-нахра — это было бедствием, приведшим к экономической разрухе, гибели ирригационной системы, запустению городов и поселений. Следы такого рода катастрофы обнаружены и в комплексах Пянджикента, Ак-Бешима, Балалык-тепе, Минг-Урюка и на многих других памятниках преарабского периода.

Анализируя данные, полученные в результате археологических исследований храма и жилого комплекса, следует признать органическую связь и синхронность этих объектов. Очевидна и их гибель — результат арабского нашествия. Свидетельство тому — строительный материал и конструкции зданий, приемы кладки, размер и состав кирпича, археологические находки (наконечники стрел, ножи, керамика), нумизматический материал, одновременность гибели, единство верхних культур-ных наслоений и многое другое.

Датировка храма, сделанная на основе сравнительного анализа произведений скульптуры, архитектуры и археологических данных, подкреплена нумизматическим, керамическим материалом, и всем обликом архитектурных и планировочных элементов исследуемого жи-лого комплекса.

Кварталы в предместьях Кубы⁹⁰ с выявленной планировочной струк-турой, сложившимся типом жилья стерильны в хронологическом отно-шении. Жизнь здесь прекратилась в начале VIII в. и больше не возоб-новлялась, оставив во всей неприкосновенности один исторический этап. Это обстоятельство особенно важно, так как обычно археологам приходится иметь дело с городищами, пережившими много веков и на-копившими сложную стратиграфию наслоений, которую нелегко расши-фровать — жизнь последующих эпох, наслаиваясь, изменяла пред-шествовавшую.

⁹⁰ Термин «рабад» появился уже после арабского нашествия.

А. Ю. Якубовский пишет по этому поводу: «Чтобы успешно решить вопросы развития среднеазиатских городов, чтобы вскрыть закономерности этого развития, чтобы, наконец, иметь возможность поставить и вопросы периодизации их истории, мы должны иметь малослойные городища, а еще лучше такие городища, которые на своей поверхности заключали бы слой изучаемой стадии развития города — античный, дофеодальный или феодальный. Только такого рода городища смогут дать нам неискаженную картину жизни города определенной эпохи в комплексе сохранившихся материальных памятников»⁹¹. Таких стерильных городищ у нас немного. Это хорезмские памятники, засыпанные песками, сообщившие неоценимые сведения по истории рабовладельческого города (Джанбас-кала, Топрак-кала), раннесредневековых усадеб (Беркут-Калинский оазис) и поселений (Ток-кала, Куюк-кала)⁹², Пянджикент, давший классический материал по истории раннесредневекового города (VII в.), его архитектуре, искусству и ремеслу⁹³.

Таков же и наш комплекс (VII—VIII в.), закончивший свое существование уже в начале VIII в. и сохранивший многие тысячелетия слои этого периода в относительно нетронутым виде. Исследования жилого комплекса и буддийского храма дали богатый материал по истории создания развитого предместья со всеми признаками его урбанистической организации. Однако историческая топография местности такова, что мысль о самостоятельном значении жилого комплекса VII в. исключается. Его можно рассматривать лишь как компонент предместья, сложившегося вокруг г. Кубы в VII в.

Мы уже упоминали, что была выявлена оборонительная стена, которая включала шахристан и жилой комплекс. Сложение феодальных центров, орошенных оазисов с развитой системой обороны, как показывают исследования Кубы и других городов и поселений Средней Азии (Пянджикент, Варахша, Балалык-тепе, Беркут-кала и др.), заверши-

---

⁹¹ А. Ю. Якубовский. Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии, Труды АН ТаджССР, т. XXIX, Сталинабад, 1951, стр. 6.

⁹² С. П. Толстов. Древний Хорезм, М., 1948; Е. Е. Неразник. Раскопки в Беркут-Калинском оазисе, Материалы ХАЭ, вып. I, М., 1959, стр. 96; А. В. Гудков а. Ток-кала, Ташкент, Изд-во «Наука» УзССР, 1964; Е. Е. Неразник, Ю. Д. Распопова. Куюк-кала в 1956 г., Материалы ХАЭ, вып. I, М., 1959, стр. 128; Е. Е. Неразник. Сельские поселения Афригидского Хорезма, М., Изд-во «Наука» 1966.

⁹³ В. Л. Воронина. Изучение архитектуры древнего Пянджикента, МИА, вып. 15, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950, стр. 189—198; А. М. Беленицкий. Раскопки согдийских храмов в 1948—1950 гг., МИА, 37, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 21—58. В. Л. Воронина. Архитектурные памятники древнего Пянджикента, стр. 99—132; Она же, вып. 124, М.—Л., Изд-во «Наука», 1964 стр. 51—87; Она же. Раннесредневековый город Средней Азии, СА, № 1, 1959, стр. 84—104; А. М. Беленицкий. Древний Пянджикент, СА, № 1, 1959, стр. 195, 217; В. И. Распопова. Металлообрабатывающее ремесло раннесредневекового Согда (опыт историко-социальной интерпретации по материалам Пянджикента), автореферат канд. дисс.

лось не к VIII—IX вв., как полагал А. Н. Бернштам, а значительно раньше, ибо арабское завоевание застает уже вполне оформившиеся городские центры оазисов в Мавераннахре, Фергане и Хорезме.

Переходя к вопросу о значимости конкретного материала, полученного при изучении поселения VII в., следует отметить и тот факт, что он пополняет и расширяет имеющиеся сведения о процессе формирования ремесленных предместий раннесредневекового города Ферганской долины. Советским археологам удалось расширить и дополнить наши представления о сложении среднеазиатских городов, как больших, так и малых, в самый интересный и малоизученный период — ранее средневековье. Изучение древнего Пянджикента было особенно важным для решения ряда вопросов, связанных со структурой и планировкой шахристана, экономическими предпосылками возникновения и жизни городского организма (товарное ремесло, внутренний и внешний рынки), идеологией согдийского населения. А. М. Беленицкий на основе исследуемого материала высказал предположение о том, что и рабад возник в это же время⁹⁴.

Наши раскопки однослойного тепе VII и начала VIII в. в предместьях Кубы — города, известного по источникам X в., — дали комплекс жилых и ремесленных помещений, сгруппированных в кварталы возле буддийского храма. Наличие улиц и площадей, характер двухэтажной застройки (плотность 100%), ее ярко выраженная ремесленная направленность позволяют говорить о городском характере предместий. Типология жилых домов, состоящих из одного, двух и даже пяти помещений, свидетельствует о семейном уклоне горожан. Это было вполне организованное жилье, где имелись михмон-хона, кладовые, комнаты отдыха, кухонные очаги.

Однако не следует рассматривать весь этот комплекс как самостоятельный организм, ибо он тяготеет к шахристану Кубы⁹⁵, связан с ним единой фортификационной системой и дорогами-дамбами. Занимая чуть ли не одну пятую часть площади этого тепе, буддийский храм не мог быть построен только для жителей данного жилого комплекса. Безусловно, он обслуживал население шахристана и всей прилегавшей к нему округи. Вероятнее всего, это был жилой квартал, возникший возле храма, вынесенного за пределы шахристана, обнесенного городской стеной.

---

⁹⁴ А. М. Беленицкий. Древний Пянджикент — раннефеодальный город Средней Азии; История таджикского народа, т. II, кн. I, М., Изд-во «Наука», 1964, стр. 62—69; О. И. Смирнова. Очерки из истории Согда, М., Изд-во «Наука», 1970, стр. 116—155.

⁹⁵ Город Куба наряду с Ахсыкентом в VII—VIII вв. имел большое значение для Ферганской долины.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ЗВОРАО — Записки Восточного отделения Русского Археологического общества
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИА АН УзССР — Институт истории и археологии Академии наук УзССР
ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана
КярАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МАЭ — Музей антропологии и этнографии Академии наук СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Эрмитажа
ХАЭ — Хорезмская археологическая экспедиция
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЭВ — Эпиграфика Востока
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция

ИЛЛЮСТРАЦИИ

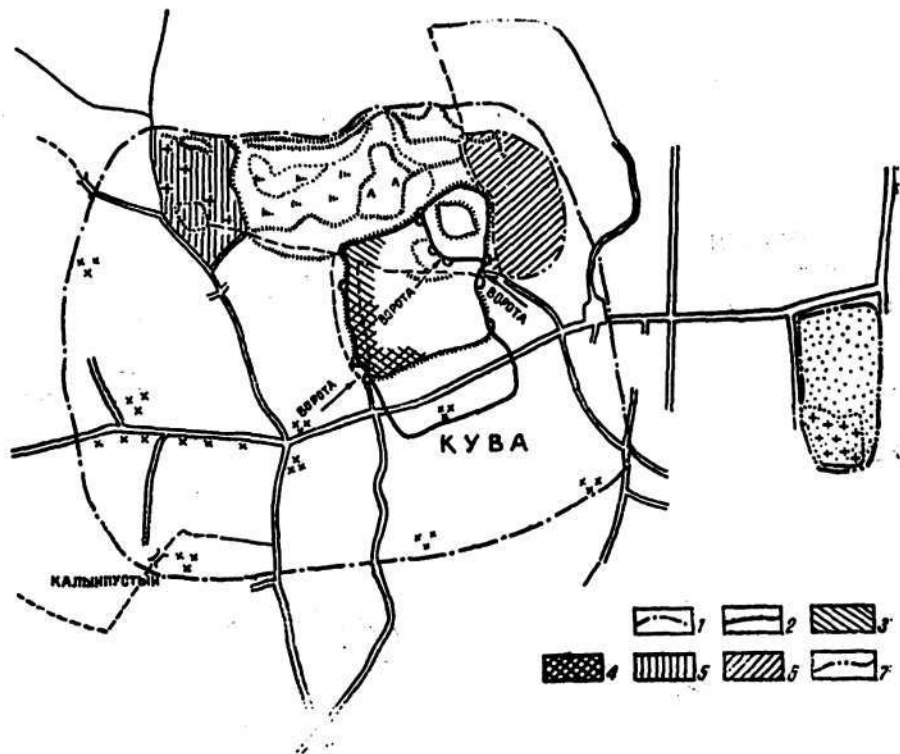

Рис. 1. Рабады и шахристан Кубы X—XII вв. по данным археологических исследований 1956—1970 гг.:

1—границы рабады X—XII в.; 2—шахристан и цитадель X—XII в.; 3—мастерские стеклодувов; 4—мастерские литейщиков; 5—кварталы керамистов (неполюнная керамика); 6—кварталы керамистов (полюнная керамика); 7—находки керамики XV в.

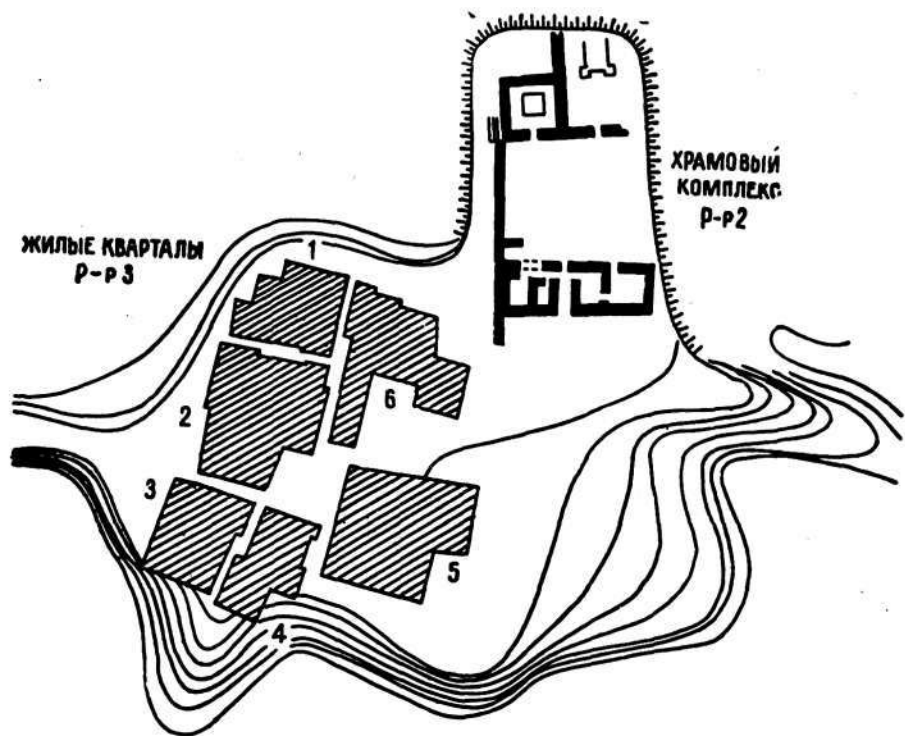
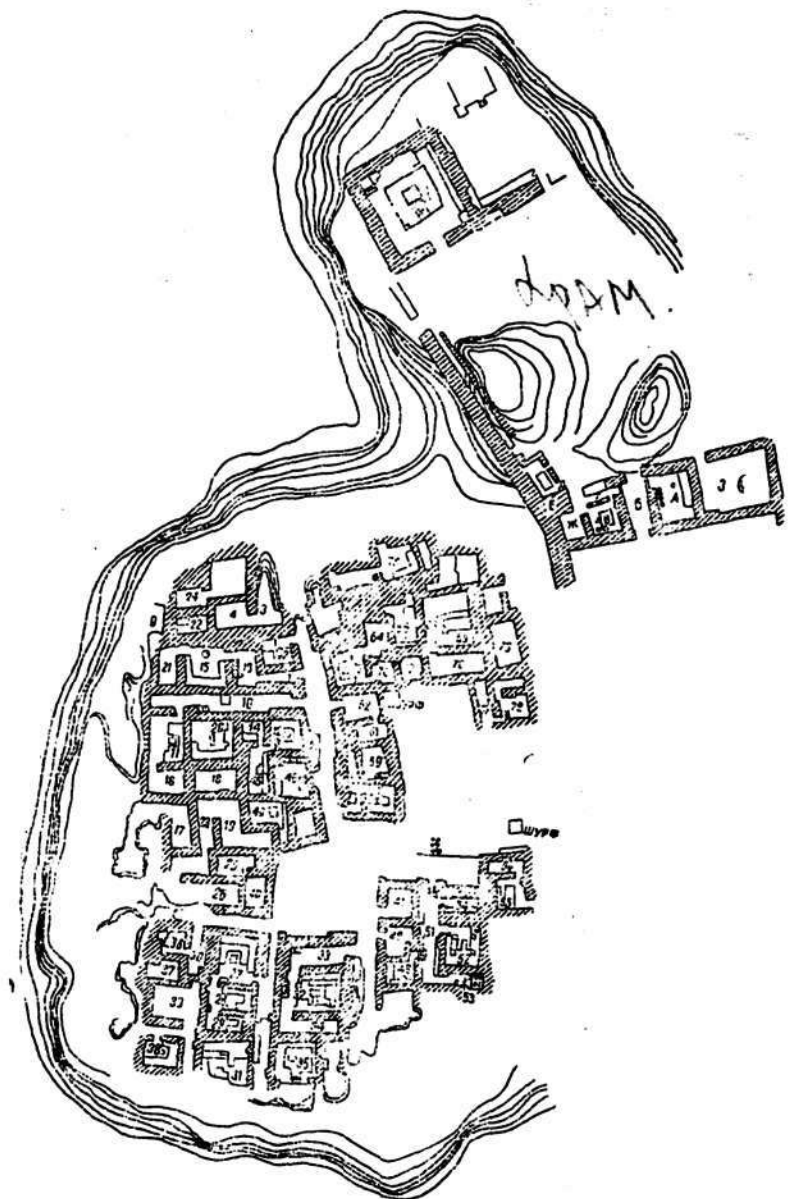

Рис. 2. Схема расположения раскопок в предместье Кубы VII—VIII вв. Штриховкой показаны массивы жилых кварталов, а сплошной заливкой— контуры помещений храма.

Фиг. 3. Общий план вскрытых кварталов и храмового комплекса VII—VIII вв.

Рис. 4. Жилой и производственный комплекс ювелиров и гончаров. Комната с печами

Рис. 5. Южная улица. На заднем плане оплывы стены шахристана и разрез через нее.

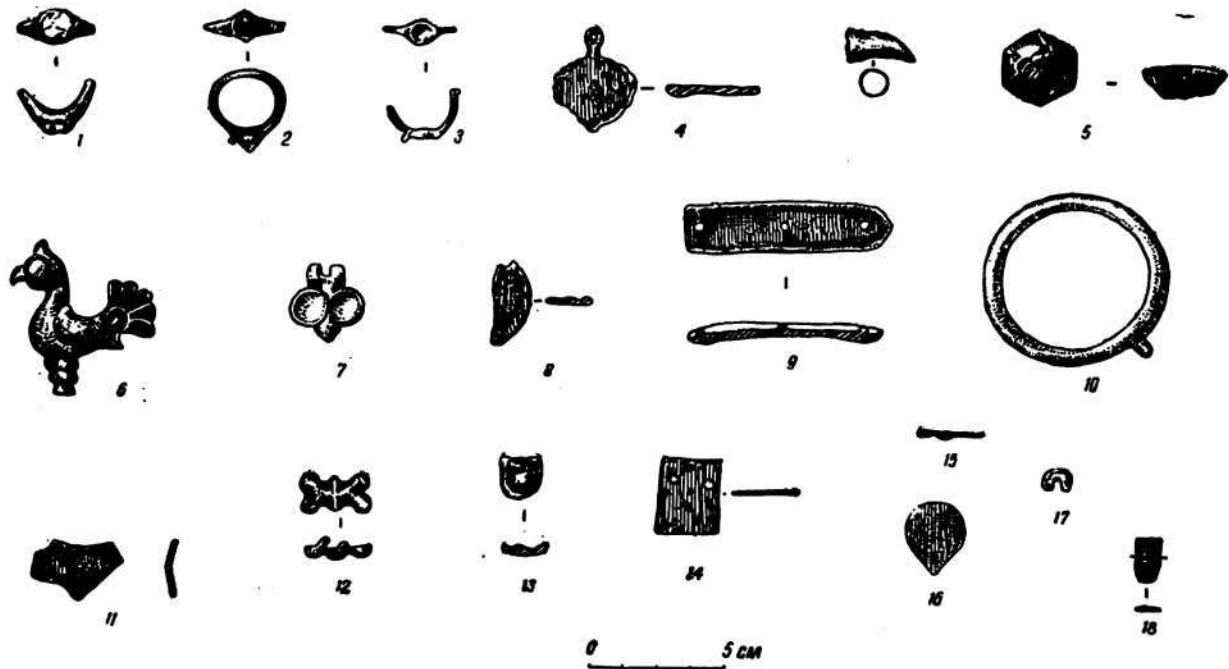

Рис. 6. Бронзовые изделия:

1, 2, 3—перстни; 5—бусочки; 6—навершие крышки; 7—деталь пряжки; 9, 14—накладки на ремни; 10—нагрудное кольцо упряжи; 12, 13, 14—декоративные нашивки.

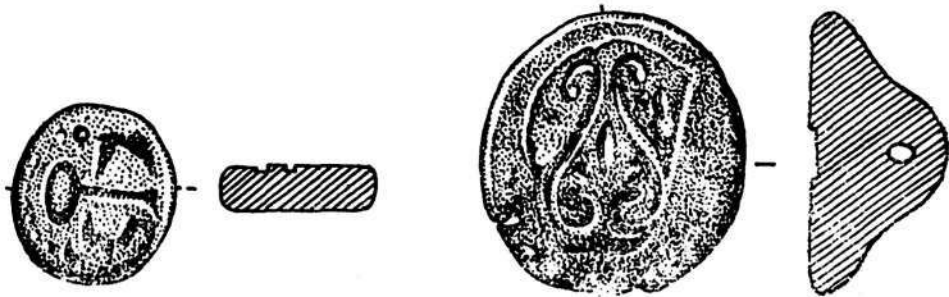

Рис. 7. Керамические печати с отверстиями для шнура. Одна из них найдена в комн. 12, вторая — в комн. 17.

Рис. 8. Бронзовый штамп с негативным изображением Куверы, найденный в квартале 2.

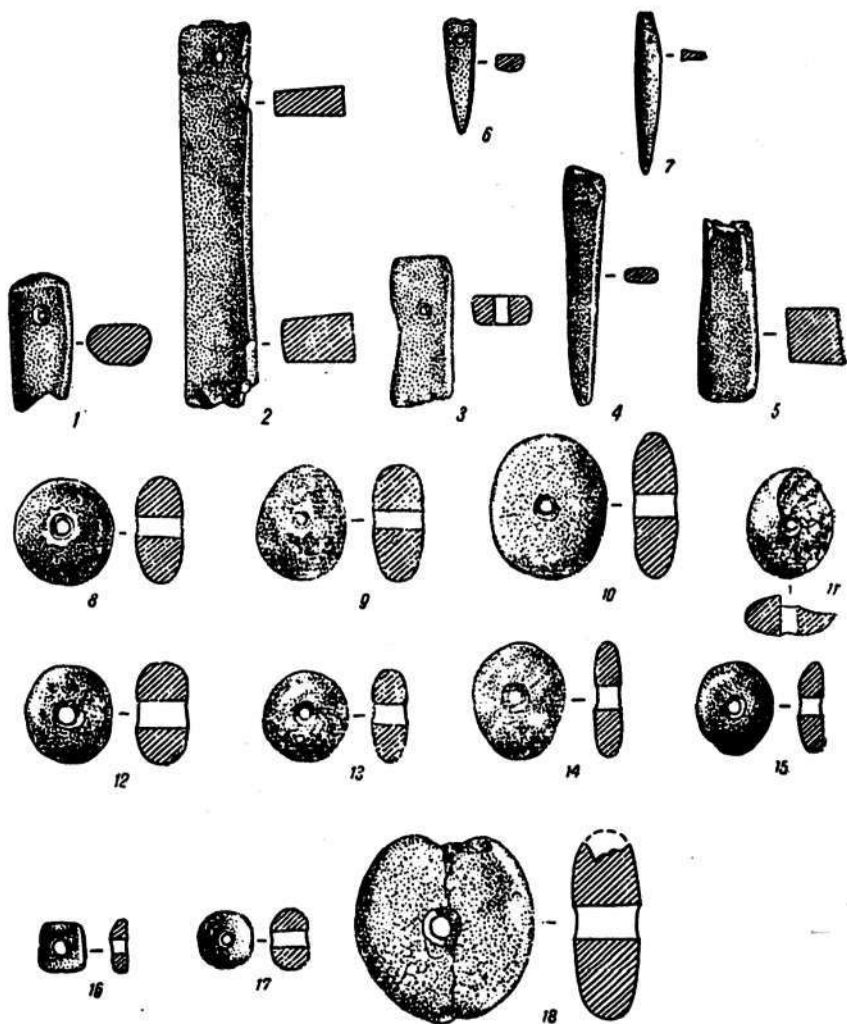

Рис. 9. Изделия из камня:

1, 2 3, 4, 5—ножи; 6, 7—сурьма-таши; 8—18—пряслица и пуговицы.

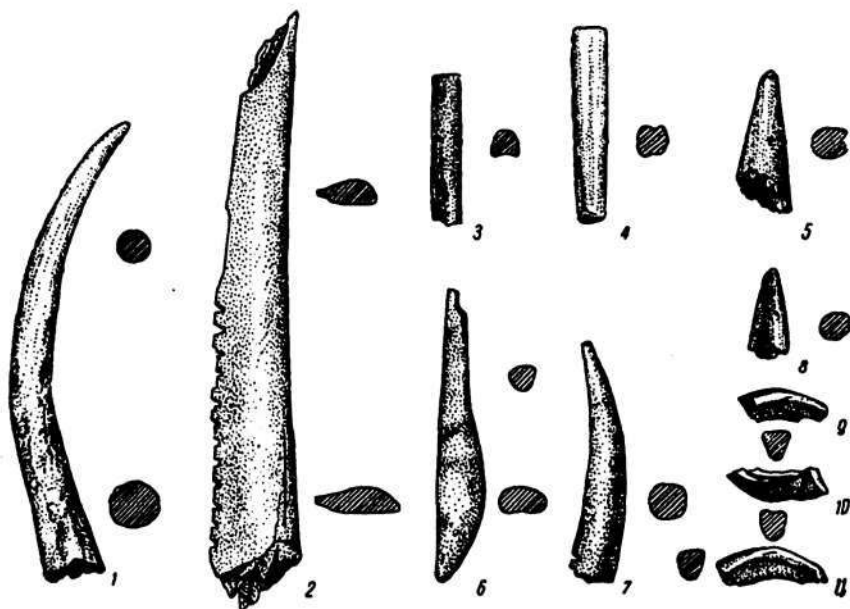

Рис. 10. Изделия из кости:

1, 5, 8 - полированные заготовки рога; 2 - инструмент для подбивки утка [?]; 3, 4, 6, 7 - лошаля.

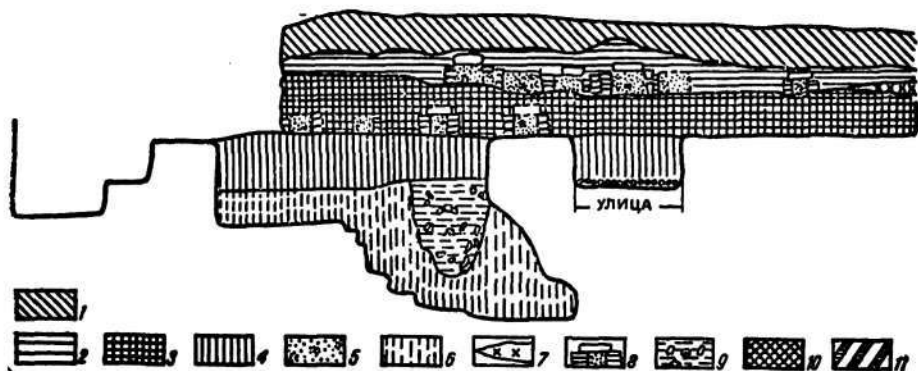

Рис. 11. Стратиграфический разрез через комнаты 45-46:

1 - рыхлый переотложенный слой; 2 - сырцовый завал; 3 - плотный завал; 4 - пахса; 5 - песок; 6 - штукатурка; 7 - зола и уголь; 8 - могонам; 9 - мусорная яма; 10 - плотный лесс; 11 - влажный суглинок.

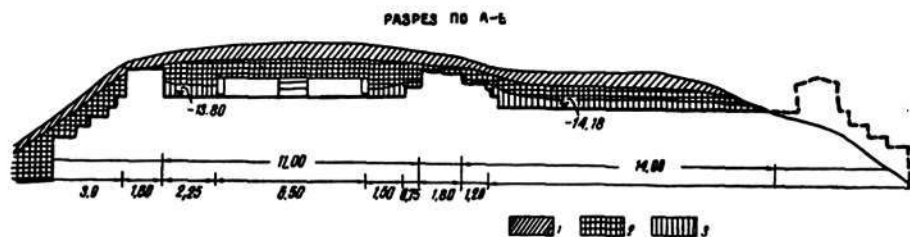

Рис. 12. Стратиграфический разрез через храм и святилище. Запад-восток.

1 — слой разрушения; 2 — сырцовый завал; 3 — слой пожара.

Рис. 13. Святилище, вид с юга. В центре святилища — платформа для священнодействий. Ее фасадная часть покрыта барельефом.

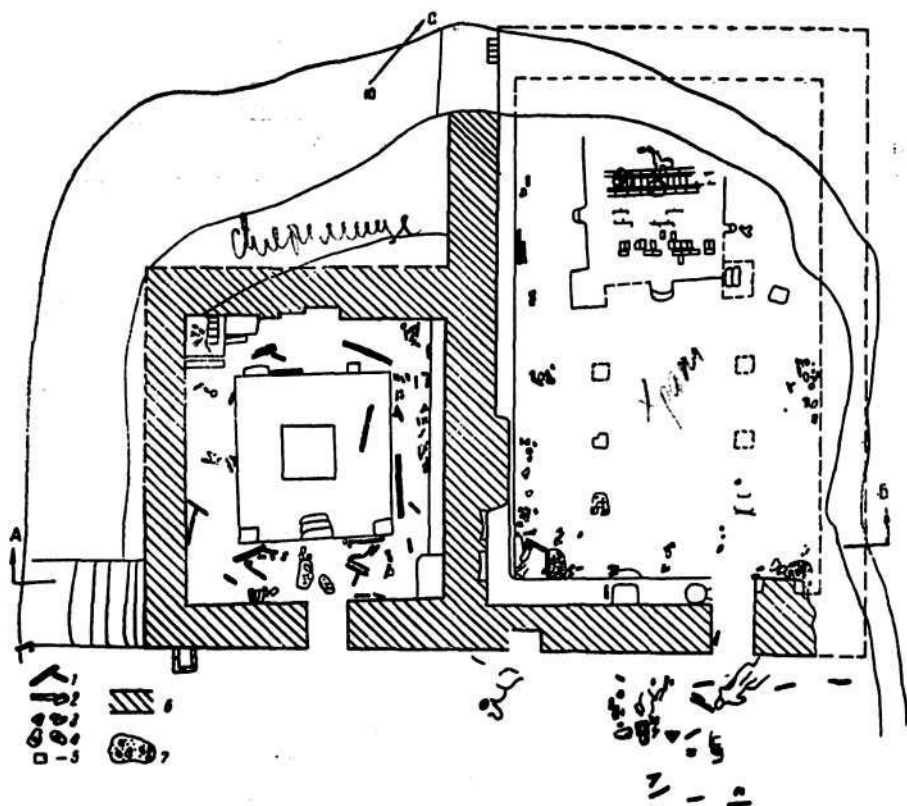

Рис. 14. План храма:

1—обуганившиеся балки перекрытия; 2—кирпичи; 3—фрагменты скульптуры; 4—фрагменты штукатурки с краской; 5—наконечники стрел; 6—стены; 7—схождение мелких деталей скульптуры.

Слева святилище с частью вскрытого ступенчатого стилобата, справа — храм. Его северная и восточная стены смыты.

Рис. 15. Ступенчатый
стилобат храма.

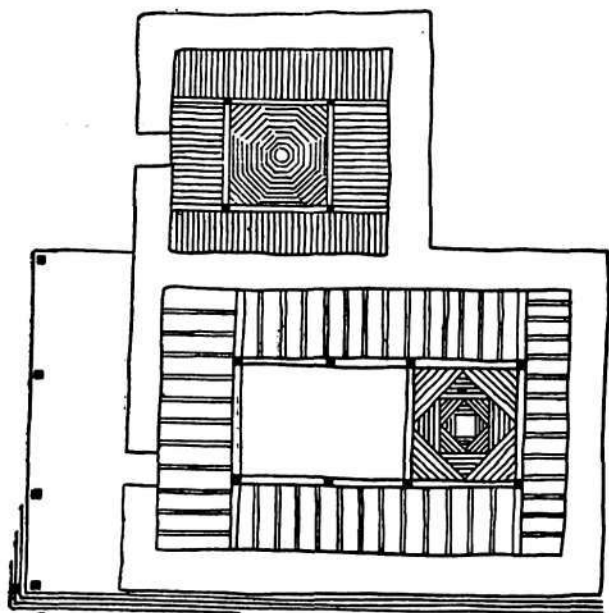

Рис. 16. Реконструкция
перекрытий храма.

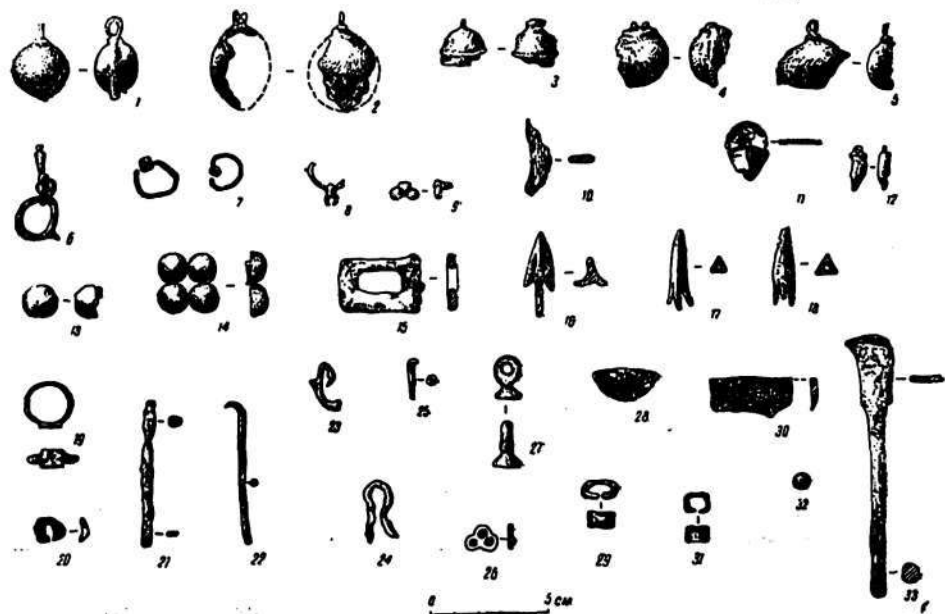
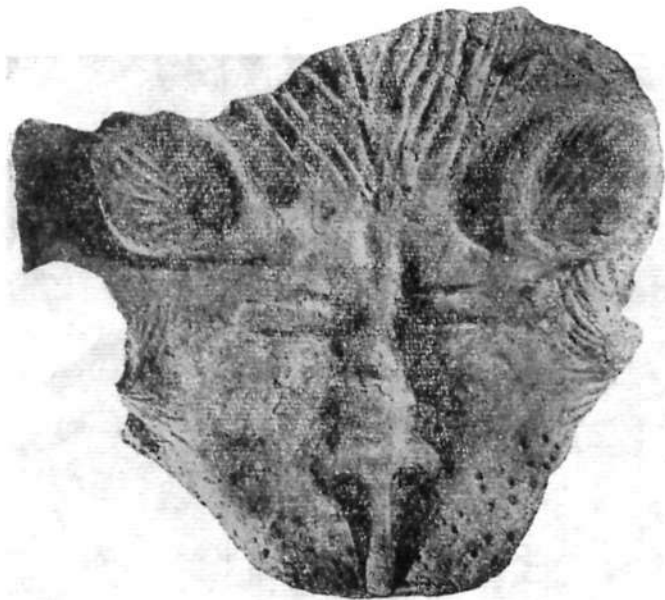

Рис. 17. Бронзовые изделия:

1, 2, 3, 4, 5, 10, 12—бубенчики; 6, 7, 8—серьги; 9, 13, 14, 26—нашивки; 15—пращки; 16, 17, 18—наконечники стрел; 19—перстень; 23, 27—ручки сосудов; 24—щипчики; 25—гвоздь; 28—чашечка весов; 29, 31—скобочки.

Рис. 18. Золотой брактеат с изображением царя вправо. Подражание монетам Варахрана V.

Рис. 20. Маска льва.
Найдена в храме на полу у западной
стены с нишами.

Рис. 21. Шри-Девы.
Голова богини в ее благостном проявлении.

Рис. 22. Голова с вен-
дом из черепов. Воз-
можно, богиня Шри-Девы
в ее гневном проявлении.

Рис. 23. Голова Манжуши—
бога просящего в его гневном
проявлении.

Рис. 24. Голова воина Мары,
найденная на южной суфе храма.

Рис. 25. Голубой торс. Слева
голова льва (процесс вскрытия)
Фрагменты скульптуры найдены
в юго-восточном углу храма.

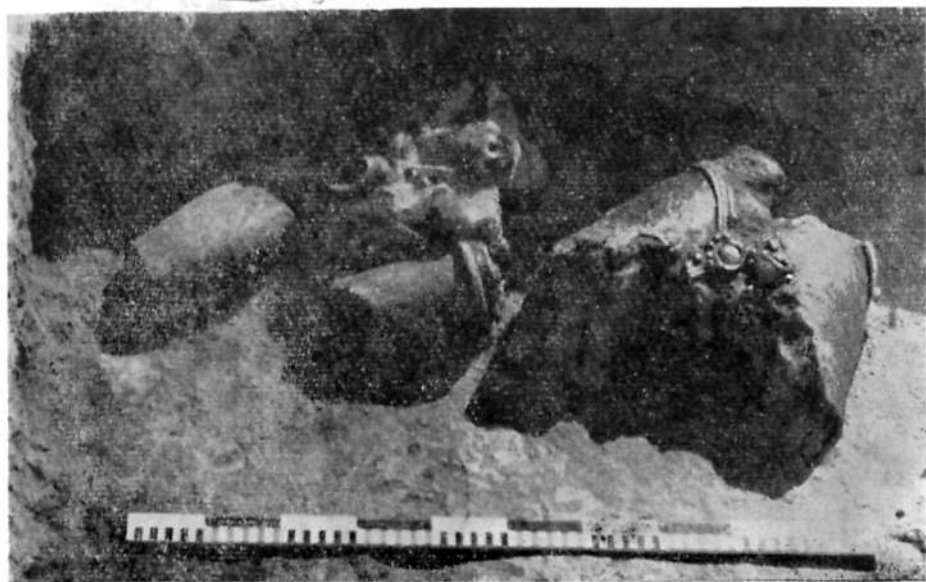
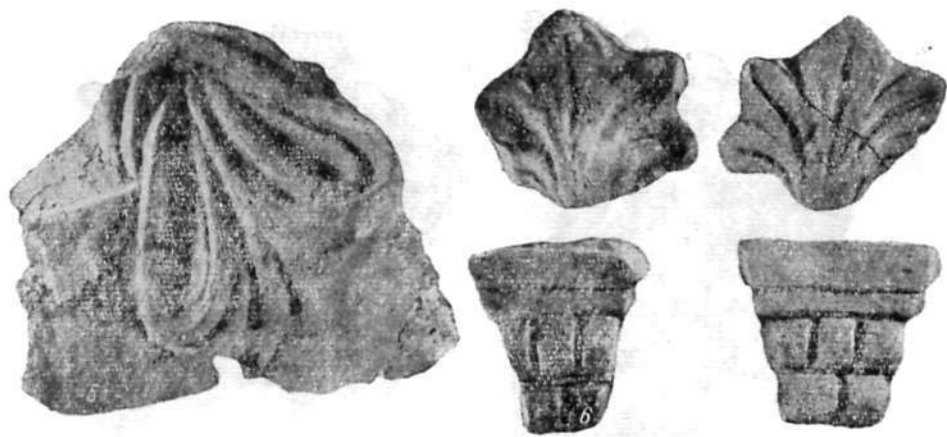

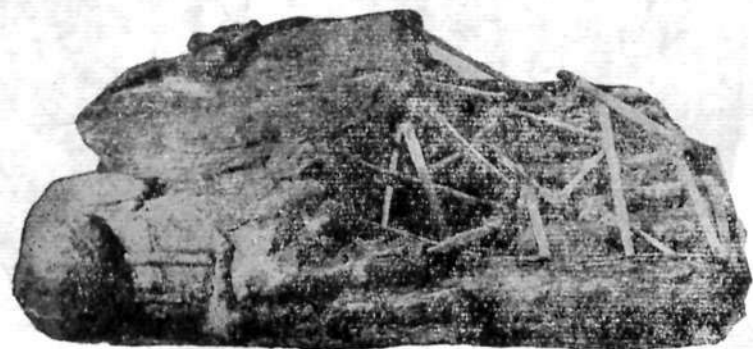

Рис. 26 а. Фрагменты скульптуры:

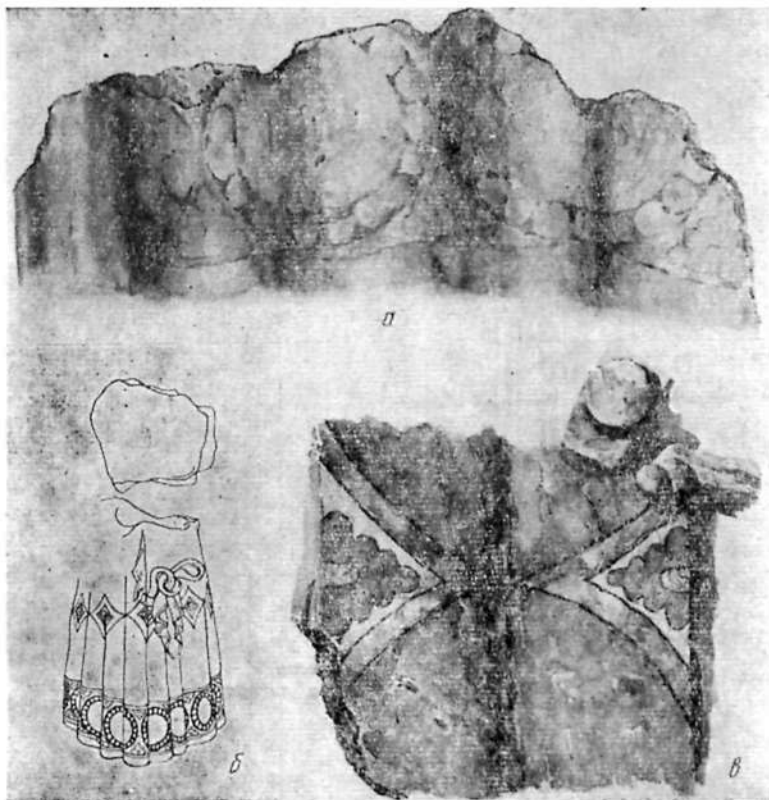
1—часть головы с ухом; 2—прическа с диадемой; 3—лоб с морщинами; 4—рука с браслетом.

Рис. 26 б. Фрагменты скульптуры:
б—декоративный узел-бант; б—архитектурные детали.

Рис. 27. Нижняя часть кафтана всадника (скульптура), обнаруженная у южного фасада храма возле ниши с росписью.

Рис. 28. Всадник в орнаментированном кафтане:

а—рисунок кафтана с реконструкцией орнамента; **б**—подол кафтана; **в**—средняя часть кафтана с сохранившимся орнаментом.

Фрагменты этой скульптуры вместе со скульптурой лошади были найдены у южного фасада храма.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Городище средневековой Кубы	6
Глава II. Жилой квартал VII в. в предместьях Кубы	18
Глава III. Культовый комплекс VII в.	51
Список сокращений	94
Иллюстрации	95

В. А. Булатова

ДРЕВНЯЯ КУВА

*Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии,
Отделением истории, языкознания и литературоведения
АН УзССР*

*Редактор С. Беликова
Технический редактор Р. Ибраимова
Корректор А. Аврелетова*

Р08590. Сдано в набор 5/VI-1972 г. Подписано к печати 4/VII-72 г.
Формат 70×90^{1/16}. Бум. тип. № 1. Бум. л. 3,62 Печ. л. 8,48 Уч.-изд. л. 7,5
Изд. № 122. Тираж 1000. Цена 75 к.

Типография Издательства „Фан“ УзССР, г. Ташкент, ул. Чарданцева, 21.
Заказ № 129.

Адрес Издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Цена 75 к.